

ДИАНА ГЭБЛДОН

Путешественница

История,
ставшая культовым
сериалом XXI века

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон
Путешественница

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Путешественница / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
1994 — (Чужестранка. Сериал по романам Дианы Гэблдон в одном
томе)

ISBN 978-5-04-185084-5

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом XXI века. «Диана Гэблдон – прирожденный рассказчик». The Arizona Republic «Это триумф! Мощная история. Мне нравилась каждая страница». Нора Робертс «Исторические подробности и красивая история любви вновь доказывают, что Диана Гэблдон – превосходный рассказчик». Publishers Weekly Двадцать лет назад Клэр Рэндолл вернулась из прошлого, спасаясь от неминуемой гибели и оберегая свое нерожденное дитя. Двадцать лет она прожила в современном мире, продолжая любить того, с кем ее разделили века. Но теперь, когда она узнала, что ее возлюбленный Джейми Фрэзер выжил после ужасной битвы, ничто не может удержать ее здесь. И тогда Клэр возвращается в Шотландию XVIII века, чтобы разыскать любимого. Но за годы разлуки многое изменилось, и теперь Клэр предстоит узнать: остался ли Джейми тем человеком, которого она полюбила когда-то? Смогут ли они возродить то пылкое и глубокое чувство, которое некогда связывало их? Ведь впереди новые испытания. История, ставшая культовым сериалом «Чужестранка».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185084-5

© Гэблдон Д., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Книга 1	8
Пролог	8
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	20
Часть вторая	36
Глава 4	36
Глава 5	40
Глава 6	53
Часть третья	61
Глава 7	61
Глава 8	72
Глава 9	83
Глава 10	91
Глава 11	107
Глава 12	114
Глава 13	120
Часть четвертая	122
Глава 14	122
Глава 15	137
Глава 16	145
Глава 17	152
Часть пятая	159
Глава 18	159
Глава 19	163
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Диана Гэблдон Путешественница

Diana Gabaldon

VOYAGER

Copyright © 1994 by Diana Gabaldon

© 1994 by Diana Gabaldon

© Зайцева В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Путешественница

Москва
2022

*Моим детям Лауре Джульетт,
Сэмюэлю Гордону и Дженнифер Роуз,
подарившим этой книге плоть,
кровь и душу*

Книга 1

Лабиринты судьбы

Пролог

Когда я была мала, я старалась не заходить в лужи, и не потому, что боялась червяков или опасалась промочить ноги. Совсем наоборот: была я девочкой неаккуратной и постоянно ходила грязной, но мне это было абсолютно все равно.

Сама не знаю почему, я не могла поверить в то, что эта сверкающая водная гладь – всего лишь тонкий слой над твердой землей. Она казалась переходом в следующее бесконечное пространство. Иногда по луже пробежала рябь, и мне казалось, что это ужасно глубокий водоем, как море, где прячутся огромные осьминоги, медленно шевелящие щупальцами, и немо мелькают тени чудовищ с огромными зубами.

В воде я обычно видела собственное щекастое отражение в обрамлении кудряшек на фоне голубого свода и представляла себе, что на самом деле это – переход к другим, следующим небесам. Только сделай шаг – упадешь и будешь бесконечно лететь в никуда сквозь голубую бездну.

Не боялась я ступать в лужи только в сумерках, когда на небе зажигались звезды. Если я видела в темнеющей воде отраженные яркие точки, то исполнялась отваги и с хлопаньем влезала в нее – вода становилась такой же, как небо, и хотелось упасть в этот космос, дотянуться до звезд, схватить одну и почувствовать себя в безопасности.

И сегодня, когда мне встречается лужа, я прихожу в определенное замешательство, хотя, особенно если тороплюсь, я не останавливаюсь и иду по ней.

Но внутренний голос по-прежнему твердит мне: а вдруг в этот раз ты провалишься?

Часть первая Солдатская любовь

Глава 1 Вороний пир

*Многие горцы-вожди сражались,
Много героев со смертью встречались.
И приоттила родная земля
Тех, кто пал за закон и за короля.*

Якобитская песня «Неужели ты не вернешься?»

16 апреля 1746 года

Он умер. Почему-то, правда, болезненно дергало нос; это было странно. Разумеется, он верил в Создателя понимающего и всепрощающего, но испытывал и ту изначальную, словно оставшуюся от первородного греха, вину, заставляющую любого набожного христианина страшиться ада. Впрочем, все, что он знал о преисподней, не позволяло считать, что бесконечные муки, уготованные бедным грешникам, могут свестись к боли в носу.

В то же время в рай он попасть точно не мог. По ряду причин. Прежде всего, он этого отнюдь не заслужил. Кроме того, на рай это было совершенно не похоже. И к тому же он испытывал некоторые сомнения, что сломанный нос, который не особенно похож на адскую кару, можно счесть наградой для благословенных праведников.

Где же он в таком случае? В чистилище? Он представлял его себе как что-то серое и тусклое; однако разлившийся перед глазами блеклый красноватый свет почти подтверждал подобный вывод.

Сознание несколько прояснилось, постепенно возвращался рассудок. С некоторым раздражением он подумал, что хорошо бы кто-нибудь его заметил. И, раз уж его страданий не хватило для того, чтобы очиститься от грехов и, упокоившись, сразу взойти в Царство Божие, пусть ему объявят приговор Высшего судии. Конечно, ему не было ведомо, кого ждать с вестью, ангела или демона: о персонале чистилища и его особенностях не рассказывали в школе, а сам он как-то об этом никогда не размышлял.

В предвкушении встречи он стал прикидывать, какие следующие мучения могут ему достаться, и задумался, не начались ли уже они, так как вместе с сознанием вернулись чувства и, следовательно, боль. Теперь он чувствовал все свои порезы и ссадины и был совершенно уверен, что вновь сломал безымянный палец правой руки. Трудно этого избежать, когда сустав почти не гнется. Так, значит, все не так ужасно. Еще что?

Клэр.

Имя пронзило его сердце словно ножом, причинив боль, не сравнимую ни с какими муками тела.

Если бы он оставался в земной телесной оболочке, несомненно, корчился бы в страшных страданиях. Впрочем, он знал, что так случится, еще когда отсылал ее к кругу камней. Для чистилища же духовные терзания обычны; видимо, решил он, боль разлуки станет основным его наказанием. Главным и достаточным для искупления всех грехов, вплоть до убийства и измены.

Он не был уверен, можно ли грешникам, находящимся в чистилище, молиться, но тем не менее решился на это: «Господи, избавь ее от бед и опасностей. Ее и дитя».

Никаких сомнений: как и прежде, она легка на подъем и быстра на ногу, а своим упрямством превосходит всех известных ему женщин. Однако смогла ли она вернуться обратно, туда, откуда пришла? Скользить по полному опасностей пути, сквозь неведомые таинственные слои, разделяющие «тогда» и «теперь», прошлое и будущее? Он представил себе, что ее, такую одинокую и беспомощную, зажал в кольце камней, а он даже не может прояснить ее участь, и горе заставило забыть о сломанном носе.

Дабы отвлечься от тяжелых мыслей, он вновь решил пересчитать свои телесные раны и весьма огорчился, когда понял, что не чувствует левую ногу. Похоже, ее не было. Впрочем, бедро заявляло о себе колющей болью в суставе, а вот ниже... ничего. Ну что ж, в свое время он вернет себе ногу – либо когда, наконец, попадет в рай, либо, в крайнем случае, в день Страшного суда. В конце концов, его зять Эуон весьма ловко ковылял на деревяшке, заменявшей ему отсутствующую ногу.

Честно сказать, все это затрагивало его самолюбие. Однако все это, возможно, и устроено с тем, чтобы избавить его от греха гордыни? Стиснув зубы, он решил принять выпавшую ему участь со всем присущим ему мужеством и всем смирением, на какое способен, но не смог удержаться и попытался ощупать рукой (или тем, что было у него вместо руки), где же кончается его нога.

Рука наткнулась на что-то твердое. Пальцы зацепились за чьи-то мокрые спутанные волосы. Он резко сел, с трудом отодрал кровавую корку, крепко склеившую его веки, – и вместе со зрением к нему вернулись воспоминания.

Он ошибался. Это был ад. Но, увы, Джеймс Фрэзер отнюдь не умер.

На нем, поперек, лежало чье-то мертвое тело, придавившее своей тяжестью его левую ногу, поэтому он ее и не чувствовал. Тяжелая, как пушечное ядро, голова мертвеца лежала лицом вниз на его животе, и на мокрое полотно рубашки свисали свалывшиеся волосы. Внезапно испугавшись, Джейми дернулся – голова скатилась набок, ему на колени, и из-под волос на него незряче уставился полуоткрытый глаз.

Это был капитан Джек Рэндалл; его красивый красный мундир так промок, что казался почти черным. Джейми попробовал скинуть с себя мертвеца, но неожиданно ослаб. Его рука соскользнула с плеча Рэндалла, локоть, на который он пытался опираться, не удержал тяжести, и Джеймс, упав обратно на спину, уставился в бледное пасмурное небо, от которого кружилась голова. С каждым глубоким вздохом по животу непристойно перекатывалась голова Джека Рэндалла.

Он плотно прижал ладони к влажной земле – между пальцами просачивалась холодная вода, а рубашка на спине насквозь промокла – и, извернувшись, перекатился на бок. Труп медленно соскользнул – и плоть его, лишившись последней защиты, стала открыта дождю и холоду, внезапно пробравшему до костей. Он стал крутиться на земле, пытаясь сладить со своим слипшимся грязным пледом, и вдруг услышал вдалеке, сквозь вой весеннего ветра, похожего на голоса духов, далекие крики и стоны и над ними – хриплое карканье. Вороны. Похоже, множество.

«Странно это, – отстраненно подумал он. – Птицы не должны летать в такую бурю».

Наконец ему удалось вытащить из-под себя плед и укутаться. Накрывая ноги, он увидел, что килт и левая нога в крови, но это его не расстроило и не испугало, а лишь вызвало смутный интерес: темно-красные разводы представляли собой контраст с окружающим его серозеленым болотом, поросшим вереском. Вскоре он перестал слышать отголоски битвы и под зловещее карканье покинул поле Каллодена.

Много позже его разбудили окликом:

– Фрэзер! Джейми Фрэзер! Ты здесь?

«Нет, – рассеянно подумал он. – Меня здесь нет». Где бы он ни был, когда пребывал без памяти, там казалось куда приятнее. Нынче он лежал в неглубокой яме, на дне которой стояла вода. Перестало моросить, но над вереском по-прежнему выл резкий студеный ветер. Небо потемнело, почти почернело – похоже, дело шло к вечеру.

– Да говорю тебе, я видел, как он где-то здесь свалился. Там еще утесник рос. Далекий голос был еле слышен.

Рядом с его ухом послышался какой-то звук. Он повернулся к его источнику и увидел ворона, который замер среди травы неподалеку и уставился на него яркими глазами-бусинами. Черные перья вставали дыбом от ветра. Ворон пришел к выводу, что Фрэзер не опасен, изящно изогнул шею и крепким острым клювом тукнул в глаз Джека Рэндалла.

Джейми дернулся и сердито рывкнул на птицу. С негодующим карканьем ворон взлетел. – Эгей! Туда!

Послышалось хлопанье шагов, и вскоре Джейми увидел над собой чье-то лицо и почувствовал на плече руку друга.

– Он жив! Давай сюда, Макдональд! Дай руку, а то он сам идти не может.

Оказалось их четверо. С большим трудом они закинули бессильные руки Джейми на плечи Юэна Кэмерона и Иена Маккиннона и поставили его на ноги.

Он хотел попросить, чтобы его оставили в покое: вместе с рассудком вернулось и воспоминание о желании смерти. Однако он был слишком рад вновь встретить своих и потому промолчал, тем более что снова дала о себе знать помертвевшая нога, что говорило о том, что рана тяжелая. Все равно ему осталось недолго, а коли так, то и хорошо, что не во тьме одиночества.

– Воды?

У его губ возник ободок чаши; Джейми сумел немного отпить и даже не пролил ни капли. Кто-то на миг коснулся его лба рукой, но ничего не сказал.

Он весь горел, а закрыв глаза, видел огонь под веками. От жара губы его растрескались и болели, но это было лучше, чем то и дело возвращавшийся озноб. По крайней мере, при жаре он мог спокойно лежать в доме, а от озноба его бросало в дрожь, пробуждавшую в ноге спящих демонов.

Мурта.

Почему-то он точно знал (непонятно откуда, он ничего об этом не помнил), что его крестный отец погиб. Из дошедших до его ушей разговоров он понял, что там, на вересковой пустоши, пала почти что половина шотландской армии, но само сражение начисто пропало из его памяти.

Он не был новичком в битвах, потому знал, что в такой забывчивости нет ничего необычного. Понимал он, и что память рано или поздно вернется, потому искренне надеялся умереть до того.

При этой мысли он шевельнулся и испытал прилив такой ужасной боли, что не удержал стон.

– Джейми, ты как?

Рядом с ним озабоченно приподнялся на локте Юэн. В сумраке утра бледнело его лицо: повязка с пятнами крови, бурые пятна на вороте – шальная пуля содрала кожу с головы.

– Ничего, все в порядке.

Он протянул руку и благодарно коснулся плеча друга. Юэн в ответ дотронулся до его руки и улегся обратно.

Черные вороны, черные, как тьма. Вечерами они убирались на покой, но поутру птицы войны, спутники сражений, вновь прилетали на свой ужасный пир.

«И мне могли выклевать глаза, этакими-то клювами», – задумался он о собственных глазах, настоящем лакомстве для падальщиков.

Глазные яблоки беспокойно крутились под веками, тщетно ища забытья, и рассвет виделся им багровой тьмой.

У единственного окна крестьянского дома сошлись мужчины. Они вели тихую беседу.

– Да какой побег, что ты? – сказал один из них, кивнув на свет за окошком. – Побойся бога, малый! Самый здоровый из нас еле передвигает ноги, а шестеро вообще не ходят.

– Можешь ковылять – давай, – произнес кто-то из лежавших на полу. – Незачем на нас равняться.

Джейми скосился на свою раненую ногу, замотанную обрывками килта, и скривился.

Дункан Макдональд, отвернувшись от окна, мрачно улыбнулся и покачал головой. Неверный утренний свет подчеркивал морщины, избородившие его усталое лицо.

– Думаю, лучше затаиться, – заявил он. – Тут видимо-невидимо англичан, что твоих вшей, – аж из окна видно. С Друммондских болот целым не выбраться никому.

– Тем, кто бежал с поля битвы вчера, тоже далеко не уйти, – тихо вставил Маккиннон. – Слышали, как английские войска ночью прошли форсированным маршем? Думаете, им трудно настигнуть разношерстную компанию беглецов?

Все они прекрасно знали ответ. Большинство горцев еще до битвы едва стояло на ногах – так они изнемогли от холода и голода.

Джейми отвернулся к стене. Он надеялся лишь на то, что его люди покинули битву вовремя и смогли пройти достаточный путь. Лаллиброх стоял на отшибе, в стороне от Каллодена, и у них была возможность спастись. Другое дело, что войска Камберленда (Клэр рассказывала), гонимые жаждой мести, беспощадно разорят всю Горную Шотландию.

От новой мысли о Клэр в душе поднялась страшная тоска. Как бы он желал, чтобы она очутилась рядом, прикасалась к нему, врачевала раны и клала его голову на свои колени! Но она ушла – ушла от него на двести лет в будущее, – и слава богу, что так! Из прикрытых глаз медленно покатались слезы, и, преодолевая боль, Джейми отвернулся набок, чтобы скрыть свою слабость от других.

«Боже, пусть у нее все будет хорошо! – взмолился он. – У нее и младенца».

После полудня в окна неожиданно пополз дым. Пугающий запах был острее и гуще, чем пороховая гарь, и слишком уж напоминал кабана на вертеле.

– Покойников жгут, – сказал Макдональд.

Он так и просидел возле окошка все время, что они провели в доме. Со слипшимися от грязи иссиня-черными волосами и бледным изможденным лицом, Макдональд и сам напоминал покойника. Над зарослями вереска то и дело раздавались щелчки выстрелов. То были жесты милосердия – английские офицеры из сострадания добивали ружейными зарядами бедняг в тарганах, а затем сваливали их в погребальный костер вместе с более везучими товарищами, погибшими сразу. Джейми поднял голову: Дункан Макдональд так и сидел у окна, но с закрытыми глазами.

Лежавший рядом с Фрэзером Юэн Кэмерон перекрестился.

– Господи, смилуйся над нами! – прошептал он.

Так и вышло: на следующий день у порога крестьянского дома раздался топот сапог, и беззвучно распахнулась дверь, державшаяся на кожаных петлях.

– Боже милостивый! – воскликнул англичанин, обзрев открывшийся ему вид.

Над грязными окровавленными телами прошел сквозняк. Люди лежали вповалку или сидели на утоптанном земляном полу. О вооруженном сопротивлении не шло и речи: в нем не было смысла, да и сил ни у кого не осталось. Якобиты остались сидеть, как сидели, и вверили свою судьбу возникшему на пороге щеголеватому английскому майору в новеньком мундире и до блеска начищенных сапогах.

Англичанин замешкался, обвел взглядом помещение и шагнул внутрь. Сразу следом за ним зашел лейтенант.

– Я лорд Мелтон, – представился майор, оглядываясь по сторонам, словно в поисках главного, к которому следовало обратиться.

Встретив его взгляд, Дункан Макдональд встал и наклонил голову.

– Дункан Макдональд, из долины Ричи. А остальные... – он махнул рукой, – остатки армии его величества короля Якова.

– Так я и думал, – сухо промолвил англичанин.

Молодой, чуть больше тридцати, майор держался уверенно, как опытный воин. Он внимательно оглядел сгрудившихся в доме людей, полез в карман и достал сложенный листок.

– Это приказ его светлости герцога Камберлендского, наделяющий меня полномочиями предавать смертной казни любого, кто окажется участником только что произошедшего изменнического восстания. – Он снова обвел взглядом помещение. – Есть здесь кто-нибудь, кто заявит о своей непричастности к измене?

Шотландцы только хихикнули. О какой непричастности можно говорить, когда их всех выдавали несмытые кровь и гарь рокового для них сражения?

– Нет, милорд, – ответил Макдональд с еле заметной улыбкой на устах. – Здесь все изменники. Стало быть, нас всех повесят?

Мелтон слегка скривился, однако тут же вернул на лицо невозмутимую маску. Он был строен, изящен, почти хрупок, однако держался уверенно и властно.

– Вас расстреляют, – сказал майор. – У вас час на приготовления.

Он помедлил, бросив взгляд на лейтенанта, словно опасался предстать перед подчиненным излишне великодушным, и продолжил:

– Если кто-то из вас захочет что-нибудь написать – может быть, письмо, – я пришлю отрядного писаря.

Мелтон кивнул Макдональду, повернулся на каблуках и вышел.

Это был мрачный час. Несколько человек воспользовались предложенной возможностью и сосредоточенно выводили на бумаге каракули, держа листы, за неимением другой твердой поверхности для письма, на наклонной деревянной трубе. Другие тихо молились или просто сидели в ожидании неизбежного.

Макдональд попросил за Джайлса Макмартина и Фредерика Мюррея: им всего по семнадцать лет, сказал он, нельзя подвергать молодых той же каре, что и взрослых. В просьбе было отказано, и юноши сели рядом, взявшись за руки и отвернув к стене бледные лица.

При виде них и всех остальных верных друзей и отважных солдат сердце Джейми сжала печаль, однако собственной участи он ждал с нетерпением.

Ему больше нечего здесь делать, не о чем тревожиться. Все, что было возможно, он сделал – для подчиненных, для жены, для нерожденного младенца. Да настанет же конец его телесным мукам, и он упокоится с миром.

Скорее для проформы, а не из потребности Фрэзер закрыл глаза и, как обычно, по-французски, принялся возносить покаянную молитву. «*Mon Dieu, je regrette...*»

Но он ни в чем не раскаивался, да и поздно было о чем-то жалеть.

Он лишь мучился вопросом, встретится ли он с Клэр сразу после смерти, или, как и было сказано, в наказание придется какое-то время побыть с ней в разлуке. В любом случае он увидит ее вновь – Джейми верил в это сильнее, чем в церковные догматы. Бог подарил ему Клэр, Он ее и вернет.

Джейми забросил молитву и представил себе лицо Клэр: нежные щека и висок, высокий чистый лоб, который ему всегда хотелось поцеловать в точку между бровями, у носа, между ясными янтарными глазами. Вспомнил ее рот, тщательно представил себе полные нежные губы и их незабываемый вкус – и вдаль ушли шепот молитв, шорох перьев и еле уловимые ухом рыдания Джайлса Макмартина.

Мелтон вернулся после полудня и привел с собой не только лейтенанта, но и писаря с шестью солдатами. Майор опять замешкался при входе, но Макдональд успел подняться прежде, чем англичанин сказал хоть слово.

– Я пойду первым, – сказал он и ровно зашагал к двери.

Он пригнулся, чтобы выйти, и лорд Мелтон положил руку ему на плечо.

– Будьте любезны назвать свое полное имя, сэр. Писарь занесет его в реестр.

Макдональд взглянул на писаря, слабо улыбнулся углом рта.

– Список трофеев? – Он пожал плечами и выпрямился. – Дункан Уильям Маклауд Макдональд из долины Ричи. – Он вежливо поклонился лорду Мелтону. – К вашим услугам, сэр.

Макдональд вышел за дверь – и вскоре где-то рядом раздался одинокий звук пистолетного выстрела.

Юношам позволили выйти вместе, и они покинули дом, крепко держась за руки. Остальных выводили по одному. У каждого спрашивали имя и вносили в реестр. У двери, склонившись над разложенными на коленях бумагами, примостился на табурете писарь и трудился, не поднимая головы.

Настала очередь Юэна, и Джейми с трудом оперся на локти и изо всех сил сжал руку друга.

– Мы скоро встретимся, – прошептал он.

Юэн лишь улыбнулся, наклонившись, поцеловал Джейми в губы и ушел.

Наконец в помещении остались шестеро пленников, которые не могли самостоятельно передвигаться.

– Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, лэрд Брех-Туараха, – медленно отчетливо сказал Джейми, четко выговаривая для писаря каждую букву, и поднял взгляд на Мелтона. – Милорд, я вынужден попросить вас о любезности: помогите мне подняться.

Не ответив, майор вытаращил на него глаза. Сдержанная неприязнь на его лице сменилась чем-то вроде близкого ужаса.

– Фрэзер? – повторил он. – Из Брех-Туараха?

– Да, так и есть, – терпеливо ответил Джейми, мысленно гневаясь на глупую задержку.

Смириться со скорым расстрелом – одно, а слышать, как убивают твоих друзей, – совсем другое, и нервы это отнюдь не укрепляет. Мало того что ему приходилось опираться на дрожавшие от напряжения руки, так еще и потроха, явно не разделявшие высоких устремлений духа, принялись предательски дрожать.

– Черт побери, – пробормотал англичанин.

Он наклонился к Джейми, лежавшему в тени, повернулся и поманил лейтенанта.

– Помогите перенести его к свету, – скомандовал Мелтон.

Поскольку его перетащили довольно бесцеремонно, у Джейми от резкой боли, вызванной перемещением, закружилась голова, он застонал и прослушал то, что сказал майор.

– Ты и есть тот самый якобит, прозванный Рыжим Джейми? – нетерпеливо повторил англичанин.

Фрэзер с ужасом понял: если признаться, что он и есть Рыжий Джейми, его не расстреляют. Его привезут в Лондон, осудят как опасного государственного преступника и подвергнут публичной казни. Сначала вздернут на виселице, потом, полумертвому, вспорют на эшафоте живот и вырвут кишки. Кишки в ответ забурчали – похоже, их такая перспектива тоже не радовала.

– Нет, – сказал он как можно тверже. – Давайте побыстрее, не тяните kota за хвост.

Не обратив внимания на сказанное, английский майор встал на колени перед Джейми, рванул ворот его рубашки и за волосы откинул голову.

– Черт возьми! – вскричал Мелтон, ткнув пальцем в основание шеи пленника, где белел небольшой треугольный шрам.

Шрам этот почему-то майора чрезвычайно взволновал.

– Джеймс Фрэзер из Брех-Туараха. Рыжий, с треугольным шрамом на шее.

Мелтон отпустил голову Джейми и сел на пятки, в задумчивости почесывая подбородок. Вскоре он собрался, повернулся к лейтенанту и, указав на оставшихся пленников, велел:

– Забери остальных.

Английские солдаты подняли и вывели оставшихся шотландцев, а угрюмо нахмурившийся майор так и стоял над Джейми.

– Мне нужно подумать, – сказал Мелтон. – Черт, мне нужно подумать!

– Думайте, коли есть о чем, – отозвался Фрэзер. – А я прилягу.

Его прислонили к стене и усадили, вытянув перед ним раненую ногу. Выяснилось, впрочем, что после двух дней лежания на спине сидеть уже нет сил. Перед глазами заплясали огоньки, и он повалился на бок, на земляной пол, и прикрыл глаза в попытке побороть голокружение.

Мелтон что-то бурчал себе под нос, из его бормотания Джейми не мог разобрать ни слова, но к этому, впрочем, совершенно не стремился.

Сидя на солнце, он наконец внимательно рассмотрел свою ногу. Разумеется, он не доживет и до виселицы. Воспаление шло вверх от середины бедра, распухшая нога была ярко-красная, ярче засохшей крови. Рана гноилась: теперь, когда смрад от немых тел и гнойных ран других людей уменьшился, он ощущал слабый сладковатый запах собственной разлагающейся плоти. Казалось, мгновенная смерть от пули в голову намного привлекательнее долгой мучительной смерти от гангрены. Он лег горячей щекой на прохладную, мягкую, словно грудь матери, землю, подумал об этом и уплыл в забытье.

Из беспомощности, даже не из сна, его вернул к реальности требовательный голос Мелтона.

– Грей, – твердил этот голос, – Джон Уильям Грей! Помните это имя?

– Нет, – сказал он, плохо соображая из-за слабости и жара. – Сударь, давайте стреляйте и уходите, хорошо? Я болен.

– Неподалеку от Кэрриарика, – нетерпеливо и настойчиво продолжал Мелтон. – Юноша, юноша лет шестнадцати со светлыми волосами. Вы повстречали его в лесу.

Прищурившись, Джейми посмотрел на своего мучителя. Из-за лихорадки он уже неясно видел, но в тонком лице с большими, почти девичьими глазами действительно было что-то знакомое.

– А-а, – протянул он. Из сонма образов, которые беспорядочно крутились в его сознании, выплыло лицо. – Мальчишка, который хотел меня убить. Припоминаю.

Тогда он сломал Джону Уильяму Грею руку. Однако в нынешнем воспоминании тонкая кость юноши превратилась в руку Клэр, которую он вырывал из хватки камней.

Легкий ветерок тронул его лицо ее нежными пальцами.

– Да очнитесь же, черт возьми! – Мелтон встряхнул Джейми, и тот бессильно мотнул головой. – Послушайте же!

Джейми устало открыл глаза.

– Ну что?

– Джон Уильям Грей – мой брат, – сказал Мелтон. – Он поведал мне о встрече с вами. Вы сохранили ему жизнь, и он дал вам обещание.

С огромным трудом Джейми переключился на прошлое.

Верно, он повстречался с тем юношей за два дня до начала этой войны, закончившейся победой восставших шотландцев при Престонпансе. Полгода, отделявшие «тогда» от «теперь», казались огромной пропастью – так много всего за них случилось.

– Да, я вспомнил. Он обещал меня убить. Если вы сделаете это вместо него, я не буду против.

Он вновь смежил веки. Почему бы англичанам не пристрелить его во сне?

– Он сказал, что за ним – долг чести.

Мелтон, отряхнув колени, встал и повернулся к своему подчиненному, который наблюдал за этим допросом с явным недоумением.

– Весьма сложное дело, Уоллес. Этот... это не просто якобит, а знаменитость своего рода. Слыхал о Рыжем Джейми? Ну, тот, что напечатан на разыскных листах?

Лейтенант кивнул, с любопытством поглядев на распростертое у его ног почти бесчувственное тело. Мелтон с горечью улыбнулся.

– Да, сейчас он не кажется особенно опасным. Но все равно это Рыжий Джейми Фрэзер, и его милость будет более чем рад получить такого нерядового пленника. Чарльза Стюарта пока не нашли, но несколько известных якобитов потешат толпу возле Тауэра почти так же.

Лейтенант потянулся за планшетом.

– Может, послать сообщение его милости?

– Нет!

Мелтон повернулся и снова уставился на Фрэзера.

– В этом-то все и дело! По этому грязному бунтовщику плачет виселица, но он – тот человек, что возле Престона взял в плен моего младшего брата, но не застрелил, чего этот щенок вполне заслуживал, а оставил в живых и вернул товарищам. И это, – процедил он, – наложило на всю мою семью этот чертов долг чести.

– Господи боже! – вскричал лейтенант. – Значит, вы не можете передать пленника его милости?

– Нет, чтоб мне лопнуть! Я даже пристрелить этого подлеца не могу, не нарушив данное братом слово!

Пленный открыл один глаз.

– Не бойся, я никому не скажу, – пробормотал он и тут же закрыл глаз снова.

– Заткнись!

Мелтон совершенно взбесился и ударил шотландца ногой. Тот охнул, но промолчал.

– А что, если расстрелять его под вымышленным именем? – предложил лейтенант.

Лорд Мелтон бросил на своего помощника презрительный взгляд и через окно посмотрел в небо.

– Через три часа стемнеет. Я прослежу за захоронением казненных. Следует отыскать возницу, чтобы держал язык за зубами, и небольшую крытую повозку, пусть туда навалит сена. Разумеется, заплатить вознице. Он должен быть здесь с повозкой, как только стемнеет. Все ясно, Уоллес?

– Так точно, сэр! Только вот что с этим пленным, сэр? – спросил лейтенант, указывая на лежавшее на полу тело.

– Что с ним? – резко спросил майор. – Он слишком слаб, чтобы ползать, не говоря уже о том, чтобы ходить. Он никуда не денется, по крайней мере, пока не подъедет фургон.

– Фургон?

Пленный не только обнаружил признаки жизни, но даже приподнялся на локте. Налитые кровью голубые глаза под спутанной рыжей шевелюрой выражали тревогу.

– Какой фургон? Куда меня повезут?

Повернувшись от двери, Мелтон бросил на него взгляд, полный открытой неприязни.

– Куда, интересно, можно отправить лэрда Брех-Туараха, как не в его усадьбу?

– Я не хочу домой. Я хочу, чтобы меня расстреляли.

Англичане переглянулись.

– Бредит, – уверенно заявил лейтенант.

Мелтон кивнул:

– Вряд ли он вынесет дорогу, но его смерть, во всяком случае, не ляжет камнем на мою совесть.

За англичанами плотно закрылась дверь. Джейми Фрэзер остался один – и все еще живой.

Глава 2

Охота начинается

Инвернесс, 2 мая 1968 года

– Разумеется, умер!

В просторном кабинете звенел взволнованный голос Клэр, усиленный эхом с книжных полок. Она стояла возле отделанной пробкой стены, будто пленница, ждущая расстрела, и смотрела то на Роджера Уэйкфилда, то на дочь.

– А по-моему, нет.

Роджер очень устало провел рукой по лицу и поднял со стола папку с материалами изысканий, которыми он занялся три недели назад, когда Клэр и ее дочь пришли к нему в первый раз и попросили о помощи.

Открыв папку, он, не торопясь, перебрал листы.

Якобиты Каллодена. Восстание 1745 года. Храбрые шотландцы, объединенные под знаменем Красавчика принца Чарли, прошли по стране карающим мечом, но при Каллодене на блеклой вересковой пустоши были полностью разбиты герцогом Камберлендским.

– Ну вот, – промолвил ученый и вынул из дела несколько скрепленных листков – на современной фотокопии удивительно выделялся старинный почерк архивных документов. – Это личный состав полка Ловата.

Уэйкфилд протянул Клэр список, но его перехватила ее дочь Брианна и, нахмутив рыжие брови, принялась его изучать.

– Прочти первую часть, – попросил Роджер. – Которая «Офицеры».

– Хорошо, – согласилась Брианна и прочитала вслух: – «Саймон, сын Ловата»...

– Молодой Фокс, – перебил Роджер. – Сын Ловата. И еще пять имен, так?

Брианна покосилась на историка, но продолжила:

– «Уильям Чисхольм Фрэзер, лейтенант. Джордж Д'Амерд Фрэзер Шоу, капитан. Дункан Джозеф Фрэзер, лейтенант. Байард Мюррей Фрэзер, майор».

Брианна чуть побледнела, сделала паузу, чтобы сглотнуть слюну, и произнесла последнее имя:

– «Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, капитан». – Она опустила бумаги. – Мой отец.

Клэр, тоже побледнев, быстро подошла к дочери и взяла ее за руку.

– Да, – сказала она Роджеру. – Я знаю, что он отправился к Каллодену. После того как там... у круга камней... он расстался со мной, он решил вернуться на Каллоденское поле и помочь товарищам, которые боролись на стороне Карла Стюарта. Мы знаем, что он это сделал. – Клэр кивнула на папку. Папка лежала под настольной лампой и казалась таким невинным предметом. – Вы нашли их имена. Но... но... Джейми...

Сказанное вслух, одно это имя произвело на нее сильное действие: Клэр изо всех сил стиснула губы.

Настала очередь Брианны оказать поддержку.

– Ты же говорила, он собирался вернуться, – сказала она, ободряя мать светом синих глаз, – что он хотел увести своих людей с поля, а потом вернуться и принять бой.

Несколько пришедшая в себя Клэр кивнула.

– Он понимал, что убежать от англичан ему почти невозможно, и не хотел, чтобы его схватили, а потом повесили... и заявил, что предпочтет погибнуть на поле боя. Он был намерен так поступить.

Обернувшись к Роджеру, она обратила на него взор. Ее янтарные глаза всегда напоминали ему ястребиные, словно зрение ее было куда острее, чем у большинства.

– Не может быть, чтобы он остался в живых, – там столько было убито, а Джейми осознанно стремился к смерти!

При Каллодене под пушечными ядрами и мушкетными пулями пала почти половина армии хайлендеров. Но не Джейми Фрэзер.

– Да нет, – упрямо заявил Роджер. – Вот же у Линклатера определенно сказано.

Он открыл книгу в белом переплете под названием «Принц в вереске».

– «После сражения, – прочитал ученый, – восемнадцать раненых якобитских офицеров укрылись в крестьянской хижине близ вересковой пустоши, где они провели два дня без пищи и ухода. На исходе второго дня англичане нашли их и расстреляли. Избежал этой участи только один человек, некий Фрэзер из полка Ловата. Все прочие похоронены на опушке местной рощи». Видите? – Он положил книгу и выразительно глянул на женщин. – Офицер полка Ловата.

Роджер снова схватил список.

– Вот они! Все шестеро. Теперь мы понимаем, что человек в хижине не мог быть молодым Саймоном – он хорошо изученная фигура, и что с ним произошло, известно точно. С частью своих людей он, заметьте, не раненый, совершил отступление, с боями пробился на север и в конце концов добрался до замка Бофорт, того, что тут неподалеку.

Уэйкфилд показал куда-то за высокое окно, туда, где неясно светились вечерние огни Инвернесса.

– Однако человек, спасшийся из дома в Линахе, не был и одним из оставшихся офицеров – Уильямом, Джорджем, Дунканом или Байардом. Почему? – Он выхватил из папки следующую бумажку и почти торжественно ею помахал. – А потому, что все они погибли при Каллодене! Все четверо были убиты – я обнаружил их имена на поминальной табличке в церкви у Бьюли.

– О господи, – выдохнула Клэр и бессильно рухнула в старое крутящееся кожаное кресло, которое стояло у стола.

Наклонившись, она положила на стол руки и опустила на них голову. Разметавшиеся густые каштановые кудри скрыли ее лицо. Брианна, высокая стройная девушка с длинными, сияющими в свете лампы рыжими волосами, встревоженно склонилась над матерью.

– Но если он не умер... – осторожно начала она.

Клэр подняла голову.

– Но он мертв! – воскликнула она. Ее лицо застыло, и обозначились мелкие морщины у глаз. – Ради бога, прошло двести лет. Погиб ли он при Каллодене или не погиб – все равно он мертв!

От такого пыла матери Брианна отпрянула, опустила голову, и рыжие – такие же, как у отца, – волосы закрыли лицо.

– Вероятно, – прошептала она, и Роджер увидел, что Брианна еле удерживается от рыданий.

Совершенно неудивительно, подумал он. Сколько всего разом навалилось на бедняжку! Каково это – во-первых, обнаружить, что человек, которого она любила и всю жизнь называла «папа», на самом деле не ее отец; во-вторых, узнать, что ее настоящий отец – шотландский горец-хайлендер, живший двести лет назад; а в-третьих, осознать, что он пожертвовал собственной жизнью для спасения жены и ребенка и умер какой-то страшной смертью. Да уж, есть от чего прийти в смятение!

Роджер подошел к Брианне и коснулся ее руки. Она подняла на него блуждающий взгляд и слабо улыбнулась. Он заключил ее в сочувственные объятия, однако мельком подумал о том, как хорошо чувствовать ее в своих руках – такую теплую, нежную и вместе с тем упругую.

Клэр так и оставалась сидеть за столом. Ее ястребиные глаза чуть посветлели от воспоминаний. Она водила невидящим взглядом по стене кабинета, сверху донизу уставленной книгами, заметками и хрониками – наследством покойного преподобного Уэйкфилда, приемного отца Роджера.

Посмотрев туда же, Роджер обнаружил приглашение на ежегодное собрание Общества Белой Розы – компании энтузиастов-эксцентриков, до сегодняшнего дня борющихся за независимость Шотландии. На традиционных встречах они чтили память Карла Стюарта и его героических соратников-горцев.

Роджер кашлянул.

– Э-э... но если Джейми Фрэзер не погиб при Каллодене... – сказал он.

– Следовательно, он, вероятнее всего, умер после.

Клэр уставилась на него холодным спокойным взглядом.

– Вы не можете себе представить, что там было, – сказала она. – В Горной Шотландии царил голод – никто из них не брал в рот ни крошки несколько дней до битвы. Нам известно, что Джейми был ранен. Даже в случае, если он сумел спастись, не было никого... никого, кто мог бы о нем позаботиться.

Голос ее чуть дрогнул. Да, теперь она стала доктором, но ухаживать за больными и ранеными умела уже тогда, двести лет назад, когда прошла через круг стоящих камней и нашла свою судьбу с Джеймсом Александром Малькольмом Маккензи Фрэзером.

Роджер понимал чувства обеих гостей: высокой нежной девушки, которую он держал в объятиях, и неподвижно сидевшей за столом женщины, что застыла в решимости. Эта женщина прошла сквозь круг камней и совершила путешествие во времени; ее подозревали в шпионаже и арестовали как ведьму. Удивительное стечение обстоятельств вырвало ее из объятий первого мужа, Фрэнка Рэндалла; через три года второй муж, Джеймс Фрэзер, отчаянно пытавшийся спасти от верной смерти ее и еще не рожденного ребенка, отправил ее, беременную, назад через камни.

Роджер прекрасно понимал, что выпавших на ее долю страданий и приключений более чем достаточно, но прежде всего он был историком. Им двигал интерес ученого, не признающий ограничений морали, слишком сильный, чтобы придерживаться лишь сострадания. Более того, Уэйкфилд каким-то образом чувствовал, что в семейной трагедии, к которой он оказался причастен, незримо участвует еще один человек – Джейми Фрэзер.

– А если он не погиб при Каллодене, – более решительно начал он вновь, – можно попробовать узнать, что с ним произошло. Хотите, чтобы я это сделал?

Затаив дыхание, он ждал ответа и ощущал через рубашку теплое дыхание Брианны.

Джейми Фрэзер прожил свою жизнь и встретил свою смерть. Казалось, это очевидно, но Роджер считал, что обязан докопаться до истины. Он и сам толком не понимал зачем. Женщины Джейми Фрэзера имели право знать о нем все известные факты. Брианна вообще никогда его не видела и благодаря этим сведениям могла бы составить какой-то образ отца. А Клэр... Он уже задумался о том, о чем она сама если еще не стала размышлять, то, скорее всего, только из-за шока. Раз она дважды смогла преодолеть временной барьер, то, значит, хотя бы теоретически, это ей вновь удастся.

А коли Джейми Фрэзер не погиб при Каллодене...

В смутном янтаре глаз Роджер увидел искру понимания – та же мысль посетила и ее. Клэр, и так белокожая, побледнела так, что стала цвета лежавшего перед ней на столе ножа для бумаг из слоновой кости. Она стиснула нож с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Несколько долгих минут она молча и пристально смотрела на Брианну, затем перевела взгляд на Роджера.

– Да, – чуть слышно сказала она. – Да. Выясните это для меня. Пожалуйста. Выясните.

Глава 3

Фрэнк и новое открытие

Инвернесс, 9 мая 1968 года

По мосту через Несс шло много народу: люди торопились домой, к ужину. Роджер двигался впереди и закрывал меня от толпы своими широкими плечами.

Мое сердце гулко стучало о твердую книгу, которую я прижимала к груди. Я чувствовала это каждый раз, когда останавливалась и задумывалась, чем же мы занимаемся. Непонятно было, какое знание хуже: что Джейми не пережил Каллоден или что спасся.

Мы возвращались к дому преподобного; мост глухо гудел под нашими ногами.

– Эй, смотри, куда едешь! – крикнул Роджер и быстро отодвинул меня из-под колес велосипеда, водитель которого собирался на полной скорости проехать по мосту против движения.

– Извините! – бросил велосипедист и, просочившись между какими-то школьниками, махнул рукой.

Я осмотрелась в поисках Брианны рядом с собой, но ее нигде не было.

Мы провели день в Обществе охраны древностей. Брианна спустилась в подвал, в отдел кланов, чтобы сделать фотокопии документов, включенных Роджером в список.

– Вы так любезны, Роджер, приняв на себя такие хлопоты, – сказала я, намеренно громко, чтобы меня было слышно сквозь шум речной воды и гул движения.

– Да пустяки, – несколько смущенно ответил он и остановился, чтобы я могла его догнать. – Понимаете ли, мне интересно.

И он слегка улыбнулся.

– Вы же знаете: мы, историки, ненавидим нераскрытые тайны.

И Роджер кивнул, чтобы откинуть с лица темную челку, растрепанную порывом ветра.

О да, историком я знала. Прожила с историком двадцать лет. Фрэнк тоже не хотел оставить эту тайну. Впрочем, не хотел он и раскрывать ее на самом деле. Но два года назад Фрэнк умер, и теперь это было наше дело – мое и Брианны.

– Вы уже получили ответ от доктора Линклатера? – спросила я, когда мы зашли под мост.

Приближался вечер, но северное солнце все еще стояло высоко. Сквозь листву высаженных по берегу лаймов пробивались теплые лучи, которые окрашивали в розовый помещенный под мост гранитный кенотаф.

Роджер, шурясь от ветра, покачал головой.

– Нет, но ведь я написал ему только неделю назад. Если ответ не придет до понедельника, я позвоню. Не волнуйтесь, – улыбаясь, продолжил он, – я был очень осторожен и не рассказал никаких деталей, только общее направление исследования. Написал, что мне нужен список якобитов, прятавшихся в крестьянской хижине в Линахе после Каллоденской бойни, если он имеется, и, возможно, сохранившиеся сведения о человеке, избежавшем казни. И попросил указать мне на источники.

– Вы знакомы с Линклатером? – спросила я и сунула книги под мышку, чтобы моя левая рука отдохнула.

– Нет, но написал ему на бланке колледжа Баллиоль и аккуратно приплел мистера Чизрайта, моего старого руководителя, который действительно знает Линклатера.

Роджер хитро подмигнул, и я рассмеялась. Его ярко-зеленые глаза на смуглом лице сияли. Наверное, ему действительно интересна судьба Джейми, но было совершенно ясно, что им движет еще один, куда более сильный интерес – к Брианне. Мало того, я видела, что это чувство взаимно, однако не уверена, понимает ли это Роджер.

В кабинете покойного преподобного я с облегчением сложила книги на стол и рухнула в кресло у камина. Роджер же принес мне из кухни стакан лимонада.

Кисло-сладкий напиток помог мне перевести дух, но только я окинула взглядом стоявшую на столе книжную стопку, как сердце застучало сильнее.

Есть ли в них сведения о Джейми? Руки, державшие холодный стакан, неожиданно вспотели. Впрочем, я попыталась прогнать неуместные мысли. Не заглядывая так далеко вперед, предостерегла я себя. Посмотрим, что мы найдем, а потом разберемся.

Роджер изучал книжные корешки в надежде выбрать новый путь изысканий. Преподобный Уэйкфилд, приемный отец Роджера, помимо служения, оказался еще и историком-любителем, краеведом-энтузиастом и ужасным барахольщиком – шкафы были забиты старинными и современными книгами, редкими томами и массовыми брошюрами, журнальными подшивками и папками с вырезками из газет и прочим подобным хламом.

После некоторой паузы Роджер оперся на ближайшую к нему стопку. В ней были книги авторства Фрэнка – большой успех, если судить по отрывкам из рецензий на пыльных супер-обложках.

– Вы это читали? – поинтересовался он, показав мне книгу под названием «Якобиты».

– Нет, – ответила я, отпила лимонада и поперхнулась. – Не могла.

После возвращения я категорически отказалась хоть как-то соприкоснуться с текстами по истории Шотландии, хотя специализацией Фрэнка был в том числе восемнадцатый век. Я, вынужденная жить со знанием, что Джейми умер, стремилась обходить все, что могло мне о нем напомнить. Впрочем, из этого все равно ничего не вышло – попробуй-ка выкини его из головы, если перед глазами с утра до вечера своим существованием напоминает о нем Брианна. В любом случае, я не могла себя заставить читать что-либо, связанное с этим пустозвонным Красавчиком принцем Чарли¹ или его несчастными соратниками.

– Понятно. Я лишь предположил, что здесь можно найти что-то полезное.

Роджер покраснел и замолчал.

– А... э-э... ваш муж – я имею в виду Фрэнка, – поспешно добавил он. – Вы рассказывали ему... э-э... о...

Но окончательно смутился и не договорил.

– Конечно, рассказывала! – холодно парировала я. – Как вы это себе представляете? Я появляюсь на пороге его кабинета после трехлетнего отсутствия и спрашиваю: «Здравствуй, милый, что бы ты хотел сегодня на ужин?»

– Нет, конечно, нет, – пробормотал Роджер, отвернулся и впился взглядом в книги на полке, покраснев от смущения до кончиков ушей.

– Простите меня, – вздохнула я. – Вы задали правильный вопрос, просто рана еще не вполне зажила.

Правильнее говорить «совершенно не зажила». Острота полученной боли меня испугала и удивила. Отставив стакан, я решила, что для продолжения беседы мне понадобится что-то покрепче лимонада.

– Да, я все рассказала. О камнях, о Джейми. Обо всем.

Какое-то время Роджер молча изучал портрет Фрэнка на задней стороне обложки – с фотографии потомкам улыбался смуглый, красивый и худой автор.

– А он вам поверил? – тихо спросил Роджер.

Лимонад налип на губы, и перед ответом понадобилось их облизать.

– Нет, – сказала я. – Сначала нет. Он решил, что я сошла с ума, даже отправил к психиатру.

Я усмехнулась воспоминанию, хотя при нем кулаки у меня сами собой сжались от злости.

¹ То есть Карлом Эдуардом Стюартом (1720–1788), известном как Красавчик принц Чарли и Молодой Претендент, якобитском претенденте на английский и шотландский престолы как Карл III в 1766–1788 гг. Со временем принц Чарли стал героем шотландского фольклора.

– А после этого? – Роджер повернул ко мне бледное лицо, сверкнув любопытными блестящими глазами. – Что он подумал?

Я глубоко вздохнула и зажмурилась.

– Не знаю.

В маленькой инвернесской клинике царили запахи карболки и крахмала, превратившиеся для меня в чужие. Я не могла думать и пыталась не чувствовать. Возвращение оказалось много ужаснее прошлого – там меня спасал кокон из сомнений и неверия в реальность происходящего и подпитывала надежда на спасение. Тут же было слишком хорошо понятно, где я и что со мной. И я знала, что спасения нет. Джейми мертв.

Врачи и сиделки пытались вести себя приветливо, кормили и поили, но все мои чувства вытеснили тоска и ужас. У меня спросили имя, я назвала, но больше не сказала ничего.

Меня уложили в чистую белую постель, я сцепила руки над своим оберегаемым животом и закрыла глаза, чтобы перед глазами оказались лишь дождь над вересковым болотом и лицо Джейми – все, что осталось в памяти за миг до того, как я вошла в круг камней. И пыталась продлить воспоминания, поскольку знала, что новые образы – лица сиделок или ваза с цветами возле кровати – неизбежно изгонят прежние и станут обыденностью.

Осторожно я прижала один большой палец к основанию другого, и меня посетило странное облегчение: шрам был на месте. След от маленького пореза в форме буквы «J». Джейми сделал его по моей просьбе – это его последнее прикосновение.

Сколько я так пролежала, не знаю. Иногда я засыпала и попадала во сне к окончанию восстания якобитов. Снова видела покойника в лесу, как Дугал Маккензи умирает на полу Каллоден-хауса и как оборванные хайлендеры спят перед битвой, спрятавшись в грязных окопах.

Просыпалась обычно резко, с жалобными стонами или криком ужаса – и вновь оказывалась среди запаха карболки и умиротворяющего бормотания сиделок, которое после гэльских боевых кличей я не понимала. Но затем меня вновь одолевал сон, и я задремывала, спрятав в кулаках свою боль.

Как-то раз я открыла глаза и увидела Фрэнка. Он стоял в дверях и ладонью приглаживал свои темные волосы. Похоже, он был растерян, что неудивительно.

Я вновь молча откинулась на подушки, не повернув голову в его сторону. Фрэнк был похож на своих предков Джека и Алекса Рэндаллов: те же утонченные черты аристократов и красивой формы голова с непослушной темной шевелюрой. Однако, кроме некоторого несходства обликов, в нем имелись и внутренние отличия: никакого страха или жестокости, ни вдохновенности Алекса, ни высокомерия Джека. Длинное небритое лицо Фрэнка с мешками под глазами казалось умным, добрым и чуть усталым. Мне никто этого не говорил, но я знала: чтобы добраться до больницы, он ехал всю ночь.

– Клэр?

Он нерешительно приблизился к койке и начал так, словно не был уверен, что это в самом деле я.

Сама я тоже не была в этом уверена, однако кивнула и ответила:

– Здравствуй, Фрэнк.

Вероятно, от долгого молчания я говорила хрипло и с трудом.

Он взял меня за руку, я не отвела ее.

– С тобой все... в порядке? – после паузы спросил он, нахмурившись.

– Я беременна.

Моему спутанному разуму это казалось самым важным. Я не задумывалась о том, что сказать мужу, если вновь с ним встречу, но когда я увидела его в дверях палаты, все стало ясно: скажу ему, что беременна, он уйдет – и оставит меня в покое, наедине с образом Джейми в памяти и жарким касанием на руке.

Фрэнк на мгновение замер, но не отпустил руку.

– Знаю. Мне сказали, – тяжело вздохнул он. – Клэр, ты можешь рассказать, что произошло?

На мгновение я почувствовала ужасную пустоту внутри, но сразу пожала плечами.

– Думаю, да, – устало промолвила я, сосредоточиваясь.

Рассказывать не хотелось, но перед Фрэнком у меня имелись определенные обязательства. Я все-таки была его женой.

– Если совсем коротко, то я встретила другого, полюбила и вышла за него замуж. Прости меня, – быстро добавила я, поскольку мое признание произвело очевидное потрясение. – Так уж вышло. Ничего не могла поделать.

Такого Фрэнк не ожидал. Он молча открыл и закрыл рот, как рыба, и сжал мою кисть так крепко, что я скривилась от боли и выдернула ее.

– Что ты имеешь в виду? – резко поинтересовался он. – Клэр, где ты была?

Он резко поднялся и навис надо мной.

– Помнишь, когда мы виделись в последний раз, я собиралась к кругу камней на Крэг-на-Дун?

– Да.

Его лицо выражало гнев, смешанный с недоверием.

– В общем... – облизала я сухие губы. – Видишь ли, там я прошла сквозь расколотый камень и попала в тысяча семьсот сорок третий год.

– Не издевайся надо мной, Клэр!

– Ты, что ли, думаешь, я шучу?

Внезапно это показалось мне ужасной нелепостью, и я захихикала. Но, по правде сказать, в этом не было ничего забавного.

– Перестань!

Я замолчала. В дверях, как чертики из коробочки, появились две сестры. Наверное, сидели в коридоре рядом с палатой.

Наклонившись, Фрэнк вновь схватил меня за руку.

– Послушай, – процедил он. – Ты мне объяснишь, где пропадала и что делала!

– Я и объясняю! Пусти меня!

Я села и опять выдернула руку.

– Говорю же, прошла сквозь камень, и меня забросило на двести лет назад. Где, кстати, встретила с Джеком Рэндаллом, твоим отвратительным предком!

Фрэнк, совершенно ошарашенный, поморгал.

– Кем-кем?

– Черным Джеком Рэндаллом. Ты бы знал, каким он был мерзким, отвратительным извращенцем!

Фрэнк и медсестры разинули от удивления рты. Я услышала за дверью приближавшиеся быстрые шаги и голоса.

– Я была вынуждена выйти замуж за Джейми Фрэзера, потому что только так могла отвязаться от Джека Рэндалла. А потом, Фрэнк, прости, ничего нельзя было поделать: я его полюбила и осталась бы с ним, если бы могла, но он отправил меня обратно из-за Каллодена и из-за ребенка, и...

Человек в белом халате зашел в палату и оттеснил сестер. Я резко замолчала, потом устало проговорила:

– Фрэнк, я не желала, чтобы так вышло, и первое время всеми путями пыталась вернуться. Правда-правда. Но не могла. А теперь слишком поздно.

По лицу заструились непрошеные слезы. Я рыдала по большей части над Джейми, над собой и младенцем, которого носила, но частично и над Фрэнком. Пытаясь перестать, я шмыгнула носом и резко выпрямилась.

– Слушай, – проговорила я, – я понимаю, что теперь ты не пожелаешь иметь со мной никакого дела, и совершенно тебя не виню. Просто... просто уйди, хорошо?

Выражение лица Фрэнка сменилось. Теперь он не злился, а казался расстроенным и несколько озадаченным. Не обращая внимания на врача, пытавшегося посчитать мне пульс, он уселся на кровать.

– Я никуда не уйду, – спокойно сказал он и вновь, против моей воли, сжал руку. – Этот Джейми... Кто он такой?

Я прерывисто вздохнула. Врач попытался определить пульс на другой руке, и мне с ужасом показалось, будто меня захватили в плен. С большим трудом я справилась со своим страхом и заставила себя говорить спокойно.

– Джеймс Александр Малькольм Маккензи, – проговорила я с той же расстановкой, с какой назвал себя Джейми в день нашей свадьбы. Тогда я и узнала его полное имя.

Воспоминание вызвало новый приступ рыданий; меня держали за руки, поэтому пришлось утирать слезы плечом.

– Он был горцем. Его у-убили при Каллодене.

Ничего не выходит! Я вновь принялась плакать, но слезы нисколько не облегчали рвавшееся из меня горе, это был единственный мой ответ на невозможную боль. Я слегка наклонилась вперед, пытаясь оградить от враждебного чужого мира маленькую, почти неощутимую жизнь в моем чреве, единственное, что осталось мне от Джейми Фрэзера.

Фрэнк и доктор обменялись мало понятными мне взглядами. Ну да, это для них Каллоден – далекое прошлое, а для меня эта битва состоялась два дня назад.

– Может, нам следует дать миссис Рэндалл небольшой отдых? – предложил врач. – Похоже, она немного расстроена.

Фрэнк растерянно посмотрел сперва на врача, затем на меня.

– В общем, она действительно расстроена. Но, право же, мне хочется знать... Что это, Клэр?

Он нащупал на безымянном пальце моей правой руки серебряное кольцо и наклонился, чтобы его рассмотреть. Это кольцо подарил мне Джейми на свадьбу: широкое, плетеное, со звеньями из маленьких цветков чертополоха.

Фрэнк попытался снять кольцо с моего пальца.

– Нет! – испуганно крикнула я, отдернула руку, сжала кулак и притиснула его к груди, обхватив левой рукой, тоже с кольцом – золотым обручальным кольцом, полученным от Фрэнка.

– Я не дам тебе его, ты не имеешь права! Это мое обручальное кольцо!

– Клэр, послушай...

Фрэнка прервал врач: он обогнул кровать, встал возле него и что-то зашептал ему на ухо. Я уловила только «Не беспокойте сейчас свою жену... Шок».

Фрэнк вновь встал и, подталкиваемый доктором, направился к двери. По дороге врач кивнул одной из сиделок.

На меня накатила новая волна грусти, и я почти не почувствовала укол шприца и почти не поняла сказанное Фрэнком на прощание:

– Ладно, Клэр, но я все равно все выясню.

Вскоре настала долгожданная тьма – я погрузилась в долгий-долгий сон.

Роджер наклонил графин и наполовину наполнил стакан.

– Бабушка Фионы всегда утверждала, что виски помогает от любых хворей.

– О да, не самое плохое лекарство.

Клэр, также улыбнувшись в ответ, взяла стакан. Роджер налил виски себе и, отпив маленький глоток, присел возле нее.

– Знаете, я пыталась прогнать Фрэнка, – неожиданно проговорила Клэр, опустив стакан. – Заявляла, что он не может чувствовать ко мне то же, что раньше, как бы он ни воспринимал произошедшее. Говорила, что дам ему развод, что он должен забыть меня и продолжать жить так, как он уже начал, пока меня не было.

– Но он на это не пошел, – заметил Роджер, который включил ветхий электрический камин, потому что после заката в кабинете существенно похолодало. – Потому что вы ждали ребенка?

Криво улыбувшись, Клэр быстро поглядела на него.

– Да, именно поэтому. Фрэнк заявил, что бросить беременную женщину фактически без денег может лишь мерзавец. Особенно, – ядовито добавила она, – если связь с реальностью у этой женщины слабовата. Нельзя сказать, что у меня совсем не было денег, – дядя Лэм оставил мне маленькое наследство, – но мерзавцем Фрэнк точно не был.

Сказав это, она посмотрела на книжные полки. Тесными рядами там стояли труды по истории, написанные ее мужем. В свете настольной лампы мерцали позолоченные корешки.

– Да, Фрэнк был чрезвычайно порядочным, – тихо промолвила Клэр, отпила виски и закрыла глаза, чувствуя, как алкоголь проникает в мозг. – А потом... он узнал или заподозрил, что не может иметь детей. Для историка и специалиста по генеалогии – ужасное потрясение. Наверняка вы понимаете: почувствовал себя выпавшим из исторического процесса.

– Да, понимаю, – медленно согласился Роджер. – Но разве он не чувствовал... я хочу сказать, ведь ребенок от другого человека?

– Видимо, чувствовал. – Она подняла свои янтарные глаза, чуть затуманенные виски и воспоминаниями. – Но поскольку не мог поверить в мой рассказ о Джейми, отец ребенка оставался, по сути, неизвестным. Поскольку он не знал, кто этот человек, и убедил себя, что я тоже этого не знаю, а просто сочинила небылицу как результат травматического шока, – тогда никто не мог заявить, что это не ребенок Фрэнка. И, конечно, не я, – с некоторой горечью добавила она.

Клэр отхлебнула виски, поперхнулась и украдкой смахнула с глаз слезы.

– Но чтобы никакой отец точно не появился, он меня увез. Далеко, в Бостон. Ему предложили в Гарварде хорошее место, а у нас там не было никаких знакомых. В Бостоне и родилась Брианна.

Меня в очередной раз разбудил детский плач. Я легла в шесть тридцать, после пяти подходов к ребенку. Мутным взором посмотрела на часы и обнаружила, что стрелки на семи. В ванной шумела вода, а Фрэнк бодро напевал «Правь, Британия».

Я лежала в постели с тяжелыми, как свинец, от усталости руками и ногами и думала лишь о том, смогу ли я вытерпеть плач до момента, когда из ванной выйдет Фрэнк и принесет мне девочку. Но тут Брианна словно прочитала мои мысли и заорала совершенно отчаянно, страшно захлебываясь. Я скинула с себя одеяло и понеслась к ней с таким же ужасом, какой переживала на войне во время воздушной тревоги.

Миновав холодный коридор, я попала в детскую. Трехмесячная Брианна лежала на спине и вопила изо всех сил. Голова у меня от недосыпа варила не слишком, поэтому я даже не сразу поняла, что, когда я уходила в прошлый раз, младенец лежал на животе.

– Радость моя! Ты перевернулась! Сама?

Брианна, напуганная собственной храбростью, замотала розовыми кулачками и, зажмурившись, закричала еще громче.

Я взяла ее на руки и стала гладить спинку, бормоча в рыжую пушистую макушку:

– Моя радость, мое сокровище. Какая умница!

– Что у нас такое? Что случилось?

Из ванной вышел Фрэнк, вытиравший полотенцем голову. Еще одно полотенце он повязал на бедрах.

– Что-нибудь случилось с Брианной?

И обеспокоенно направился к нам. Ближе к родам мы оба волновались, Фрэнк раздражался, я нервничала. Мы не знали, как будут развиваться наши отношения, когда на свет появится ребенок Джейми Фрэзера. Однако когда нянька вынула Брианну из колыбели и вручила Фрэнку со словами «Вот она, папина дочка», на его лице нельзя было прочесть ни следа недовольства. А когда он посмотрел на маленькое личико, напоминавшее бутон розы, весь вид его выражал удивление и нежность. Не прошло и недели, как малышка полностью его покорила.

Улыбаясь, я обернулась к нему.

– Она перевернулась! Сама!

– Да что ты?

Фрэнк провел рукой по восторженному лицу.

– А не рановато?

– Именно что рановато. Если верить доктору Споку, переворачиваться она должна только через месяц!

– Да что он понимает, твой доктор Спок? Иди-ка сюда, моя красавица, поцелуй папу, раз уж ты такая удивительная умница.

Он поднял нежное маленькое тело в удобных розовых ползунках и поцеловал в носочку. Брианна чихнула, и оба мы рассмеялись.

Неожиданно мой смех оборвался: я сообразила, что рассмеялась впервые почти за год, причем впервые – вместе с Фрэнком.

Он тоже это понял – я поймала его взгляд над макушкой Брианны. Его карие глаза были полны нежности. Я несколько смущенно улыбнулась и тут поняла, что Фрэнк – почти голый: капли воды блестели на его мускулистых плечах и сверкали на гладкой загорелой груди.

Блаженное чувство пресек какой-то сильный запах.

Кофе!

Без предисловий сунув Бри мне, Фрэнк бросился на кухню, причем свалил полотенца кучей возле моих ног. Улыбнувшись при виде сверкнувшего зада, такого белого по сравнению с загорелой спиной, я, с девочкой на руках, отправилась туда же.

Голый Фрэнк стоял у раковины в ароматном паре от сгоревшего кофейника.

– Может, чаю? – спросила я, удобно придерживая одной рукой Брианну у своего бедра, а другой шаря в шкафу. – Правда, с бергамотом не осталось, есть только «Липтон» в пакетиках.

Фрэнк скроил рожу: англичанин до мозга костей, он скорее стал бы пить воду из унитаза, чем чай из пакетиков. «Липтон» оставила миссис Гроссман, наша еженедельная уборщица; в отличие от него она считала байховый чай гадостью.

– Нет, я выпью кофе по дороге в университет. Кстати, ты помнишь, что к ужину к нам придут декан с женой? Миссис Хинчклиф хотела подарить что-то для Брианны.

– А, и точно, – вяло отозвалась я.

С Хинчклифами я уже была знакома; никакого удовольствия от встреч с ними я не получила, но ведь в жизни бывают не только удовольствия. Вдохнув про себя, я перехватила ребенка и принялась рыться в ящичке в поисках карандаша, чтобы нацарапать список нужных для приема продуктов.

Брианна уткнулась носом в мой мохнатый красный халат, замыкала и недвусмысленно зачмокала.

– Не могла ты уже проголодаться, – заявила я ее голове. – Тебя кормили меньше двух часов назад.

Тем не менее от ее чмокания из груди потекло молоко. Я села на стул и раскрыла халат.

– А миссис Хинчклиф говорит, что кормить ребенка, как только он откроет рот, нельзя, – заявил Фрэнк. – Если детей не приучать к правильному распорядку, они растут избалованными.

Мнение миссис Хинчклиф относительно воспитания мне было хорошо известно.

– Значит, моя девочка будет избалованной, – сухо ответила я, не глядя на Фрэнка.

Розовый ротик схватил мою грудь, и Брианна стала активно сосать. Я знала, что, по мнению миссис Хинчклиф, кормить грудью – это вульгарно и негигиенично, но я-то видела множество здоровых и крепких младенцев восемнадцатого века, когда никто не подозревал, что можно кормить детей иначе, и думала по-другому.

Фрэнк вздохнул, но не стал возражать, а помедлив миг, стал боком пробираться к выходу.

– Ну ладно, – несколько виновато пробормотал он у дверей, – до шести. Мне захватить в магазин за чем-нибудь, если ты не будешь выходить сама?

– Не надо, я справлюсь, – улыбаясь, ответила я.

– Хорошо.

Фрэнк помедлил у двери, а я устроила ребенка на коленях половчее, уложила ее голову на свой локоть, подняла глаза и неожиданно осознала, что Фрэнк усталился на мою обнаженную грудь. Я опустила взгляд, обнаружила явную эрекцию и быстро опустила голову к девочке, пытаюсь скрыть пылающее лицо.

– До свидания, – пробормотала я.

Он постоял еще чуть-чуть, склонился ко мне и быстро поцеловал меня в щеку, заставив ощутить беспокойную близость его обнаженного тела.

– До свидания, Клэр, – тихо сказал он. – До вечера.

Пока Фрэнк не ушел на работу, он так и не заглянул в кухню, так что мне удалось не только покормить Брианну, но и несколько успокоиться.

После возвращения я ни разу не видела обнаженного Фрэнка: он обычно переодевался в ванной или в кабинете. И до сегодняшней робкой попытки он даже не думал меня целовать. Акушерка сообщила об опасности близости при моей беременности, поэтому, будем ли мы с Фрэнком спать вместе, даже не обсуждалось. К тому же делить с ним постель я была совершенно не расположена.

Но нужно было предвидеть, что когда-нибудь это переменится. Однако сначала я была совершенно поглощена горем, затем впала в апатию, и меня не интересовало ничто, кроме собственного живота и будущего материнства. А после рождения дочери моя жизнь превратилась в ожидание кормления, начинавшегося сразу после предыдущего: ведь счастье, покой и краткое забытие посещали меня лишь тогда, когда ко мне прижималось крошечное тело младенца.

Фрэнк тоже возился с младенцем, с удовольствием играл, а порой Брианна прижималась щекой к его груди, и они вместе засыпали в кресле – долговязый мужчина и крошечная девочка. Но мы с Фрэнком не прикасались друг к другу и говорили лишь на бытовые темы и о ребенке.

Девочка стала тем объектом, посредством которого мы могли общаться, держа друг друга на расстоянии вытянутой руки. Однако Фрэнк, похоже, решил, что это недостаточно близко.

В медицинском смысле нашей близости ничто не препятствовало: на прошлой неделе меня осмотрел врач, который подмигнул, игриво погладил меня по задку и сообщил, что отношения с мужем мне можно возобновить в любой момент.

Я прекрасно понимала, что, пока меня не было, Фрэнк не вел себя как монах. Ему было уже под пятьдесят, однако он, как и прежде, оставался худошавым, мускулистым и гибким. Очень интересный смуглый мужчина. На приемах и коктейлях вокруг него, как пчелы вокруг меда, кружили женщины и, казалось, тихо жужжали от возбуждения.

Как-то раз я заметила на корпоративном приеме девушку: она уныло подпирала стену и тарасилась поверх бокала на Фрэнка. Через некоторое время она стала пьяно рыдать и бормотать что-то невнятное, и подружки увели ее домой. По дороге девушки неодобрительно косились то на Фрэнка, то на меня (я тихо стояла рядом с ним, одетая в широкое платье для беременных).

Тем не менее муж вел себя безукоризненно. Он ночевал только дома и следил, чтобы на воротничках сорочек не оставалось следов губной помады. Однако теперь он, видимо, вздумал вернуться домой во всех смыслах. Наверное, у него было право ждать от меня исполнения супружеского долга, ведь я вновь была его женой.

Этому мешало только одно. Когда мне случалось просыпаться среди ночи, я думала совсем не о Фрэнке. Вовсе не его гибкое тело приходило ко мне во сне и воспаляло меня так, что я просыпалась вся в поту, дрожа от полузабытых прикосновений, которые не ждала испытать наяву.

– Джейми, – шептала я. – О Джейми!

Слезы, лившиеся из глаз, капали на нежный рыжий пушок, покрывавший голову моей крошки, вспыхивали и переливались словно жемчуга и бриллианты.

День не задался с самого утра. У Брианны расстроился желудок. Она то и дело пачкала пеленки, плакала, и каждые пять минут ее приходилось брать на руки. Но и на руках она не успокаивалась и все время срыгивала прямо на меня. К одиннадцати утра я уже три раза меняла блузку.

Неудобный лифчик для кормящих натирал под мышками, при этом соски торчали наружу и мерзли. Ко всему прочему, когда я наконец заставила себя приступить к уборке, под полом что-то лязгнуло, и отопление, тихо вздохнув, вырубилось.

Пришлось звонить в обслуживающую компанию.

– Нет, на следующей неделе мне не подходит! – прорычала я в трубку.

За окнами висел холодный февральский туман, который пытался просочиться в щель под подоконником и заполнить квартиру.

– На термометре – шесть градусов, а в доме – трехмесячный младенец!

Младенец, завернутый во все имевшиеся одеяльца, развалился в детском стульчике и орал как резаный. Игнорируя бормотание собеседника на другом конце линии, я поднесла трубку к разинутому рту Брианны и недолго подержала.

– Слышали? – сурово спросила я, вернув трубку к уху.

– Ну хорошо, – согласился мастер. – Я подъеду сегодня во второй половине дня, от двенадцати до шести.

– От двенадцати до шести? Может, можно поточнее? Я должна выйти, – заявила я.

– Леди, в этом городе не только у вас сдохла печка, – твердо ответил мастер и повесил трубку.

Я глянула на часы: одиннадцать тридцать. Нечего и думать, что за оставшиеся полчаса можно сделать все покупки и вернуться, тем более что поход по магазинам с грудным младенцем в части экипировки и энергозатрат сравним с экспедицией в дикие джунгли Борнео.

Скрипнув зубами, я позвонила в отдел заказов дорогого магазина, набрала все необходимое для гостей и вернулась к дочери: Брианна была уже вся красная от крика, к тому же она опять успела обделаться.

– Погоди, детка. Вот подотремся, и станет гораздо лучше, – приговаривала я, вытирая с красной попки Бри коричневатую слизь.

Она выгнула спину, пытаясь избежать влажной салфетки, и завопила еще громче. За салфеткой – слой вазелина и чистая пеленка, десятая за день. Машина с чистыми пеленками приедет не раньше завтрашнего дня, а весь дом провонял.

– Ну же, миленькая, все хорошо, не плачь.

Я положила девочку на плечо и стала гладить, но она не замолкала. Понятно, почему она плачет, ведь ее бедная попка так воспалилась. Хорошо бы раздеть ее и положить голую на полотенце, но в сложившихся условиях об этом нечего было и думать. Мы надели свитера и тяжелые зимние пальто, отчего кормить было еще труднее, чем всегда: даже на то, чтобы достать грудь, уходило несколько минут, и все это время девочка вопила.

Если Брианна и спала, то короткими периодами, по несколько минут. Конечно, мне тоже не пришлось подремать. Около четырех нам удалось заснуть по-настоящему, но минут через десять нас поднял громкий стук в дверь – это разводным ключом колотил слесарь, пришедший по вызову.

Одной рукой я прижимала к себе ребенка, другой пыталась готовить ужин. При этом в одно ухо орала малышка, а в другое звякали инструменты.

– Ну, леди, навек не поручусь, но сейчас тепло у вас будет, – провозгласил внезапно появившийся слесарь, вытиравший со лба пятно сажи.

Он склонился к Брианне, которая лежала на моем плече и с громким чмоканьем сосала палец, – наступило некоторое затишье.

– Ну как пальчик, сладенький? – осведомился он и, выпрямившись, добавил: – Знаете, говорят, что нельзя разрешать детям сосать пальцы. От этого зубы растут криво, а потом надевают пластинку.

– Что вы говорите? – процедила я. – Сколько я вам должна?

Спустя полчаса на сковороде уже лежала политая соком фаршированная курица, окруженная порубленным чесноком, веточками розмарина и лимонными дольками. Быстро сбрызнув куриную кожу лимонным соком и проткнув ее палочкой, я наконец нашла время переодеться и переодеть Брианну. По виду кухни можно было решить, что ее посетили грабители-неудачники, которые искали клад: шкафы нараспашку, ящики выдвинуты, по всем горизонтальным поверхностям валяются ложки и кастрюли. Я захлопнула шкафы, а потом – и дверь на кухню, надеясь, что не отличающаяся хорошими манерами миссис Хинчклиф все-таки не сунется в закрытую кухню.

Фрэнк купил Брианне новое розовое платье. Очень красивое, но я сомневалась, не будет ли многослойный кружевной воротничок раздражать детскую кожу, к тому же кружева казались мне непрочными.

– Ну ладно, попробуем, – сказала я дочери. – Папа хочет, чтобы ты была красавица. Давай постараемся не слюнявить платьице?

В ответ Брианна прикрыла глаза, поднатужилась и срыгнула, как мне показалось, с особым усердием.

– Вот и молодец! – похвалила я, покривив душой.

Теперь предстояло поменять простыню в кровати, но, по крайней мере, понос не усилился.

Я привела все в порядок, поменяла подгузник, вытерла с лица Брианны сопли и слюни и, наконец, встряхнула розовое платьице. При этом девочка моргала и радостно гукала, размахивая кулаками. Я услужливо нагнула голову и боднула ее в живот, вызвав бурю восторга, выразившегося в еще более громком визге. Еще пара боданий – и мы приступили к тяжелому процессу надевания платья.

Брианне затея не понравилась – стоило продеть голову в вырез, она заныла, а когда я стала засовывать пухлые руки в рукава, она дернулась и громко завопила.

– В чем дело? – испугалась я; я уже понимала смысл издаваемых дочерью звуков и поняла, что это крик боли и испуга. – Что случилось, дорогая?

Она просто зашлась в плаче. Я быстро перевернула Брианну и погладила по спинке, решив, что у нее снова болит живот, но это не помогло. Пришлось снова взять крутившуюся девочку на руки, она стала махать руками, и тут я увидела на внутренней стороне предплечья

длинную красную царапину. В платье застряла булавка, которая поцарапала ее, когда я вдевала руку в рукав.

– Ой, маленькая! Ой, прости! Прости маму!

Чуть не плача, я отстегнула и вытащила противную булавку и крепко прижала Брианну к плечу, чувствуя себя ужасно виноватой. Конечно, я не хотела причинить дочери боль, но она-то этого знать не могла.

– Ох, моя дорогая, – бормотала я. – Все, все прошло. Мама тебя любит, все хорошо.

Ну почему я не подумала о том, что нужно проверить платье? И вообще, какой мучитель придумал упаковывать одежду для младенцев, скалывая ее булавками?

Я все-таки надела на девочку платье, вытерла ей лицо, отнесла в спальню, уложила на свою кровать и только после этого торопливо переделалась в приличную юбку и свежую блузку.

Когда я надевала чулки, раздался звонок в дверь. Один чулок прорвался на пятке, но переодеться было уже некогда. Я сунула ноги в тесные туфли из крокодиловой кожи, схватила Брианну и поспешила открыть.

На пороге стоял Фрэнк, обвешанный пакетами так, что не мог достать ключи. Свободной рукой я забрала у него большинство свертков и положила их на столик в прихожей.

– Ужин готов, дорогая? Я принес новую скатерть и салфетки – подумал, что наши старые уже несвежие. И, конечно, вино.

Он с улыбкой поднял бутылку, наклонившись, пригляделся ко мне и нахмурился, заметив растрепанные волосы и свежезаляпанную молочной отрыжкой блузку.

– Клэр, Клэр, – покачал головой Фрэнк. – Неужели ты не могла чуточку привести себя в порядок? У тебя ведь нет особых дел, ты целый день дома, что же ты не могла уделить несколько минут...

– Нет, – резко сказала я.

И сунула на руки Фрэнку Брианну, которая тут же вновь капризно заныла.

– Нет, – вновь сказала я и вырвала из его руки бутылку. – Нет! – крикнула я, топнув ногой, и замахнулась. Фрэнк увернулся, и тогда я запустила бутылку в дверной косяк. Божоле облило порог, а пол усеяли блестящие на свету осколки стекла.

Разбитая бутылка полетела в азалии, а я, не надев пальто, побежала в холодный туман. У поворота я миновала удивленных Хинчклифов, которые пришли на полчаса раньше назначенного, скорее всего, чтобы поймать меня посреди приготовлений к их визиту.

Ну что ж, надеюсь, ужин им понравится.

Я бесцельно двигалась сквозь туман. Пока я не стала отпускать газ, ноги мне обдувала печка. Домой я не собиралась; куда же податься? В круглосуточное кафе?

Неожиданно я сообразила, что уже около полуночи, а сегодня пятница. Да, я знаю, куда идти. Я повернула обратно к нашему предместью, к церкви Святого Финбара.

В такой поздний час часовня, конечно, была закрыта, чтобы не пускать грабителей и вандалов, но запоздалым прихожанам предлагалось нажать на кодовый замок под дверной ручкой. Тот, кто знал код, мог законно войти. Следовало лишь отметить в журнале, лежавшем у алтаря.

– Святой Финбар? – недоверчиво спросил Фрэнк, впервые услышавший о часовне от меня. – Нет такого святого. И быть не может.

– А вот и есть, – не без самодовольства возразила я. – Ирландский епископ двенадцатого века.

– А, ирландский, – с облегчением протянул Фрэнк. – Тогда понятно. Только я не могу понять, – продолжил он, стараясь сохранять такт, – так это... э-э... зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем тебе посещать эту церковь? Ты никогда не отличалась религиозностью, набожности в тебе не больше, чем во мне. Ты не ходишь ни к мессе, ни к причастию. Отец Беггс каждую неделю спрашивает, где ты.

Я покачала головой.

– По правде говоря, Фрэнк, мне трудно это объяснить. Я хожу туда, потому что... чувствую потребность.

Не зная, как объяснить попонятнее, я беспомощно на него уставилась.

– Там... там царит покой, – сказала я наконец.

Фрэнк открыл было рот, но отвернулся и только покачал головой.

В этой церкви и вправду царил покой. На парковке стоял один-единственный автомобиль запоздалого прихожанина и отсвечивал под фонарем неясным черным. Я записалась в журнале и зашла внутрь, покашливанием предупредив молившегося человека о своем появлении.

Я уселась сразу за крепким мужчиной в желтой куртке. Он почти тут же поднялся, подошел к алтарю, преклонил колени и пошел к выходу, быстро кивнув мне на прощание.

Дверь со скрипом затворилась, и я осталась одна. В недвижимом воздухе ровно горели две большие белые алтарные свечи. В начищенной золотой дароносице лежало несколько облаток. Я закрыла глаза и некоторое время лишь вслушивалась в тишину.

В голове, словно водоворот, кружились дневные события. Без пальто было очень холодно, даже после короткой перебежки через парковку я тряслась, но затем постепенно согрелась и расслабила сжатые на коленях руки.

В конце концов, как обычно, я перестала думать вообще. Не знаю, то ли время остановилось, то ли на меня навалилась вселенская усталость. Я перестала испытывать вину по отношению к Фрэнку, меньше стала тосковать по Джейми, а постоянные материнские тревоги превратились в фоновые, став не громче медленного стука сердца, равномерного и успокаивающего в темноте часовни.

– Господи, – прошептала я, – отдаю на милость Твою душу слуги Твоего Джеймса.

«И мою», – мысленно добавила я.

Я сидела не шевелясь и смотрела на отражения мерцания свеч в золотой дароносице, и тут позади послышались тихие шаги. Кто-то вошел и шумно уселся на церковную скамью. Сюда всегда приходили, днем и ночью. Благословенный алтарь никогда не оставался в одиночестве.

Я посидела еще несколько минут, потом встала, в свою очередь поклонилась алтарю и, уже направляясь к выходу, увидела, как в заднем ряду, в тени статуи святого Антония, задвигался чей-то силуэт. Человек встал и двинулся мне навстречу.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела я.

Фрэнк кивнул на очередного молящегося, уже преклонившего колени, и, взяв меня за локоть, вывел на улицу.

Я подождала, пока дверь часовни не закроется, вырвала руку и повернулась лицом к нему.

– Что такое? – раздраженно спросила я. – Зачем ты сюда притащился?

– Я беспокоился.

Он указал на пустую парковку: «Бьюик» стоял так, словно защищал мой маленький «Форд».

– В этой части города опасно гулять в одиночку, особенно женщинам. Я пришел, чтобы проводить тебя домой. Вот и все.

Он не упомянул ни Хинчклифов, ни ужин, и мое раздражение исчезло.

– А, – сказала я. – А как же Брианна?

– Я попросил приглядеть за ней старушку-соседку, миссис Мансинг, подойти, если она заплачет. Но девочка, похоже, крепко спит и некого не побеспокоит. А теперь пойдем, холодно.

Так и было. От бухты дул холодный ветер, устраивал маленькие смерчи вокруг фонарных столбов. Я, в одной тонкой блузке, поежилась.

– Ну, до дома.

Я зашла проведать Брианну, и меня окутало ласковое тепло детской. Малютка по-прежнему спала, но беспокойно, ворочая рыжей головой туда-сюда, и рот открывался и закрывался, как у рыбки.

– Она проголодается, – прошептала я Фрэнку, который зашел в детскую следом и через мое плечо с любовью смотрел на дочь. – Лучше я покормлю ее сейчас, перед сном. Может, она подольше поспит утром.

– Я дам тебе чего-нибудь горяченького попить, – произнес Фрэнк и исчез в кухне. А я взяла на руки теплый сонный сверток.

Девочка наелась молоком только из одной груди. Рот лениво отпустил сосок, пушистая головка снова тяжело опустилась мне на руку, и все мои попытки ее докормить остались тщетными. В конце концов пришлось отступить. Я уложила Брианну в кровать и поглаживала по спине до тех пор, пока она легко не срыгнула и не погрузилась в сытый спокойный сон.

– Ну, похоже, это на всю ночь?

Фрэнк накрыл девочку одеяльцем в желтых кроликах.

– Похоже на то.

Я откинулась в кресле-качалке, у меня не осталось никаких сил, чтобы встать. Фрэнк подошел ко мне и остановился за спиной, осторожно опустив руку мне на плечо.

– Значит, он умер? – тихо спросил он.

«Я же тебе говорила!» – чуть было не вырвалось у меня, но я осеклась и только кивнула, медленно раскачиваясь в кресле и глядя на кровать с ее маленькой обитательницей.

Правую грудь распирало от молока, и было понятно, что, несмотря на всю усталость, перед сном с этим нужно что-то сделать. Покорившись судьбе, я со вздохом взяла в руки нелепое на вид приспособление, резиновый молокоотсос. Пользоваться им было во всех смыслах неудобно, но надо было воспользоваться им сейчас, чтобы через час не проснуться от распирающей боли в груди, облепленной пропитанной молоком рубашкой.

Я махнула Фрэнку.

– Иди, это быстро, на несколько минут, но иначе не получится...

Вместо ответа он забрал у меня резиновую грушу и положил ее на стол. В теплом темном воздухе детской его рука, действуя будто сама, не руководствуемая сознанием, медленно поднялась и осторожно обхватила мою набухшую грудь.

Фрэнк наклонил голову и осторожно приник губами к соску. Ощувив болезненный, но приятный отток молока, я застонала, непроизвольно опустив ладонь на затылок Фрэнка, плотнее прижала его лицо к груди и выдохнула:

– Сильнее.

Губы были нежные и мягкие, ничего общего с безжалостной хваткой крепких десен ребенка, жадно впивавшихся в грудь.

Не отрываясь от груди, Фрэнк опустился на колени, и на меня накатила волна нежности, какую, как мне в тот момент показалось, мог ощущать Господь при виде поклоняющегося Ему народа. От усталости мне все виделось замедленным, словно под водой. Руки Фрэнка двигались медленно, как водоросли в морском течении. Настойчиво и нежно, как волны, меня подняло и, словно на прибрежный песок, уложило на коврик в детской. Я закрыла глаза, отдаваясь на его волю.

Заскрипели петли в передней старого дома пастора: это пришла Брианна Рэндалл. Услышав голоса девушек, Роджер моментально вскочил и поспешил в холл.

– Ты что мне сказала? Купить фунт наилучшего сливочного масла. Я и купила. Ну а что, если бы я попросила не наилучшего, а?

Брианна болтала и смеялась с Фионой, одновременно разгружая пакеты.

– Ну, если ты купила масло старого негодяя Уиклоу, так оно не то что не наилучшее, а наихудшее, – перебила Фиона. – О, да ты, смотрю, купила и корицу, отлично! Тогда я испеку булочки с корицей. Хочешь посмотреть, как я их делаю?

– Да, но сначала хочу поужинать. Умираю от голода!

Брианна встала на цыпочки и с интересом принялась к доносившимся из кухни ароматам.

– Что это там готовят? Случайно, не знаменитый хаггис – ливер в телячьем рубце?

– Хаггис! Ну и глупая же ты, англичаночка! Кто ж весной хаггис делает! Он бывает осенью, когда забивают скот.

– Значит, я англичаночка? – Похоже, Брианне ужасно понравилось это слово.

– Конечно, глупая. Но я все равно тебя люблю.

Фиона рассмеялась. Она смотрела на Брианну снизу вверх, потому что та была выше почти на фут. В сравнении с обаятельной толстушкой Фионой девятнадцати лет стройная высокая Брианна напоминала готическую статую. Длинный прямой нос и блестящие золотистые волосы лишь упрочивали это впечатление: казалось, девушка сошла со страницы средневекового манускрипта, иллюстрированного такими правдоподобными и яркими картинками, что для них и тысяча лет – не срок.

Роджеру показалось, что во взоре Клэр, стоявшей возле него, смешались любовь, гордость и еще какое-то чувство, возможно, воспоминания?

И его озарило: Джейми Фрэзер, скорее всего, выделялся не только великанским ростом и рыжими, как у викинга, волосами, но и огромным обаянием, которое перешло по наследству его дочери.

Как интересно, подумал он. Кажется, Брианна не говорит и не делает ничего необычного, но при этом без всяких усилий располагает к себе. В ней было нечто притягательное, почти магнетическое, вовлекавшее всех в ее сферу.

Например, сейчас она притянула его. Обернувшись, девушка ему улыбнулась, и Роджер, сам не зная, как это вышло, очутился совсем рядом с ней, так близко, что видел еле заметные веснушки на высоких скулах и ощущал аромат дорогого табака, который впитался в ее волосы в магазине.

– Здравствуй, – улыбаясь, сказал он. – Ну как, удалось найти материалы о кланах или вместо этого вы с Фионой валяли дурочку?

– Валяла дурочку? – Брианна весело сощурилась, и ее глаза стали напоминать голубые треугольники. – Сначала я англичаночка, а теперь и дурочка. Интересно, как вы, шотландцы, называете человека, к которому испытываете симпатию?

– Дор-р-р-рогуш-ш-ша, – ответил Роджер с утрированно раскатистым «р» и долгим «ш», так что девушки расхохотались.

– Вы говорите как сердитый абердинский терьер, – заметила Клэр. – И правда, Бри, ты нашла в библиотеке горных кланов что-нибудь полезное?

– Много чего, – ответила Брианна и принялась рыться в выложенной на столик стопке фотокопий. – Пока делали копии, мне удалось прочесть большинство документов. Вот самая интересная история.

Она вытащила из стопки листок и передала его Роджеру.

Это оказался фрагмент из сборника преданий хайлендеров, посвященный легенде под названием «Скачущий Бочонок».

– Предания? – с сомнением сказала Клэр, взглянув через его плечо. – Это то, что нам нужно?

– Очень может быть, – рассеянно отозвался Роджер, поскольку внимательно читал листок, читать и разговаривать одновременно он не умел. – По большей части, примерно до середины девятнадцатого века, история хайлендеров не документирована. А значит, рассказы о реальных людях и исторических событиях традиционно перемежаются сказочными сюжетами вроде баек о водяных лошадях, привидениях или проделках эльфов и гномов. Ученые, фиксировавшие эти предания, зачастую не понимали природу повествования – чаще всего рассказ представлял собой смесь фактов и мифов, иногда это был откровенный вымысел, но случалось набрести и на описание реального исторического события. Скажем, это, – он передал листок Клэр, – не похоже на сказку. Здесь повествуется о том, как получил свое название совершенно реальный обрыв в Хайленде.

Заправив прядь за ухо и склонив голову, Клэр принялась за чтение, шурясь в рассеянном свете, пробивавшемся сквозь прозрачный потолок. Фиона, выросшая среди старых пожелтевших бумаг и скучных хроник, совершенно не впечатлилась очередным историческим документом и поспешила в кухню проследить за приготовлением ужина.

– «Скачущий Бочонок, – прочитала Клэр. – Каменистый склон с уступами над рекой, получивший свое название в честь происшествия, случившегося с лэрдом-якобитом и его слугой. Лэрд, один из немногих счастливых, сумевших спастись после разгрома при Каллодене, еле добрался до своих владений, но ему пришлось почти семь лет скрываться в пещере на собственной земле, так как по Верхней Шотландии рыскали англичане в поисках беглых сторонников Карла Стюарта. Арендаторы верно хранили тайну лэрда, снабжали его в его убежище едой и прочими припасами, дабы ненамеренно не выдать его постоянно проезжавшим неподалеку английским патрулям, даже между собой называли не иначе как Серая Шляпа. Однажды паренек, поднимавший по склону холма к пещере лэрда бочонок с элем, наткнулся на отряд драгун. Он храбро отказался отвечать на расспросы англичан, а когда один из солдат решил было отобрать бочонок, уронил его; бочонок, подпрыгивая, покатился вниз, упал в протекавшую внизу реку и был унесен пучиной».

Клэр подняла глаза от бумажки и, вопросительно вздернув брови, посмотрела на Брианну.

– А что такого особенного в этой истории? Мы знаем, или полагаем, – поправились она, покосившись на Роджера, – что Джейми спасся после Каллодена, но ведь спаслось и немало других. Почему ты думаешь, что этим лэрдом был именно Джейми?

– Разумеется, Серая Шляпа, – ответила Брианна, которая, похоже, удивилась глупому вопросу.

– Что? – Роджер посмотрел на нее с недоумением. – При чем тут Серая Шляпа?

Вместо ответа Брианна взяла пальцами свою густую рыжую прядь и помахала волосами перед его носом.

– Серая Шляпа, – с нажимом еще раз сказала Брианна. – Почему арендаторы именно так называли лэрда? Потому что за пределами пещеры он всегда носил серую шляпу, чтобы скрыть свою запоминающуюся шевелюру. Ты же говорила, что он получил у англичан прозвище Рыжий Джейми. Враги знали, что он рыжий, – и он был вынужден скрывать свою рыжину!

Онемевший от удивления Роджер вылупил глаза на волнистые огненные волосы девушки.

– Очень может быть, что так и было, – воодушевленно поддержала ее Клэр. – У него были в точности такие же волосы, что у тебя, Бри.

Она протянула руку и нежно коснулась головы дочери.

Девушка с любовью посмотрела в ответ.

– Я знаю, – произнесла она. – Во время чтения я как раз об этом думала – пыталась себе его представить, понимаешь? – Она остановилась и покашляла, словно ей что-то попало в горло. – Воображала, как он скрывается в вересковой пустоши: он прячется, а в его волосах

сияет солнце. Ты рассказывала, он был изгнанником; мне кажется... я тут подумала, что он наверняка отлично умел... прятаться. Ну, от тех, кто собирался его убить, – неуверенно закончила она свою мысль.

– Ну конечно! – поддержал Роджер, стремившийся устранить малейшие причины, от которых омрачился взгляд Брианны. – Это отличная гипотеза. Однако мне думается, если мы ее разработаем, то сумеем узнать все поточнее. Например, найдем на карте Скачущий Бочонок...

– Думаешь, я дуручка? – недовольно пробурчала Брианна. – Я об этом подумала. – Вместо печали в ее взгляде теперь сквозило самодовольство. – Я и задержалась так потому, что заставила библиотекаря выдать мне все имеющиеся у них карты Хайленда.

Она достала из стопки очередную фотокопию и торжественно ткнула пальцем в точку наверху листа.

– Видите? Холм слишком мал, чтобы его обозначали на карте, но на этой он есть. Вот деревня Брех-Мордха, находящаяся, как говорила мама, неподалеку от усадьбы Лаллиброх, а вот холм.

Палец девушки чуть сместился и указал еле заметную точку на карте.

– Видите? – повторила она. – Он вернулся в Лаллиброх, свое поместье, и там скрывался.

– Я и без лупы поверю, что тут написано «Скачущий Бочонок», – выпрямившись, произнес историк и улыбнулся Брианне. – Ну, поздравляю. Похоже, ты его нашла, пусть он и не рядом с тобой.

Брианна улыбнулась, однако ее глаза поблескивали слезами.

– Ага, – тихо согласилась она и тронула пальцами бумаги. – Это мой отец.

Клэр взяла дочь за руку.

– Отрадно видеть, что ты унаследовала не только волосы отца, но и ум матери, – улыбаясь, заметила она. – Давай же отметим твоё открытие ужином, который приготовила Фиона.

– Молодец, – сообщил Роджер: они пошли в столовую вслед за Клэр, причем молодой человек обнял Брианну за талию. – Можешь собой гордиться.

– Спасибо, – улыбнулась она, однако почти сразу вновь о чем-то задумалась.

– Ты что? – вполголоса поинтересовался Роджер по дороге. – Что-то случилось?

– В общем, нет.

Брианна повернулась, и юноша увидел, что между рыжими бровями залегла маленькая морщинка.

– Только... я задумалась, попыталась представить... Как ты думаешь, каково это было? Жить в пещере целых семь лет? Что же с ним потом стало?

Роджер порывисто наклонился и легко поцеловал эту морщинку.

– Не знаю, милая, – сказал он. – Но возможно, мы это узнаем.

Часть вторая Лаллиброх

Глава 4 Серая шляпа

Лаллиброх, ноябрь 1752 года

Когда мальчишки сообщали ему, что все тихо, он, приблизительно раз в месяц, пробирался в дом, чтобы побриться. Темной ночью, крадучись, как лис. Это все равно было рискованно, однако он считал, что бреется, чтобы окончательно не одичать, – бритье казалось тем, что поддерживало его связь с цивилизацией.

Он проскальзывал в дверь кухни, как тень. Его встречала улыбка Эуона или поцелуй сестры – и начиналось таинство преображения. Стоял приготовленный таз с кипятком, на столе лежала свежеправленая бритва, рядом с тем, что скоро превращалось в мыло для бритья. Иногда кузен Джаред присылал из Франции настоящее мыло, чаще же бриться приходилось домашним мылом, жиром, плохо обработанным щелоком, которое щипало глаза.

Преображение начиналось даже с первыми кухонными запахами – яркими, дразнящими, так не похожими на уже привычные болотные и лесные ароматы. Впрочем, по-настоящему он чувствовал себя человеком, только совершив ритуал – побрившись.

Домашние выучились не торопить его с разговорами, терпеливо ждали окончания бритья и понимали, что слова, после месяца одиночества, приходят к нему с трудом. Не потому, что ему нечего было сказать, скорее наоборот: в горле застревало слишком много слов, одновременно рвавшихся на волю в тот краткий промежуток, что был у него в распоряжении. Несколько минут тщательной подготовки требовались ему, чтобы свериться с мыслями и выбрать, что он скажет первым делом и кому.

Разумеется, всегда было и что послушать, и о чем узнать: об английских патрулях в округе, о новостях политики, об арестах и судах в Лондоне и Эдинбурге. Впрочем, все это терпит, первым делом нужно обсудить с Эуоном усадьбу, а с Дженни – детей. Ну а если все не увидят в том опасности, то можно будет даже привести сонных ребятишек, чтобы они поздоровались с дядей, обнялись с ним, расцеловались и, покачиваясь, вернулись в кровати.

– Скоро он станет мужчиной!

Он произнес эти слова в сентябре. Десятилетний старший сын Дженни, его тезка, сидел вместе со взрослыми за столом; он отчетливо осознавал и преимущества того, что он остался единственным мужчиной в доме, и ответственность, которая была на него возложена.

– Ну да, не хватало мне только волноваться еще и из-за этого обормота, – ехидно заметила сестра, но якобы незаметно дотронулась до плеча сына с явной гордостью, несколько противоречившей сказанному.

– Что слышно об Эуоне?

Муж сестры опять, уже в четвертый раз, попал под арест по подозрению в пособничестве якобитам. Три недели назад его отправили в Инвернесс.

Покачивая головой, Дженни поставила на стол блюдо с крышкой, открыла – и сквозь дырку, проколотую в румяной корочке пирога, пошел такой аромат, что у него потекли слюнки.

– Не о чем тревожиться, – спокойно заметила Дженни, выкладывая пирог на тарелку; однако пролежавшая между бровями морщинка выдавала ее озабоченность. – Я послала Фергюса, чтобы тот предъявил им акт переуступки и бумаги, которые Эуону выдали при увольнении

из полка. Они убедятся, что он не лэрд Лаллиброха и, получается, взять с него нечего, и сразу отпустят его домой.

Бросив взгляд на сына, она взялась за кувшин с элем, добавив:

– И черта с два они докажут, что малое дитя – изменник и бунтовщик.

В ее суровом голосе слышалось удовлетворение от бессилия английского суда.

Акт переуступки, подтверждавший факт передачи титула лэрда Лаллиброха от старшего Джейми к младшему, чернила на котором были во многих местах размыты дождем, уже не раз возникал в судах и блокировал попытки короны конфисковать имение как собственность бунтовщика-якобита.

Но все хорошее когда-нибудь кончается; приходило время уходить из тепла родного дома. Сразу за порогом он чувствовал, как вместе с теплом и уютom он теряет чувство причастности к семье. Бывало, он хранил иллюзию почти всю дорогу до пещеры, чаще же она исчезала почти сразу, унесенная холодным ветром с сильным привкусом гари.

Англичане сожгли три фермы за верхним полем. Хью Кирби и Джеффа Мюррея схватили прямо у очагов, вытащили на улицу и застрелили у порога, не сказав ни слова, не предъявив никаких официальных обвинений. Молодого Джо Фрэзера успела предупредить жена (она заметила англичан), он сумел бежать и три недели жил с Джейми в пещере, пока солдаты не ушли, забрав Эуона.

В октябре он увиделся со старшими мальчиками: Фергюсом, подростком-французом, которого он вытащил из парижского притона, и его лучшим другом Рэбби Макнабом, сыном кухарки.

Он аккуратно провел бритвой по щеке и вдоль челюсти, вытер мыльную бритву о край тастика и тут краем глаза увидел, как Рэбби Макнаб смотрит на него восхищенно и с легкой завистью. Чуть повернувшись, он обнаружил, что на него с открытыми ртами уставились трое парнишек: Рэбби, Фергюс и юный Джейми.

– Что, никогда раньше не видели, как люди бреются? – спросил он, вздернув брови.

Рэбби с Фергюсом переглянулись, однако предоставили слово формальному владельцу усадьбы.

– Ну... да, дядя, – покраснев, забормотал он. – Но... я хочу сказать...

Он запнулся и покраснел еще сильнее.

– Когда папы нет дома, да и когда он есть, мы нечасто видим, как он бреется, и... ну... у тебя на лице столько волос, дядя, после целого месяца... и мы так рады тебя видеть... и...

При этих словах Джейми внезапно понял, что мальчишки воспринимают его как романтического персонажа. Живет один в пещере, охотится с наступлением темноты, появляется из туманной ночи весь грязный, заросший, покрытый ярко-рыжей щетиной. Конечно, в их возрасте кажется, что жить изгоем и скрываться в сырой тесной пещере посреди вересковой пустоши – это замечательное приключение. В свои пятнадцать, шестнадцать и десять лет они даже не подозревают, как могут мучить вина, горькое одиночество или бремя ответственности, от которого невозможно освободиться.

Впрочем, они, наверное, понимают, что такое страх. Страх плена, боли, смерти. Но страх одиночества, постоянного пребывания наедине с собой, приводящего к безумию, – это совсем другое дело. Как и непреходящая тревога о том, как бы не навлечь на них беду. Но об этом они уж точно либо никогда не задумывались, либо с беспечностью, свойственной юности, отгоняли от себя подобные мысли, уверенные в своем бессмертии.

– Ну хорошо, – сказал он, небрежно повернувшись к зеркальцу; молодой Джейми окончательно сбился и замолк. – Мужчина для того и рождается, чтобы познать печаль и обрасти бакенбардами. Это одно из проклятий Адама.

– Адама?

Фергюс был явно озадачен, при этом его друзья делали вид, будто понимают, о чем речь. Фергюсу же стесняться было нечего: ему, иноземцу, неведение прощалось.

– Его самого, праотца Адама.

Джейми втянул верхнюю губу и осторожно поскоблил верхнюю губу.

– Вначале, когда Господь сотворил человека, подбородок у Адама был безволосый, как и у Евы. И тела у обоих были гладкими, как у младенцев, – добавил он, заметив, как взгляд племянника метнулся к паху Рэбби.

Хотя борода у Рэбби еще не росла, темный пушок над верхней губой наводил на мысль о растительности в других местах.

– Но когда ангел с огненным мечом изгнал их из Эдема и они оказались за райскими воротами, как подбородок Адама немедленно начал чесаться и на нем появилась щетина. С тех пор мужчина обречен на бритье.

Джейми закончил бритье своего подбородка и отвесил зрителям театральный поклон.

– А остальные волосы? – спросил Рэбби. – Вы ведь их там не бреете!

Молодой Джейми от этих слов фыркнул от смеха и опять покраснел как маков цвет.

– Слава богу, что там, где волосы не видны, можно обойтись и так, – невозмутимо отозвался старший тезка. – А то потребовалась бы весьма твердая рука. Правда, можно было бы справиться без зеркала.

Все расхохотались.

– А леди? – спросил Фергюс.

На слове «леди» его голос сорвался, что вызвало новый взрыв смеха.

– Конечно, у *les filles*, девиц, там тоже есть волосы, но они их не бреют. Обычно не бреют, – поспешно поправился он, видимо, припомнив какой-то эпизод из прошлой жизни в борделе.

Шаги в коридоре известили Джейми о приближении сестры.

– Ну, у леди это вовсе даже и не проклятие, – заявил он восхищенной аудитории и аккуратно выплеснул содержимое бритвенного тазика в открытое окно. – Господь даровал им растительность в утешение мужчинам. Когда вы, джентльмены, получите привилегию увидеть женщину, не обремененную одеждой, – он покосился на дверь и доверительно понизил голос, – вы заметите, что волосы там растут словно стрела, указывающая путь. Поняли? Чтобы бедный невежественный мужчина не сбился с верной дороги.

Он важно отвернулся от мальчишек, которые хохотали, затыкая себе рты, и вдруг ему стало стыдно: беременная сестра, медленно переваливаясь с боку на бок, несла им поднос с его ужином, держа его на уже сильно выступавшем животе. И шутки, отпущенные им ради преходящего ощущения товарищества, показались ему оскорбительными и неуместными.

– Тише! – рявкнул Джейми.

Смех оборвался, ребята недоуменно смотрели на него. Джейми торопливо отобрал у Дженни поднос и поставил.

Жаркое из бекона и козлятины так восхитительно пахло, что Фергюс непроизвольно сглотнул слюну.

Джейми, конечно, понимал, что его встречают самой лучшей едой, намеренно припасенной. Это и так было понятно, хватало лишь взгляда на изможденные лица домашних. Впрочем, он приносил гостинцы: пойманных в силки кроликов и куропаток, иногда яйца ржанки, вынутые из гнезда; однако его подношения не могли насытить всех жителей дома, где кормились не только хозяева и слуги, но и члены семей погибших Кирби и Мюррея. Вдовам и детям арендаторов придется потерпеть по крайней мере до весны, а ему следует как угодно извернуться, но их прокормить.

– Присядь, – попросил он сестру и, взяв за руку, осторожно усадил на лавку возле себя.

Удивленная Дженни, которая, как правило, прислуживала ему во время визитов, явственно обрадовалась. Было уже поздно, и Дженни устала, что читалось по кругам вокруг ее глаз.

Джейми отложил себе немаленькую порцию жаркого и твердо придвинул блюдо с оставшейся козлятиной к сестре.

– Это все тебе! – возразила она. – Я уже ела.

– Мало, – отрубил Джейми. – Тебе и будущему младенцу нужно больше, ты должна есть за двоих, – добавил он, зная, что сестра не сможет отказаться от пищи ради ребенка под сердцем.

И, помедлив, Дженни стала есть.

Сквозь тонкую рубашку и штаны пробирался ноябрьский холод, но Джейми почти ничего не чувствовал: он был занят слежкой. По небу бежали тучи, однако сквозь их края пробивался лунный свет, в котором можно было многое разглядеть.

К счастью, не шел дождь: стук капель о землю мешает слышать остальные звуки, резкий запах намокших листьев не дает разобрать запахи животных. За долгое время, проведенное в лесу, нюх стал острым, как у зверя, и теперь, когда Джейми приходил домой, человеческие запахи били как обухом по голове.

Он был слишком далеко и не учуял запаха оленя, но услышал, как олень вздрогнул оттого, что заметил охотника. Олень застыл и стал похож на тень от облака, мелькавшую на склоне.

Держа в руках взведенный лук, Джейми медленно-медленно обернулся на звук. Он сможет выстрелить лишь единственный раз, как только олень сорвется с места.

Есть! Над невысокой порослью, резко выделяясь на фоне неба, торчали рога. Медленно вдохнув, Джейми сосредоточенно сделал шаг.

Обычно олень уносится прочь так быстро и с таким шумом, что охотник часто мешкает от неожиданности и теряет драгоценное время. Но вместо того, чтобы вздрогнуть, засуетиться и попытаться устроить погоню, наш охотник остался на месте, бестрепетно прикинул скорость и направление и, выждав момент, спустил тетиву, резко хлестнувшую его по запястью.

Выстрел оказался удачным – стрела попала оленю под лопатку и уложила на месте (к радости Джейми, который не был уверен, что сможет догнать подстреленную добычу). Олень рухнул на поляну, неуклюже вытянув ноги. В его потускневших глазах отразился лунный свет, замаскировав темное таинство смерти немым серебром.

Охотник вытащил из-за пояса кинжал и, опустившись на колени, быстро помолился, как научил старый Джон Мюррей, отец Эуона.

Когда отец самого Джейми впервые услышал эту молитву, он скривился, и сын пришел к выводу, что это обращение, скорее всего, предназначено не тому богу, которому они молились в церкви по воскресеньям. Но отец так ничего и не сказал. Джейми же в первый раз возбужденно протараторил, почти не слыша себя, чувствуя руку старого Джона на своем плече: это придало руке твердости в миг, когда он впервые в жизни вонзил нож в звериную шкуру и рассек парившую плоть.

Сейчас, опытный, он одной рукой решительно поднял вверх липкую морду оленя, а другой перерезал горло. Из-под ножа забил горячий фонтан крови, два-три раза судорожно плеснув, кровь полилась равномерно и спокойно.

В другое время, скорее всего, Джейми, поразмыслив, не стал бы так поступать, но голод, головокружение, холодная ночь и азарт охотника не способствовали раздумьям. Он сложил ладони ковшом, подставил под струю, вытекавшую из раны, и поднес ко рту густую темную жидкость, парившую в свете луны.

Джейми втянул в себя солоноватую жижу с легким привкусом серебра, тепло которой казалось ему собственным теплом. Он представлял, что не просто пьет кровь, а поглощает

суть добычи. Кровь была не горячей, он вообще ощутил лишь вкус и головокружительный металлический запах, но потом изголодавшийся желудок сжался и отреагировал на замену еды громким бурчанием.

Он закрыл глаза, отдышался и вскоре почувствовал холодную влажность, стоявшую между ним и остывающей тушей. Джейми сглотнул, провел по лицу тыльной стороной ладони, вытер руки о траву и принялся за дело.

Он с немалым усилием придал обмякшей тяжелой туше правильное положение, после чего нанес «гэллох» – особый охотничий удар, сильный и точный одновременно: продольно рассек брюхо, но не нарушил пузырь с потрохами. С тем же трудом Джейми запустил руки в горячую плоть и рывком вытащил наружу поблескивающие в свете луны, как и его руки, внутренности. Два точных надреза выше и ниже – и потроха были отделены от туши; таинство превращения живого зверя в мясо завершилось.

Несмотря на видные рога, сам олень оказался невелик ростом, и Джейми сообразил, что сможет унести тушу самостоятельно, не зовя никого на подмогу и, значит, не оставляя добычу на сомнительную милость лис и барсуков. Он забросил тушу на спину, с натугой поднялся и покрутил плечами, чтобы уложить ношу.

Переваливаясь, он стал медленно спускаться по холму, и вместе с ним в лунных лучах переваливалась странная горбатая тень. Над его плечом подпрыгивали рога оленя, и в профиль тень казалась каким-то рогатым существом, отчего Джейми против воли передергивало: он вспоминал байки о шабашах ведьм, куда являлся Рогатый и пил козлиную или петушиную кровь, которую приносили ему в жертву.

Джейми ощущал, как все сильнее подпадает под власть безумия. Он все чаще осознавал, что раздваивается, что распадается на две личности – дневную и ночную. Днем его вел исключительно рассудок: он укреплял разум размышлениями и искал укрытия от реальности на страницах книг. Но с восходом луны он, как зверь из логова, выбирался под звездное небо и метался по темным склонам, и голод и таинственный лунный свет пробуждали в нем хищные охотничьи инстинкты, а рассудок и логика уступали место чувствам.

Джейми шел, глядя себе под ноги: его зрение стало таким острым, что риска споткнуться почти не было. Тяжелая туша, давившая на его загривок своим шерстяным боком, уже остывала, как, впрочем (словно он разделял участь с добычей), охлаждалось на ветру и его разгоряченное тело.

И только когда впереди показались лаллиброхские огни, Джейми снова почувствовал, как его ночная и дневная суть, рассудочное и эмоциональное вновь стали сливаться. Ведь он шел домой с добычей, чтобы накормить семью.

Глава 5 Нам даровано дитя

Миновало уже три недели, но Эуон не вернулся, о нем и вовсе не было известий. Фергюс несколько дней тоже не приходил в пещеру, и Джейми мучительно беспокоился о домашних и их делах. Вдобавок ко всему оленя все домашние едоки уже давно доели, а огород в холодное время года выручал мало.

В конце концов волнение усилилось так, что Джейми решил проверить вечером силки и, несмотря на риск, проведать дом.

Как обычно, он надел серо-коричневый колпак из грубой шерсти, надежно прикрывший рыжую шевелюру, которая в любой момент могла засветиться в вечерних лучах. Разумеется, у патруля могли вызвать подозрения и его рост и осанка, но Джейми полагал, что лучше умеет замечать опасность и быстро бегать, да и окрестности знает лучше, с ним в этом могли побороться и местные зайцы.

Возле усадьбы он удивился тишине. Для дома, полного детей (пятеро потомков Дженни, шестеро отпрысков арендаторов, не говоря о Фергюсе и Рэбби Макнабе, которые, хоть и считали себя взрослыми, то и дело с визгом гонялись друг за другом по конюшням), это казалось очень странным.

Джейми вошел через черный ход и прислушался: настораживала непривычная пустота. Дверь по одну руку от него вела в кладовку, по другую – в буфетную и кухню. Несколько мгновений он стоял как вкопанный, впитывая и обдумывая запахи и еле слышные звуки. Нет, дом не был пуст, об этом говорили доносившиеся из-за обитой тканью кухонной двери ритмичные скребки и позвякивание.

Услышав эти успокаивающие, домашние звуки, Джейми решил осторожно приоткрыть дверь. Его сестра Дженни, одна, если не считать младенца во чреве, стояла у стола, помешивая что-то в желтой миске.

– Что ты здесь делаешь? А где миссис Крук?

– Джейми! – воскликнула беременная, побледнев и выронив ложку. – Господи, – она прижала руку к груди и закрыла глаза, – ты напугал меня до смерти.

Затем она открыла глаза, такие же синие, как у брата, и уставилась вопросительным взглядом.

– Что, во имя Пресвятой Девы, ты вообще здесь делаешь? Я ждала тебя только через неделю, не раньше.

– Фергюс давненько не навещался в горы, вот я и забеспокоился, – признался он.

– Джейми, ты прелесть.

С лица пропала бледность, вместо нее появилась приветливая улыбка. Она подошла к брату и обняла. Из-за живота вышло немного неуклюже, но искренне. На миг он прижался щекой к ее макушке, вдыхая сложную смесь ароматов воска, корицы, самодельного мыла и шерсти. Сегодня, как ему показалось, к ним добавился еще один – от нее пахло грудным молоком.

– А где все? – спросил Джейми, неохотно выпустив сестру из объятий.

– Так ведь миссис Крук умерла, – ответила она, и между бровями углубилась еле заметная морщинка.

– Вот как? – Он тихо перекрестился. – Какая жалость.

Миссис Крук служила в усадьбе сначала горничной, а потом домоправительницей с тех пор, как поженились их родители, то есть больше сорока лет.

– Когда?

– Вчера утром. Ее кончина была ожидаемой, отошла она мирно, как и хотела, в своей постели, и отец Макмартри прочел над ней молитву.

Джейми задумчиво посмотрел на дверь, ведущую в комнаты для прислуги, которые были расположены за кухней.

Дженни покачала головой.

– Нет. Я предложила ее сыну провести прощальное бдение у нас, но Круки рассудили, что в нынешней ситуации...

На ее лице читалось все: и отсутствие Эуона, и страх перед англичанами, рыскавшими по округе, и бегство арендаторов, и недостаток провизии, и то, что ее брату приходится прятаться в пещере.

– ...им лучше провести его в Брех-Мордхе, в доме ее сестры. Туда все и пошли. Ну а я сказала, – она улыбнулась, лукаво приподняв бровь, – что нехорошо себя чувствую и лучше останусь дома. Честно говоря, мне хотелось лишь провести несколько часов в тишине и покое.

– Ну вот, а я сдуру заявился и все испортил, – сокрушенно сказал Джейми. – Может, мне уйти?

– Ну нет, братец, – с любовью в голосе промолвила Дженни, – садись, а я буду готовить ужин.

– А что ожидается на ужин? – спросил он, с надеждой принохиваясь.

– Зависит от того, что ты принес, – ответила сестра.

Она тяжело передвигалась по кухне, доставая необходимое из ящиков кухонного шкафа и останавливаясь, чтобы помешать варево в стоявшем на огне большом чугушке, над которым поднимался пар.

– Если ты принес мясо, съедим его. Если нет, то будет похлебка на голяшке.

Представив себе ячмень в бульоне из соленой туши, купленной им два месяца назад, Джейми поморщился.

– Слава богу, обойдемся без солонины. Мне нынче повезло.

Он открыл свой мешок и вывалил на стол три серые заячьи тушки.

– Я еще и нарвал дикого терна, – добавил он, вытрясая содержимое своей серой шляпы, основательно заляпанной красным соком.

Глаза Дженни вспыхнули.

– Пирог с зайчатинной, вот здорово! Смородины, правда, нет, но терн ничуть не хуже, а масла у меня, слава богу, достаточно. – Уловив чуть заметное шевеление в сером мехе, она метко хлопнула ладонью по столу. – Джейми, вынес бы ты их наружу да содрал шкуру, а то, не ровен час, блохи разбегутся по всей кухне.

Вернувшись с освежаванными тушками, он увидел, что Дженни в припорошенном мукой перднике уже замесила тесто для пирога.

– Джейми, разруби косточки и порежь мясо на ломтики, – попросила она, задумчиво глядя в книгу «Рецепты миссис Макклинток длястряпни и выпечки», лежавшую рядом с противнем.

– Но ведь ты можешь запечь зайчатину и без этой книжки?

Он взял с крышки ящика для утвари большой деревянный молоток для дробления костей, взвесил в руке и невольно поморщился. Несколько лет назад в английской тюрьме такой же киянкой ему раздробили правую кисть, и неожиданные воспоминания нельзя было назвать приятными. Впрочем, это не помешало ему энергично взяться за отбивание заячьих тушек.

– В общем, могу, – рассеянно отозвалась сестра, перелистывая страницы. – Просто когда не хватает половины необходимых составляющих, в книге можно найти советы, что чем заменить.

Она нахмурилась, глядя на страницу.

– Обычно я использую для соуса кларет, но кларета в доме нет, остался только бочонок, принадлежавший Джареду, но его я трогать не хочу – он нам еще может пригодиться.

Джейми знал, зачем может понадобится кларет. Бочонок годился на взятку какому-нибудь чиновнику для скорейшего освобождения Эуона или, на худой конец, чтобы узнать что-то о его судьбе.

Он тайком бросил взгляд на округлившийся живот сестры. Конечно, мужчине о таких вещах судить трудно, но насколько он понимал, до родов осталось совсем недолго.

Вдруг Джейми сунул свой клинок в кипяток, булькавший в котелке, затем вытер и спрятал в ножны.

– Для чего ты так сделал, Джейми?

Обернувшись, он понял, что Дженни уставилась на него в упор. Из-под чепчика выбились темные локоны, и Джейми с грустью заметил, что в черные кудри пробрался седой волос.

– А. – Он задумчиво вернулся к тушке зайца. – Клэр считала, что прежде чем резать еду, требуется опустить нож в кипящую воду.

Дженни так осторожно подняла брови, что Джейми это скорее почувствовал. Сестра спросила его о Клэр лишь однажды, после того как он вернулся после битвы, чуть живой, почти без памяти. «Она ушла, – отрезал он тогда и отвернулся. – Никогда не говори при мне ее имя».

Дженни послушно молчала и никогда об этом не заговаривала.

Непонятно, отчего он сегодня вспомнил Клэр, возможно, из-за снов. Ему снились разные сны, но все они были наполнены ее образом; и часто ему казалось, что Клэр только мгновение назад находилась рядом, так близко, что он мог до нее дотронуться, но потом вновь пропадала куда-то.

Иногда он мог бы поклясться, что ощущал ее аромат – дразнящий запах листьев и мускус пряных трав. Бывало, он изливался во сне и стыдился этого. Пытаясь отвлечься, Джейми кивнул на выпирающий живот сестры.

– Скоро уже? – спросил он. – Ты похожа на дождевик, ткни – и пфф!

Для наглядности он резко разжал кулак.

– Ну да, конечно, – прыснула сестра, – знаешь, мне бы очень хотелось, чтобы было пфф, и все.

Выгнувшись, она потеряла спину, отчего живот опасно выпятился. Джейми даже прижался к стене, чтобы освободить место.

– А скоро ли, так все может произойти когда угодно. Скоро, очень скоро, но трудно сказать точно.

Дженни отмерила чашкой муку. Джейми мрачно отметил, что муки почти не осталось.

– Как настанет время, пошли кого-нибудь в пещеру, – внезапно предложил он. – Я приду, несмотря на патрули.

Дженни остановилась и воззрилась на брата.

– Зачем?

– Ну, раз Эуона здесь нет... – неопределенно ответил он.

При этом Джейми продолжил ловко разделять тушку. Несколько быстрых разрезов, три удара молотком – и вот отбитый заяц готов для приготовления.

– А чем бы мне помог Эуон? – хмыкнула Дженни и потянулась за сливочным маслом.

Джейми тоже хмыкнул и сел так, чтобы удобнее было разделять кроликов. Живот Дженни очутился точно перед его глазами, и хорошо было видно беспокойное шевеление нового создания. Не удержавшись, Джейми коснулся рукой живого шара и почувствовал мощнейшие толчки обитателя чрева, которому надоело сидеть в заточении.

– Как начнется, пришли Фергюса, – повторил он.

Сестра досадливо скосилась и ударила ложкой по его руке.

– Говорят тебе: твои услуги здесь лишние! Господи, братец, и без тебя хлопот полон рот: в доме толпа, припасы кончаются, Эуон в кутузке, а в Инвернесе некуда деваться от красных мундиров, куда ни посмотришь, они повсюду. Только волнений за тебя мне и не хватает. А вдруг попадешься?!

– Чего за меня-то волноваться, я как-нибудь и сам обойдусь.

Отвернувшись, Джейми принялся резать мясо.

– Ну и прекрасно, обходись, сиди на холме, – заявила Дженни, скосив на брата взгляд. – У меня уже есть шестеро детей, и до сих пор я как-то справлялась, верно? Думаю, и сейчас справлюсь.

– Выходит, спор окончен? – поинтересовался Джейми.

– Конечно! Надеюсь, у тебя хватит здравомыслия сидеть в пещере?

– Ничего подобного, я спущусь.

Дженни уставилась на него сердитым взглядом.

– Да уж, ты, наверное, самый большой упрямец отсюда до самого Абердина!

Брат поднял на нее глаза и улыбнулся.

– Возможно, и так, – заметил Джейми и, потянувшись, погладил сестру по животу. – А может, и нет. Однако я приду, так что пришли за мной Фергюса, когда придет пора.

Через три дня по склону к пещере подошел Фергюс. Он сбился с дороги и так шумел в кустах, что Джейми узнал о приближении гостя задолго до того, как тот добрался до пещеры.

– Милорд... – с ходу затараторил парнишка.

Джейми быстро набросил на плечи плащ и метнулся мимо Фергюса вниз, домой.

– Но, милорд... – закричал ему вслед запыхавшийся Фергюс. – Милорд, солдаты...

– Солдаты?

Джейми резко остановился и стал нетерпеливо ждать, когда мальчишка приблизится к нему.

– Какие еще солдаты? – спросил он Фергюса, который с трудом сделал последние шаги.

– Английские драгуны, милорд. Миледи послала меня передать, чтобы вы ни в коем случае не выходили из убежища. Один из наших людей видел вчера солдат, разбивших лагерь возле Данмагласа.

– Проклятье!

– Да, милорд.

Фергюс, уставший от бега, уселся на камень, высоко вздымая свою узкую грудь.

Джейми задумался. Он не понимал, как лучше поступить. Всем своим естеством он противился возвращению в убежище. Его переполняло возбуждение, принесенное известием Фергюса, потому, казалось, не было ничего хуже, чем вновь спрятаться в пещере под камнем, как змея.

Джейми уставился на мальчишку, силуэт которого уже отчетливо виднелся на фоне кустарника, впрочем, лицо все еще казалось неясным бледным пятном с темными пятнами на месте глаз. «Что-то тут не так», – забормотал Джейми себе под нос. С чего бы это сестра решила послать гонца в такой неурочный час?

Если нужно было немедленно предупредить его о драгунах, лучше бы отправить Фергюса ночью. Если же не наблюдалось никакой срочности, можно было подождать до следующих сумерек. Да, все ясно: Дженни явно решила, что следующей ночью у нее может и не найтись возможности предупредить брата.

– Что с моей сестрой? – спросил Джейми.

– Все хорошо, милорд, очень хорошо!

Подозрения Джейми только укрепились: Фергюс говорил ужасно искренне.

– Схватки не начались? – поинтересовался он.

– Нет, милорд! Конечно, нет!

Склонившись, Джейми схватил плечо Фергюса, как в клещи. Хрупкие кости подростка напомнили о недавно разделанных кроликах. Впрочем, времени церемониться не было, и Джейми усилил хватку. Парнишка заизвивался от боли.

– Говори правду, малый, – скомандовал Джейми.

– Но милорд! Это правда!

Джейми сжал пальцы еще крепче.

– Она запретила мне говорить?

Должно быть, четкий запрет касался только родов, поэтому Фергюс решил, что может это сказать, и с очевидным облегчением ответил:

– Да, милорд!

– Ага!

Джейми отпустил мальчика, который тут же вскочил и, разминая худое плечо, затараторил:

– Она сказала, милорд, что я ничего другого не должен вам говорить, только о солдатах, потому что, если скажу, она отрежет мне все причиндалы и сварит их, как колбасу с репой.

Услышав угрозу, Джейми не удержался от улыбки.

– Может, у нас и мало провизии, – успокоил он мальчика, – но не настолько.

Над черными силуэтами сосен уже проступало ясное розовое свечение: на горизонте всходило солнце.

– Тогда пойдем, скоро рассвет.

Несмотря на ранний час, тишины в доме не было и в помине. То, что в Лаллиброхе что-то происходит, стало бы понятно каждому. Посреди двора стоял котел для выварки одежды, но огонь под ним не горел, и вода давно остыла. Из коровника доносилось отчаянное мычание коровы, требовавшей ее подоить, а в загоне рядом требовательно блеяли козы, желавшие того же.

Под ноги Джейми, вошедшего во двор, немедленно бросились три громко кудахтавшие курицы: за ними гнался терьер Джеху, знаменитый охотник на крыс.

От удивления и возмущения (что, мол, за дела такие?) Джейми так поддал собаке под брюхо, что терьер взлетел в воздух. Пес удивленно взвизгнул, шлепнулся на землю, после чего от греха подальше скрылся.

В гостиной сидели младшие дети, старшие мальчики, Мэри Макнаб и еще одна служанка, суровая вдова миссис Кирби. Миссис Кирби читала вслух выдержки из Библии.

– «И не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление», – декламировала она.

Послышался громкий протяжный крик сверху, то ли дело повторявшийся. Видимо, стремясь донести до всех смысл Писания, вдова помолчала, а затем вновь приступила к чтению. Своими светлыми, влажными, как устрицы, глазами она посмотрела в потолок, а потом обвела взглядом испуганную и растерянную аудиторию.

– «Впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием»².

Китти бурно зарыдала и припала к плечу сестры. Мэгги Элен покраснела, отчего россыпь ее веснушек стала почти не видна, а ее старший брат от постоянных криков побледнел, как мертвец.

– Миссис Кирби, – произнес появившийся в комнате Джейми, – сообразовите прекратить.

Тон был вполне вежливым, но взгляд Джейми, очевидно, отличался теми же свойствами, как тот, что встретил бедный Джеху перед своим примечательным полетом в результате контакта с сапогом. Миссис Кирби осеклась, ахнула и уронила Библию.

Джейми нагнулся, поднял книгу и показал миссис Кирби зубы. На улыбку не очень походило, но привело к удивительным последствиям: миссис Кирби побледнела и прижала пухлые руки к груди.

– Наверное, вам лучше пойти на кухню, чтобы заняться делом? – спросил Джейми, подняв голову.

Кухарка Сьюзи вылетела за дверь, словно несомый ветром осенний лист. Миссис Кирби, сохраняя достоинство, прошествовала следом.

Джейми, обрадованный своей победой, быстро приспособил всех к делу: вдове Мюррея и ее дочерям велел заняться стиркой, маленьких детей под присмотром Мэри Макнаб послал ловить кур, старшие ребята облегченно отправились заботиться о корове и козах.

Комната наконец опустела, и он задумался. Что же делать дальше? Казалось бы, долг звал находиться наготове, но Джейми прекрасно понимал, что Дженни права и он ей ничем и никак не сможет помочь. Во дворе стоял на привязи чей-то мул, и это означало, что повивальная бабка уже наверху и помогает роженице.

² 1-е Тим. 2, 14–15.

От беспокойства он не мог оставаться на месте и потому мерил шагами гостиную, держа в руках Библию, и хватался за все подряд. Вот поцарапанная и расколотая книжная полка Дженни, это результат прошлогоднего визита «красных мундиров». А вот большой серебряный поднос для фруктов и цветов, вделанный в середину стола, он не влезал в солдатский ранец, и драгоценную вещь попортили прикладами от досады, но оставили на месте, даже не выломали. Да уж, поживиться у них англичанам так и не удалось. Разумеется, кое-что они смогли позаимствовать, однако то, что действительно представляло ценность, в том числе вино Джареда, надежно спрятали в убежище священника – потайной каморке без окон, какие начиная с шестнадцатого века, когда католичество в Англии подпало под запрет, стали устраивать джентльмены-католики в своих жилищах как укрытие для духовных пастырей³.

От очередного долгого стога Джейми невольно покосился на семейную Библию в своей руке и почти неосознанно раскрыл ее на первой странице с хроникой браков, рождений и смертей членов семьи.

Первая запись свидетельствовала о браке их родителей. Брайан Фрэзер и Элен Маккензи. Разборчивым округлым почерком матери были написаны имена и дата свадьбы, а ниже размашистыми каракулями отца – короткая приписка, гласившая: «Брак по любви». Красноречивое примечание: в следующей строке, записанной месяца через два, было засвидетельствовано рождение Уилли.

Как обычно, прочитав это, Джейми улыбнулся и посмотрел на собственный портрет: он, лет двух, красовался на картине рядом с Уилли и Брэнном, крупной оленьей борзой. Это была единственная память об Уилли, скончавшемся в одиннадцать лет от оспы. Картина была с дырой, последствием штыкового удара, отразившего крушение надежд своего прежнего владельца.

– А если бы ты не умер, – тихо спросил Джейми мальчика на картине, – что тогда?

Действительно, что тогда? Он задержался взглядом на последней записи: «Кэтлин Мэйзри Мюррей, родилась – декабря 1749 года, умерла – декабря 1749 года» и закрыл Библию.

И это тоже вопросы. Не явись красные мундиры в тот день, второго декабря, может, и Дженни не родила бы до срока? А было бы лучше, если б у них было вдоволь провизии и сестра не голодала?

– Кто знает? – вновь спросил он портрет.

Рука нарисованного старшего брата покоилась на его плече, и он помнил, что всегда чувствовал себя уверенно, когда Уилли стоял позади.

Раздался еще один крик, и от ужаса Джейми непроизвольно сжал Библию.

– Молись за нас, брат, – прошептал он, перекрестился, вернул книгу на место и отправился на помощь старшим мальчикам.

Впрочем, он оказался не особенно нужен. Рэбби и Фергюс прекрасно ухаживали за немногочисленной оставшейся скотиной, а десятилетний маленький Джейми был вполне крепок и сообразителен и успешно помогал. Джейми поискал себе занятие, затем прихватил охапку сена и понес вниз по склону к мулу повитухи. Когда сено закончится, придется зарезать корову: в отличие от коз зимой ей не хватит еды на склонах, хотя младшие дети и таскают ей траву. Если повезет, на солонине можно продержаться до весны.

Он вернулся в коровник. Увидев Джейми, Фергюс, который сгребал навоз, дерзко вздернул костлявый подбородок:

– Надеюсь, у повивальной бабки хорошая репутация. Ведь нельзя же доверять мадам заботам простой крестьянки?

– Я-то откуда знаю? – сердито ответил Джейми. – Я ее не звал.

³ Priest hole, буквально – нора священника (англ.).

Старая повитуха, помогавшая появиться на свет всем предыдущим детям Мюрреев, миссис Мартинс, как и многие другие, умерла в голод, что случился через год после Каллодена. Новая повивальная бабка, миссис Иннес, оказалась гораздо моложе; Джейми лишь уповал на ее знания и опыт и на то, что она понимает, что делает.

Но тут в разговор встрял Рэбби.

– Ну и что ты имеешь в виду под словом «крестьянка»? – хмуро пробурчал он Фергюсу. – Ты ведь сам крестьянин, или, может, ты этого еще не заметил?

Если бы Фергюс не был на несколько дюймов ниже Рэбби, отчего ему приходилось беседовать с ним, запрокинув голову, его взгляд можно было бы назвать высокомерным.

– Совершенно неважно, крестьянин я или не крестьянин, – важно заявил он. – Я же не бабка!

– Конечно, ты балабол и хвастун!

Вдруг Рэбби сильно пнул Фергюса, так что тот упал на пол конюшни, даже пикнуть не успел. Однако он быстро вскочил и бросился было на хохотавшего обидчика, но Джейми удержал Фергюса, схватив за ворот.

– Нет уж, – заметил он. – От сена и так мало что осталось, незачем приводить в негодность то, что есть.

Джейми отпустил Фергюса и спросил в надежде отвлечь от драки:

– Разве ты смыслишь что-нибудь в повивальном деле?

– А как же, милорд, – важно ответил парнишка. – Когда я служил у мадам Элизы, многие ее девицы оказывались в постели.

– Ну, кто бы в этом сомневался, – буркнул Джейми. – Но мы, кажется, говорим о родах.

– Ну да, а о чем же еще? Многие из них производили на свет детей, да и я сам там родился, – приосанился Фергюс.

– Ну надо же. – Джейми с трудом удержался от смеха. – И что же, ты внимательно наблюдал за процессом родов и таким образом приобрел свои глубокие познания?

Сарказм хозяина Фергюс решил не заметить.

– Конечно, – ответил он деловито. – Сначала повивальная бабка кладет под кровать нож, чтобы отрезать боль.

– Что-то я в этом не уверен, – пробормотал Рэбби. – Во всяком случае, не очень похоже.

В амбаре крики роженицы не казались такими громкими, но избежать их не удавалось.

– А еще берут яйцо, благословляют святой водой и кладут в ноги, чтобы роды прошли легко, – задумчиво произнес Фергюс и нахмурился. – Яйцо-то бабке я сам дал, только вот, боюсь, она не знала, зачем оно. А я хранил это яйцо весь последний месяц, – простодушно продолжил парень, – потому что курицы теперь редко несутся. Хотел быть уверенным в том, что оно будет под рукой, когда понадобится. Ну а после родов, – воодушевленно продолжил мальчик, оставив свои сомнения в связи с яйцом, – повитухе следует приготовить из последа чай и дать его выпить родильнице, чтобы у той было много молока.

Рэбби произвел звуки, явственно свидетельствующие о рвотных позывах.

– Из последа? – недоверчиво воскликнул он. – О господи!

У Джейми тоже подкатил комок к горлу от подобного погружения в современную медицину.

– Ну как же, – стремясь сменить тему, сообщил он Рэбби, – ты же знаешь, французиски едят лягушек. И улиток. Им, видать, и послед уже не страшен.

При этом он подумал, что, если так пойдет дело, всем им вскоре придется перейти на лягушек и улиток, но благоразумно решил не делиться с остальными своими размышлениями.

Рэбби сделал вид, что его сейчас вырвет.

– Ох уж эти французиски!

Находившийся рядом Фергюс быстро развернулся и взмахнул кулаком. Он казался слишком маленьким и тощим для своих лет, однако был сильным и ловким и еще в раннем детстве, проведенном на парижских улицах среди воров, научился молниеносно бить в болезненные места. Получив кулаком под дых, Рэбби сложился пополам, издав звук, подобный тому, какой производит свиной мочевой пузырь, если на него наступить.

– Будь любезен разговаривать с порядочными людьми почтительно, – надменно заявил Фергюс, в то время как побагровевший Рэбби ловил ртом воздух, словно вытасченная на сушу рыба.

Мальчишка глядел с таким забавным видом, что Джейми, несмотря на тревогу за сестру и досаду на драку, чуть не расхохотался.

– А ну, щенки, не распускайте лапы, – начал было он, но тут маленький Джейми, до той поры молчавший и слушавший, внезапно вскрикнул.

– Что такое?

Джейми развернулся и неосознанно схватился за пистолет, который всегда был при нем на случай появления английского патруля.

– Вороны, – сказал он негромко и почувствовал, что волосы встали дыбом.

Появление этих вестников войны и смерти возле дома, да еще во время родов, было наиболее дурным предзнаменованием из всех возможных. Больше того, одна отвратительная птица, не обращая ни на кого внимания, уселась на конек крыши.

Он порывисто вытащил пистолет из-за пояса и хорошо прицелился. До крыши было довольно далеко, да и целиться следовало снизу вверх, однако же...

Пистолет дернулся, и ворон разлетелся облачком черных перьев. Его товарищи взмыли в воздух, словно сдутые взрывом, и скрылись, судорожно маша крыльями. Их хриплые крики быстро растаяли в зимнем воздухе.

– Mon Dieu! – восхищенно воскликнул Фергюс. – C'est bien, ça!⁴

– Да, славный выстрел, сэр!

Все еще красный Рэбби, переводя дух, указал подбородком на дом.

– Гляньте, сэр, это повитуха?

Чтобы понять, что происходит снаружи, миссис Иннес высунула из окна второго этажа белокурую голову. Возможно, она забеспокоилась из-за выстрела, не предвещавшего ничего хорошего. Джейми вышел в конюшенный двор и успокаивающе замахал рукой.

– Все в порядке! – крикнул он. – Так, случайный выстрел.

Он не хотел говорить о воронах, чтобы повитуха не передала это Дженни.

– Идите сюда! – закричала миссис Иннес, не обратив на сказанное никакого внимания. – Младенец появился на свет, ваша сестра требует вас к себе!

Дженни приоткрыла один свой синий глаз, чуть раскосый, как и у брата.

– Значит, ты все-таки пришел, да?

– Ну, должен же хоть кто-то тут помолиться за тебя, решил я, – мрачно проговорил Джейми.

Дженни прикрыла глаз и слабо улыбнулась. Как она похожа на картину, которую он когда-то видел во Франции, подумал он, – старинную картину, хорошую, хоть и кисти какого-то итальяшки.

– Ты дурачок, ну и славно, – прошептала она, открыла глаза и посмотрела на тугой сверток, лежавший у нее на локте. – Хочешь на него взглянуть?

– На него? Так это мальчик?

Дядя множества племянников, наострившийся нянчить маленьких детей, он умело принял маленький сверток и прижал к себе, откинув угол одеяльца.

⁴ Вот это удар! (*фр.*)

Младенец крепко зажмурился, спрятав ресницы в складчатых веках, на его пухлых щеках цвел румянец. Чуть раскосые глаза казались единственным сходством с матерью.

Глядя на маленькую младенческую головку, Джейми неожиданно поймал себя на мысли о дыне. Безмятежно приоткрыв ротик и чуть пошевеливая губами, новорожденный тихо спал. Непростое дело – родиться.

– Нелегкое это дело, да?

Джейми спросил ребенка, однако Дженни отозвалась хриплым измученным голосом:

– Да, не самое простое. Там в буфетной есть виски, принеси мне стаканчик?

И она, поперхнувшись, закашлялась.

– Виски? А разве тебе не следует выпить эля со взбитыми яйцами? – спросил Джейми, с трудом прогнав воспоминания об изложенной Фергюсом диете для родильницы.

– Виски, – сурово скомандовала Дженни. – Вспомни, когда ты валялся раненый внизу и чуть не потерял ногу от гангрены, давала ли я тебе эль со взбитыми яйцами?

– Ты впахивала в меня нечто гораздо худшее, – усмехнулся ее брат, – однако что правда, то правда, в виски мне отказа не было.

Джейми спустился за виски, перед этим осторожно положив младенца на кровать.

– Ты его уже назвала? – спросил он, вернувшись. Он кивнул на ребенка и от души налил сестре спиртного.

– Будет Эуоном, как отец.

Женщина ласково дотронулась до круглой макушки, покрытой нежным золотистым пухом. Кожа над родничком ритмично поднималась и опускалась, отчего казалось, что новорожденный слаб и беззащитен. Хотя повивальная бабка и уверяла, что родился отличный крепыш, Джейми, подчиняясь порыву, вновь принял ребенка на руки и прикрыл его головку одеялом, стремясь защитить.

– Мэри Макнаб рассказала, как ты поставил на место миссис Кирби, – сказала Дженни, мелкими глотками отхлебывавшая виски. – Жалко, мне не довелось увидеть. Она говорит, ты так круто обошелся со старой кошелкой, что та чуть язык не проглотила.

Усмехнувшись, Джейми нежно погладил младенца по спинке и прижал к себе. Удивительно, как спокойно становилось от того, что маленькое тело ребенка находится рядом!

– Жаль, что не проглотила. Как ты вообще терпишь эту дуру в своем доме? Если бы я тут жил, то давно бы уже удавил!

Дженни запрокинула голову, чтобы лучше глотнуть спиртное, усмехнулась и закрыла глаза.

– Ну нет, Джейми, люди всегда докучают так, как ты даешь им это сделать, а вдове Кирби я спуска не даю. Впрочем, – проговорила она быстро, – совру, если скажу, что не хочу от нее избавиться. Я собиралась отослать ее старому Кетрику из Брох-Мордхи. В прошлом году у него скончались дочь и жена, теперь ему нужен кто-нибудь на хозяйство.

– На месте Сэмюэла Кетрика я бы взял вдову Мюррея, – сказал Джейми, – а не вдову Кирби.

– С Пегги Мюррей все решили, – заявила Дженни. – На весну намечено ее венчание с Дунканом Гиббонсом.

– Ну и пройдоха этот Дункан, – удивленно заметил Джейми.

Потом поразмыслил и улыбнулся.

– Слушай, сестрица, а сами они знают?

– Нет еще, – улыбнулась она в ответ, но веселье тут же сменила задумчивость. – Если, конечно, ты сам не имеешь в виду Пегги.

– Я?

Джейми удивился так, словно сестра отчего-то предложила ему выпрыгнуть из окна спальни.

– Ей всего двадцать пять, – настойчиво продолжила Дженни. – Еще не стара для того, чтобы завести детей, и отличная мать.

– Сколько ты уже выпила?

Осторожно перехватив младенца за головку, он склонился к графину, притворяясь, что определяет уровень виски в графине. Затем поднялся и с едва сдерживаемым гневом посмотрел на сестру.

– Да о чем ты говоришь, о какой свадьбе, когда я живу, словно зверь, в пещере?

Неожиданно внутри Джейми стало ужасно пусто; чтобы сестра не заметила, как он расстроен ее речами, стал расхаживать по комнате, качая племянника.

– Скажи-ка, давно ты в последний раз ложился с женщиной в постель?

В потрясении Джейми резко обернулся на вопрос, прозвучавший у него за спиной.

– Ну и вопросыки у тебя!

– Ты не ухаживал ни за кем из девиц от Лаллиброха до Брех-Мордхи, – спокойно продолжила сестра, – иначе я бы знала. И ни с какой вдовушкой не сговорился, как я вижу...

Дженни деликатно помолчала.

– Ты же прекрасно знаешь, – резко ответил Джейми, щеки которого пылали от раздражения.

– А почему? – прямо спросила она.

– Почему? – От неожиданности он разинул рот и уставился на сестру. – Ты с ума сошла? Что же я, думаешь, похож на мужчин, которые таскаются из дома в дом и норовят улечься с каждой?

– Ну не с каждой, конечно, – грустно улыбнулась та. – Братец, ты благородный честный человек и не воспользуешься женской слабостью. Так я и твержу, что тебе нужна не любовница, а жена.

– Нет! – закричал так громко, что младенец дернулся и пискнул.

Джейми машинально стал его баюкать и вместе с тем сердито выговаривать:

– Послушай меня, Дженни Мюррей, я не собираюсь еще раз жениться, и выкинь из головы свои желания сводни. Ничего такого и знать не хочу, слышишь меня?

– Слышу, – спокойно ответила сестра и села в кровати, опершись на подушку, чтобы посмотреть ему в глаза. – Ты желаешь жить как монах до конца дней своих? – спросила Дженни. – И отправишься в могилу, не оставив сына, который тебя похоронит и продолжит твой род?

– Черт возьми, не твое дело!

Он резко отвернулся, быстро отошел к окну и уставился невидящим взором на двор, пытаясь унять бьющееся сердце.

– Конечно, ты тоскуешь по Клэр, – раздался тихий голос Дженни за его спиной. – Думаешь, если Эуон не вернется, я смогу его забыть? Но ведь жизнь продолжается, братец, да и не думаю, чтобы Клэр хотела, чтобы ты прожил оставшуюся жизнь в одиночестве, не оставив потомства.

Наступило долгое молчание; он лишь стоял, прижав к себе младенца, и чувствовал тепло его головы. Перед ним в оконном стекле расплылось отражение: неясная высокая фигура с неуместным белым свертком ниже бледного пятна на месте лица.

– Она была на сносках, – сказал он, глядя на отражение, – когда она... когда я ее потерял.

Что же еще он мог сказать? Если он решит начать объяснять Дженни, где, как он надеется, сейчас Клэр, она его все равно не поймет. И как втолковать, что в его душе нет места другой, пока он уповает на то, что Клэр жива, пусть даже и потеряна для него навсегда?

Дженни выдержала долгую паузу.

– Поэтому ты сегодня и пришел? – в конце концов спросила она.

Он вздохнул и повернулся к сестре, прислонившись головой к прохладному стеклу. Она откинулась на подушки; темные волосы разметались, взгляд был полон нежности.

– Возможно, и так, – согласился он. – Я не сумел помочь жене, наверное, и решил, что смогу помочь тебе. Впрочем, – горько продолжил он, – и тут ничего не вышло. Как не было от меня толку для нее, так нет и для тебя.

Дженни сочувственно протянула руку и хотела было произнести слова утешения, но внизу неожиданно раздались шум, топот и крики. Глаза ее расширились от испуга.

– Матерь Божья! – побледнев, промолвила она. – Англичане!

– Господи!

Возглас Джейми стал мольбой и вместе с тем отчаянным криком. Он быстро осмотрелся, с кровати на окно, чтобы понять, лучше попробовать спрятаться или убежать. На лестнице уже топтали сапоги.

– В шкаф! – показав рукой, торопливо шепнула Дженни.

Не раздумывая, он влез в большой шкаф и закрыл за собой дверцы.

Дверь в комнату с грохотом открылась. На пороге стоял человек в красном мундире и треуголке, державший в руке обнаженную шпагу. Затем капитан осмотрелся и вперился в женщину, лежавшую в кровати.

– Миссис Мюррей? – спросил он.

Дженни напряглась, пытаясь сесть.

– Это я. И мне хотелось бы знать, какого черта вам понадобилось в моем доме? – с вызовом спросила она.

От слабости у нее дрожали руки, а бледное лицо покрылось потом, однако женщина воинственно подняла голову и гневно заявила прищельцу:

– Убирайтесь!

Проигнорировав ее слова, капитан пересек комнату и подошел к окну. Джейми было видно, как красный мундир отошел от шкафа, затем появилась его спина. Затем англичанин сказал:

– Моя разведка сообщила, что неподалеку от вашего дома раздался выстрел. Где стрелявшие?

– Здесь никого нет.

Дженни говорила уверенным голосом, но не могла больше сидеть от слабости и в изнеможении вновь откинулась на подушку.

– Мужа вы уже увели, а старшему сыну всего десять лет.

Дженни умолчала о Рэбби и Фергюсе: подростков вроде них англичане вполне могли счесть взрослыми, особенно когда речь идет о подозрении в мятеже. Оставалась надежда, что мальчишки заметили вторжение и скрылись до того, как их заметили.

Немолодой капитан явно прошел через многое и не напоминал легковерного человека.

– Вы знаете, что в Хайленде запрещено держать оружие дома. Это серьезное преступление, – произнес он и скомандовал солдату, появившемуся следом: – Дженкинс, обыскать дом.

Тут на лестнице раздался такой шум, что приказ капитану даже пришлось отдавать громким голосом.

В комнату ворвалась миссис Иннес, чуть не сбив бедного Дженкинса с ног, и набросилась на капитана с кулаками.

– Оставьте в покое бедную леди! – закричала она.

Голос повитухи дрожал, из-под чепца торчали кудри, но настроена она была весьма решительно.

– Убирайтесь, бесстыдники! Оставьте леди в покое!

– Да кто ж тут твою хозяйку обижает? – сердито спросил капитан, который, видимо, счел миссис Иннес служанкой. – Я лишь...

– Всего час назад она разрешилась от бремени! Вам даже смотреть на нее не следует, не то что...

– Разрешилась? – перебил англичанин и с внезапно возникшим интересом уставился на кровать. – Миссис Мюррей, вы родили? А где ваш младенец?

Младенец в этот миг ворочался в пеленках, поскольку испуганный дядя неосознанно прижал его к себе изо всех сил. Джейми смог разглядеть из шкафа окаменевшее лицо Дженни, на котором выделялись мертвенно-белые губы.

– Младенец умер, – заявила родильница.

Миссис Иннес открыла рот от изумления. Хорошо лишь, что капитан драгун смотрел только на Дженни.

– Да? – медленно произнес он. – А почему?..

– Мама! – раздался страдальческий крик от дверей: маленький Джейми вырвался из рук солдата, который пытался его задержать, и бросился к матери. – Мама, ребенок умер? Нет, нет!

Джейми в слезах уткнулся лицом в одеяло. Одновременно с ним новорожденный Эуон, словно пытаясь опровергнуть сказанное, напомнил о своем существовании: чувствительно пнул дядюшку ногами под ребра и что-то забурчал (к счастью, эти звуки оказались не слышны за рыданиями его старшего брата).

Дженни пыталась утешить сына, повитуха безуспешно пробовала поднять на ноги Джейми, который вцепился матери в рукав, английский капитан тщетно старался перекрыть детские рыдания; помимо прочего, от топота солдатских сапог дом весь трясся. В уверенности, что красные мундиры станут дознаваться, где тело младенца, Джейми стал трясти ребенка, чтобы тот не вздумал заплакать, и еще сильнее прижал племянника к себе. Свободной рукой он взялся за рукоять кинжала; впрочем, он прекрасно понимал, что, если его найдут в шкафу, он не успеет перерезать себе горло.

Недовольный положением, в которое он попал, младенец кряхтел, и его кряхтение казалось дядюшке чуть ли не громче плача его старшего племянника. К счастью, дело обстояло иначе, и дому не грозил огонь, а его обитателям – гибель.

– Это вы виноваты!

Неожиданно маленький Джейми вскочил и, красный от гнева, бросился на капитана, словно бодливый теленок, опустив в пол покрытое слезами лицо.

– Это ты, ты убил моего брата, черт английский!

Англичанин, застигнутый этим внезапным нападением врасплох, испуганно заморгал и попятился.

– Нет, парень, ты ошибаешься. Я только пришел спросить...

– Черт поганый! Гад! А mhic an diabhoil!

Маленький Джейми, вне себя от горя, не останавливался, выкрикивая все известные ему бранные слова, и гэльские, и английские.

– Э-э! – громко произнес новорожденный прямо в ухо Джейми. – Э-э-э!

Это весьма напоминало начало полноценного крика. Перепуганный донельзя пленник шкафа смог только оторвать руку от кинжала и сунуть свой палец в мокрый рот, издававший разоблачительные звуки. Беззубые десны сжали палец с такой силой, что Джейми сам чуть не заорал.

– Пошел вон! Вон! Пошел вон, или я тебя убью! – кричал англичанину мальчишка, вышедший из себя от злости.

Капитан растерянно посмотрел на Дженни, словно надеялся, что лежащая женщина сможет остановить его бесстрашного маленького противника, но та лежала, закрыв глаза, как покойница.

– Я буду ждать отряд снаружи! – наконец крикнул англичанин и поспешил вниз, не забыв плотно закрыть за собой дверь.

Потерявший объект ненависти, маленький Джейми бросился на пол и истерически зарыдал.

Джейми-старший заметил через щель в шкафу, что миссис Иннес вопросительно уставилась на Дженни и уже раскрыла рот. Сама Дженни, страшно выпучив глаза, словно воскрешенный Лазарь, вскочила с постели и прижала к губам палец. Младенец яростно впился в палец и чуть ли не рычал, пытаясь добыть хоть каплю молока.

Затем, покачнувшись, бедная Дженни села на кровать (внизу все еще грохотали сапоги и слышались грубые голоса). Ее трясло от слабости, но она показала рукой на шкаф, где прятались ее мужчины.

Джейми собрался с духом и набрал воздуха в грудь. Нужно было рискнуть. Недовольный ребенок уже обслюнявил ему всю руку и в любую минуту мог разразиться громким криком.

Шатаясь, он, взмокший, выбрался из шкафа и передал младенца матери. Дженни мигом вытащила грудь и прижала мальчика к ней, будто могла так спасти от всех возможных бед. Начавшийся было крик оборвался и сменился яростным чмоканьем. Джейми неожиданно так и сел на пол как подкошенный.

Маленький Джейми был так потрясен явлением дядюшки из шкафа, что застыл на полу с раскрытым ртом и выпученными глазами и лишь недоуменно смотрел то на мать, то на Джейми. Повитуха что-то быстро зашептала ему в ухо, присев рядом, однако заплаканный мальчик явно ничего не осознавал.

Когда по конскому топоту и командным крикам все поняли, что англичане покинули Лаллиброх, сытый Эуон уже спал на руках матери и довольно сопел. Джейми осторожно следил из окна, наблюдая за уходом врагов.

В комнате было тихо, слышалось лишь бульканье виски, которое наливала себе следующая особа, миссис Иннес. Маленький Джейми уселся рядом с Дженни, прижавшись к ее плечу. Та склонилась над младенцем и не поднимала лица, закрывшись своими черными волосами.

Джейми подошел к ней, тронул за плечо и испытал внезапное потрясение: казалось, мертвенный страх был для него чем-то обыденным, а тепло близкого человека – чуждым и странным.

– Я спрячусь в убежище священника, – тихо произнес он, – а когда наступит ночь, поднимусь на холм.

Дженни молча кивнула, так на него и не посмотрев. Джейми увидел, что в черных волосах виднелось куда больше седины.

– Наверное... лучше мне пока не появляться, – добавил он. – Пока все не утихнет.

Дженни вновь молча кивнула.

Глава 6 Искушение кровью

Джейми, как и сказал, потом не появлялся. Первые два месяца он вообще сидел в пещере и только иногда устраивал короткие ночные вылазки, чтобы добыть себе пищу охотой: с благословения короны патрули англичан, как и раньше, устраивали рейды из Комара по окрестностям. Днем они передвигались небольшими отрядами по восемь-десять человек, совали везде свои длинные носы, прибирали к рукам все, что плохо лежало, и изничтожали все, что не было им нужно.

Под холмом, где он прятался, испокон веков шла оленья тропа. Конечно, к пещере, из которой разило человеческим духом, мог сунуться только очень глупый олень, но при попутном ветре изгнанник, бывало, видел на тропе нескольких благородных оленей, а иногда находил неподалеку от входа в свое убежище свежий след.

Такие знаки казались ему полезными, так как показывали случайным путникам, что местность вокруг тропы безлюдна; впрочем, мало кто забирался в такую глушь.

Ветер дул от пещеры, и олени не ожидались. Джейми лежал возле лаза в пещеру, замаскированного утесником и рябиной. В хорошую погоду листва пропускала солнечный свет, которого хватало для чтения. Книг у Джейми было мало, однако кое-что Джаред умудрился тайком переправить ему из Франции вместе с подарками.

«Проливной дождь вынудил меня заняться другой работой, а именно проделать в моей новой загородке отверстие для слива воды, которая в противном случае затопила бы всю мою пещеру. Проведя там некоторое время и не дождавшись новых толчков землетрясения, я несколько успокоился, но для поддержания духа (в чем и вправду весьма нуждался) направился туда, где хранил свои скудные припасы, и выпил немного рому, что всегда делал экономно, ибо понимал: когда запас исчерпается, пополнить его будет нечем.

Дождь не прекращался всю ту ночь и большую часть следующего дня, так что высунуться наружу не представлялось возможным, однако благодаря обретенному спокойствию я смог преодолеть раздумьям...»⁵

Неожиданно зашумели листья, по странице пронеслась тень, и обострившимся чутьем Джейми мгновенно уловил, что ветер сменился, а неподалеку раздаются чьи-то голоса. Он моментально вскочил и, аккуратно спрятав книгу, схватил кинжал, подтянулся на выступе скалы и высунулся из незаметной снаружи щели, которую использовал как лаз.

На тропе внизу мелькали красные пятна и блестело что-то металлическое. «Вот черт!» – раздраженно подумал он. Случайно заплутавшего солдата он не особенно опасался: англичане были дурно одеты и плохо подготовлены для передвижения по бездорожью, даже по вересковой пустоши, что уж говорить о крутых холмах, целиком поросших ежевикой. Однако то, что патруль находится рядом, значило, что до темноты ему никак не выйти из пещеры – ни за водой, ни чтобы облегчиться. Машинально он покосился на кувшин: воды в нем оставалось на доньшке.

Услышав снизу громкий крик, Джейми от неожиданности чуть не отпустил руки. Солдаты обступили тощего человечка, еле стоявшего на ногах из-за бочонка, взваленного на плечо. Эх, почему Фергюс решил принести ему бочонок свежего эля именно теперь! Ну и досада! Ведь эль оказался бы как нельзя вовремя: Джейми в рот не брал ничего подобного уже пару месяцев.

Ветер вновь переменялся, поэтому до него долетали только отдельные слова, но похоже было, что Фергюс препирался с англичанами, при этом маша свободной рукой.

– Вот дурак-то! – тихо проворчал Джейми. – Отдай его им и удирай, глупый кутенок!

Какой-то солдат попробовал взяться за бочонок обеими руками, но парнишка быстро прыгнул назад, и англичанин остался с носом. Джейми расстроено стукнул себя по лбу.

Разумеется, французик ни от кого не стал бы терпеть такого нахальства, а уж тем более от английского патруля, но такое поведение могло выйти ему боком.

Отскочив, тощий паренек стал прыжками двигаться по тропе, при этом он что-то кричал вслед противникам. Непонятно, что именно, но вряд ли очень вежливое.

– Идиот! – выругался Джейми. – Бросай и беги!

Однако Фергюс, очевидно, уверенный в собственной неуязвимости, вместо того чтобы убежать, обернул к англичанам свой зад и довольно оскорбительно им покрутил. Разумеется, солдаты разъярились, и отдельные храбрецы пустились за обидчиком по крутому склону, скользкому после дождя, что, вообще-то, было делом опасным.

Командир поднял руку и, как показалось Джейми, что-то предупредительно крикнул. Видимо, мальчишка пытается отвлечь англичан и увести подальше от пещеры, решил он;

⁵ Отрывок из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

похоже, так оно и было: французик то и дело вопил что-то оскорбительное, и несмотря на приказ командира, за ним устремились четыре красных мундира, видимо, понимавшие по-французски.

Фергюса ловили с криком и руганью, а тот ловко уворачивался от преследователей, при этом отвечая на брань.

Из-за воя ветра Джейми не понял, действительно ли он слышал свист сабли, вынимаемой из ножен, и звон металла, или ему показалось. Позже он слышал этот зловещий звук всегда, как только вспоминал об этом, и вспоминал он довольно часто.

Возможно, это было из-за странности поведения солдат, из-за напряжения, что он ощутил еще в пещере, а может быть, из-за тягостной обреченности, не оставлявшей его с битвы при Каллодене, из-за чего все, чего он касался, казалось ядовитым и опасным, – кто знает. В любом случае, был звук или нет, тело его напряглось, как перед прыжком, и он увидел, как в воздухе мелькнула серебряная дуга.

Промельк казался неторопливым, даже медленным, таким, что Джейми даже на мгновение почудилось, что он, быстро скатившись вниз, сумеет перехватить руку нападающего и отвести роковой удар.

Конечно, это было всего лишь мечтой, причудой воображения. Рассудок сурово велел ему не двигаться, хотя для этого пришлось вцепиться в камень – так нелегко было справиться с порывом прийти на помощь.

Душой он стремился в бой, чтобы выбрать смерть вместо позорной судьбы безгласного свидетеля злодейства, но холодный рассудок постоянно напоминал, что Фергюс рисковал ради него, Джейми, и значит, ввязываться в драку означает открыться, и таким образом, принесенная жертва будет напрасной.

Он внял голосу разума и остался в убежище. Сабля с мерзким звуком стукнула в бочонок, ставший причиной всей этой передраги, тот скатился с плеча Фергюса, понесся вниз по склону, бухнулся в громко журчавший поток и уплыл по течению.

Неожиданно голоса оборвались, а потом раздался оглушительный вопль. У Джейми подкосились ноги, и он понял, что сейчас лишится сознания. Глаза заволкло красно-черной пеленой, в которой мелькали вспышки звезд и лучи света, но и сквозь эту пелену его взору предстало ужасное зрелище.

На грязной тропе ладонью вверх, словно протянутая в мольбе, лежала кисть Фергюса, маленькая кисть вора-карманника.

Свист Рэбби Макнаба раздался на тропе под пещерой только через двое суток, показавшихся Джейми вечностью.

– Как он? – без обиняков спросил он.

– Миссис Дженни говорит, все будет хорошо, – ответил Рэбби.

Полудетское лицо казалось осунувшимся и бледным; мальчишка, очевидно, еще не пришел в себя и сильно беспокоился о друге.

– Она говорит, что жара, ну там лихорадки нет. И заражения нет. Культя... – он запнулся, – чистая.

– Значит, солдаты отнесли его к дому?

Не дожидаясь ответа, Джейми стал спускаться по склону.

– Ага, прибежали как угорелые.

Остановившись, Рэбби отодрал от сорочки чертополох, отчего пришлось прытко догонять хозяина.

– Наверное, они сожалели о содеянном. По крайней мере, капитан так сказал. И он дал миссис Дженни за Фергюса золотой соверен.

– Ну и ну, – заметил Джейми, – какая щедрость.

После чего замолчал и не проронил ни слова, пока они не добрались до места.

Джейми зашел в детскую. Фергюс лежал в удобной постели, придвинутой к окну, с закрытыми глазами, и пушистые ресницы отбрасывали на худые щеки тень. Неподвижное лицо выглядело совершенно иначе. Чуть горбатый нос и широкий подвижный рот придавали облику аристократический вид: становилось понятно, какая подлинно мужская красота вскоре придет на смену полудетскому обаянию.

Джейми подошел к кровати, и темные ресницы немедленно взметнулись.

– Милорд, – прошептал Фергюс и слегка улыбнулся, отчего лицо сразу приобрело обычный вид. – С вами все в порядке?

– Бог мой, парень, как мне жаль!

Джейми опустился у кровати на колени. На тонкое запястье, лежавшее поверх пледа, замотанное бинтом и заканчивающееся обрубком, смотреть было тягостно, но он заставил себя приобнять раненого за плечи и нежно потрепать по темной голове.

– Не очень больно? – спросил он.

– Нет, милорд, – ответил Фергюс, и хотя тут же скривился из-за резкой боли, усмехнулся и повторил – Не то чтобы очень. Тем более что мадам не скупится на виски.

На столике возле кровати стоял полный стакан, от которого отпили всего лишь глоток-другой. Фергюс вырос на французском вине и не жаловал виски.

– Мне жаль, – повторил Джейми.

Он не мог сказать ничего другого. Почувствовав комок в горле, Джейми торопливо опустил глаза: он прекрасно понимал, что вид его слез Фергюса лишь опечалит.

– Да не переживайте, милорд. – В голосе парнишки послышалось былое лукавство. – Вообще-то, мне повезло.

Джейми сглотнул и ответил:

– Да, ты жив, слава богу.

– Не только, милорд!

Подняв глаза на Фергюса, Джейми обнаружил, что тот чуть улыбается.

– Разве не помните нашего уговора, милорд?

– Какого?

– Когда вы взяли меня в Париже на службу. Вы тогда сказали, что если меня арестуют и казнят, то будете год оплачивать по мне заупокойные.

Оставшейся рукой мальчишка потянулся к шее, за выщербленным зеленым медальоном – образком покровителя воров святого Дисмаса.

– А если я лишусь уха или руки, находясь у вас на службе...

– Я буду поддерживать тебя всю оставшуюся жизнь.

Джейми не знал, плакать или смеяться, и ограничился тем, что погладил руку, неподвижно лежавшую поверх пледа.

– Да, конечно, помню. Можешь на меня положиться, я сдержу слово.

– Я всегда полагаюсь на вас, милорд, – заверил Фергюс.

Раненый, очевидно, утомился: щеки побледнели еще больше, черная шевелюра опустилась на подушку.

– Видите, как мне повезло, – пробормотал он с прежней улыбкой. – Единственный удар вмиг превратил меня в джентльмена, имеющего право на вечную праздность. Разве не удача?

У дверей комнаты Фергюса Джейми поджидала сестра.

– Пойдем в убежище священника, – сказал он, беря Дженни под локоть. – Мы должны поговорить, но мне не стоит тут задерживаться.

Без лишних расспросов сестра отправилась вместе с ним по коридору между кухней и кладовкой. В каменные плиты пола была вмурована деревянная решетка, как полагали все, для вентиляции, чтобы в погреб поступал воздух и овощи лучше хранились; если бы кто-то

решился это проверить и зашел в погреб через покосившуюся дверь снаружи, то и вправду увидел бы на потолке эту решетку.

Однако таким образом свет и воздух попадали и в маленькую каморку в погребе. Попасть в нее можно было, только подняв решетку в полу, словно люк, и спуститься по лесенке. Помещение было совсем крошечное, в нем помещались лишь грубая скамья, одеяла, ночной горшок, большой кувшин с водой и коробочка с черствым печеньем. Тайник сделали лишь несколько лет назад, и поскольку никакому священнику в нем побывать так и не удалось и такое посещение не ожидалось, трудно было назвать его убежищем священника. «Нора» подходила ему куда больше.

Два человека могли только сидеть там на скамье плечом к плечу. Джейми задвинул на место панель, спустился и уселся рядом с Дженни.

Некоторое время он молчал, потом тяжело вздохнул и произнес:

– Я так больше не могу.

Он говорил еле слышно, и Дженни пришлось наклонить к нему голову, как исповеднику, выслушивающему грешника.

– Я больше не в силах. Я должен уйти.

Они сидели совсем рядом друг с другом, и Джейми ощущал, как вздымается ее грудь. Дженни взяла его за руку, крепко сжала и спросила:

– То есть хочешь снова попытаться бежать во Францию?

Он дважды пытался так поступить, но дело кончилось пшиком: в портах англичане вели тщательную слежку, а Джейми был очень приметной фигурой из-за роста и шевелюры.

Он покачал головой.

– Нет. Я дам захватить себя в плен.

– Джейми!

Взволнованная Дженни повысила голос, но, только он предупреждающе сжал ее руку, сразу зашептала:

– Джейми, ты не можешь это сделать. Господи, дурачок, тебя же повесят!

Будто в задумчивости он опустил голову, а затем решительно вздернул.

– Думаю, нет. – Коротко взглянув на Дженни, Джейми уставился в стену и сказал: – Клэр... у нее было видение. – «Объяснение не хуже прочих, – подумал он, – хоть и не вполне правдивое». – Она увидела, что произошло в Каллодене, – она знала. И рассказала, что потом случится.

– Ох! – тихо выдохнула Дженни. – А я-то думала! Вот почему она попросила меня сажать картошку и приделать эту нору к погребу.

– Да.

Джейми слегка сжал руку Дженни, потом выпустил, чуть обернулся и посмотрел ей в глаза.

– Клэр говорила, что слуги короны еще довольно долго будут вылавливать якобитов, что и происходит, – мрачно усмехнулся Джейми. – Однако через несколько лет казни прекратятся и попавшим в лапы англичан будет угрожать лишь тюрьма.

– Только! – откликнулась Дженни. – Раз уж решил уйти, Джейми, то иди в вересковую пустошь, но не в английскую тюрьму. Даже если тебя не повесят...

– Постой, – перебил он, положив руку ей на ладонь. – Я сказал тебе еще не все. Я совершенно не намерен сдаваться в плен англичанам. За мою голову положена неплохая награда. Жаль, если она пропадет, как думаешь?

Он постарался придать сказанному шутливый тон, и сестра удивленно подняла на него глаза.

– Матерь Божья, – прошептала она. – Ты что же, хочешь, чтобы тебя кто-нибудь выдал?

– Вроде того. – Еще сидя в пещере на холме, он это придумал, но все это время план казался неосуществимым. – Наверное, самый подходящий человек для этого – Джо Фрэзер.

Дженни коснулась рта кулаком. Она думала быстро и сразу поняла, в чем заключен план брата, что в себя включает и что из него следует.

– Джейми, – шепнула она, – это ужасно рискованно, даже если тебя сразу не вздернут. Не говоря уже о том, что тебя вполне могут убить под арестом, чтобы ты не дожид до суда.

Он безнадежно опустил плечи.

– Боже мой, – ответил он, – ты думаешь, Дженни, меня это волнует?

Сестра надолго замолчала.

– Нет, не думаю, – наконец произнесла она. – И не могу сказать, что тебя виню. – Она помолчала, чтобы справиться с дрожью в голосе. – Но это меня беспокоит. – Она осторожно пригладила непослушные кудри на его затылке. – Ты, пожалуйста, уж позаботься о себе, глупый братец!

Решетку для воздуха над головами на миг закрыла чья-то тень, послышались чьи-то легкие шаги. Должно быть, это прошла из кухни в кладовку служанка. Мутный свет вновь возник, и Джейми увидел лицо сестры.

– Хорошо, – прошептал он, прервав молчание. – Я попробую.

На приготовления ушло около двух месяцев, и известие поступило уже в разгар весны.

Вечером Джейми сидел у входа в свое убежище на любимом камне и наблюдал, как на небе появляются звезды. Даже после Каллодена, в самое тяжелое время, он таким образом обретал редкие минуты покоя. Свет дня мерк, предметы вокруг, казалось, чуть светились изнутри, и их силуэты идеально четко проявлялись на фоне неба или земли. В этот момент, например, взгляду Джейми предстал мотылек. В дневном свете он был невидим, а в сумерках выделялся на стволе большого дерева треугольным следом тени темнее фона. Мгновение – и мотылек поднимется в воздух.

Джейми перевел взгляд на долину, пытаясь увидеть ее всю, вплоть до темных сосен, высившихся на вершине далекой скалы. Потом поднял глаза к звездам. Орион, величественно уходящий за горизонт. Еле заметные в ночном небе Плеяды. Как прекрасно любоваться звездами! Ведь теперь он если их и сможет увидеть, то лишь через тюремную решетку. Он подумал о мощных стенах, казематах и замках и вспомнил Форт-Уильям, тюрьму Уэнтурт, Бастилию. Каменные стены в четыре фута толщиной, полностью преграждавшие путь свету и воздуху. Грязь, смрад, голод, неволя...

Прогоняя такие мысли, Джейми передернул плечами. Он сам выбрал свою дорогу и считал выбор вполне подходящим, однако все равно искал на небе созвездие Тельца. Не самое красивое, но зато его. Джейми знал, что рожденные под этим знаком, как и положено быкам, сильны и упрямы, и полагал, что ему достанет сил, чтобы исполнить замысел.

Среди вечерних шорохов раздался резкий высокий свист, походивший на голос кроншнепа, летящего к гнезду. Однако Джейми сразу опознал сигнал: к нему шел кто-то свой.

К лазу поднялась Мэри Макнаб, лаллиброхская кухарка, пошедшая в услужение, став вдовой. Как правило, пищу и известия приносили ее сын Рэбби или Фергюс, но уже несколько раз Мэри являлась сама.

Она выставила корзину, наполненную неожиданными лакомствами: холодным жарким из куропатки, несколькими молодыми луковичками, свежим хлебом, горстью ранней вишни и флягой эля. Джейми тщательно изучил содержимое корзины, грустно улыбнулся и спросил Мэри Макнаб, подняв на нее взгляд:

– Прощальный пир?

Кухарка молча кивнула. Беды и печали покрыли сединой темные волосы этой маленькой женщины, лицо наградили морщинами, но ее глаза были по-прежнему живыми и добрыми, а губы, как и раньше, изящными и сочными.

Джейми осознал, что пялится на ее рот, и быстро отвел глаза.

– Боже, я сдвинуться от обжорства не смогу. И пирог к тому же! Где они это все достали?

Мэри Макнаб, молча пожав плечами (очевидно, не отличавшаяся разговорчивостью), забрала корзину и стала выкладывать принесенную провизию на деревянную доску, положенную на камни на манер стола. Она накрыла на двоих; это было обычное дело, так как, появляясь в пещере с корзиной, она, как правило, ужинала вместе с Джейми, а заодно рассказывала новости. Однако он удивился, что ни сестра, ни мальчики не пришли разделить с ним последний ужин перед тем, как он покинет Лаллиброх. Что это значит, может, нагрянули нежданные гости и хозяева не смогли уйти?

Он вежливо указал жестом, чтобы она села первой, прежде чем занять свое место, скрестив ноги на твердой земле.

– Вы говорили с Джо Фрэзером? Где же он? – спросил Джейми, взявшись за холодную куропатку.

Она поведала ему детали задуманного: до рассвета к пещере приведут коня и он выедет из узкой долины через перевал, потом повернет, пересечет каменистые подножия холмов и снова спустится в долину со стороны речушки Фиссихант, как будто возвращается домой. Англичане встретят его где-то между Страй и Искдейлом, скорее всего, у Мидмаэйнс: это подходящее место для засады, потому что там узкая горная долина круто поднимается с обеих сторон, а у речушки находится лесистый участок, где могут укрыться несколько человек.

После трапезы Мэри аккуратно сложила в корзину остатки еды, чтобы Джейми мог позавтракать, перед тем как покинет на рассвете пещеру, но, вопреки ожиданиям Джейми, не ушла. Она порылась в расщелине, где он хранил свои постельные принадлежности, расстелила их на земле, откинула одеяла и опустилась на колени рядом с тюфяком.

Джейми прислонился спиной к стене пещеры и сложил руки на груди. Сердито глядя на темные, гладко причесанные волосы Мэри, он с раздражением спросил:

– Это еще что такое? Чья это идея – твоя или моей сестры?

– Разве это важно? – спокойно спросила Мэри.

Он покачал головой и наклонился, чтобы поднять женщину на ноги.

– Ты права, это не важно, потому что ничего подобного не произойдет. Я благодарен тебе за готовность, но...

Она прервала его поцелуем. Губы были такими же, как и казались: нежными и мягкими. Однако Джейми крепко схватил ее за руки и резко отстранился.

– Нет! Так делать дурно, неверно, я не хочу так поступать.

Одновременно с этим он в ужасе осознал, что его тело противоречит сказанному, и испытал еще больший стыд от того, что ветхие тонкие штаны прекрасно открывали масштаб этого противоречия, что мог лицеизреть любой желающий.

По улыбке, украсившей пухлые губы Мэри, легко было понять, что она-то посмотреть пожелала. Джейми развернул ее к выходу и легко подтолкнул. Она отошла на шаг и принялась расстегивать крючки на юбке.

– Не делай так! – закричал Джейми.

– А как вы собираетесь меня остановить? – спросила она, вышла из юбки и аккуратно сложила ее на единственной табуретке.

Тонкие пальцы поднялись к кружевам корсажа.

– Если ты не уйдешь, то уйду я, – заявил Джейми и, отвернувшись, отправился к выходу.

– Милорд, – окликнула его она.

Он остановился, но по-прежнему стоял к Мэри спиной.

– Не следует меня так называть.

– Лаллиброх ваш, – возразила она. – И будет вашим, пока вы живы. Коли вы его лэрд, я буду говорить так.

– Он не мой. Титул и имение принадлежат маленькому Джейми.

– Все мы понимаем, кто маленький Джейми, а кто вы, – решительно сказала служанка. – И уж поверьте, не ваша сестра попросила меня поступить так, как я собираюсь. Обернитесь.

Он медленно повернулся. Мэри, босая, с распущенными волосами, стояла перед ним в одной рубашке. Как все обитатели усадьбы, за последнее время она исхудала, но ее грудь, с сосками, ясно видными через тонкую ткань, была куда больше, чем он думал. Рубашка была изношенной, местами на плечах почти прозрачной, а подол у нее истрепался (впрочем, такова была и вся остальная одежда).

Джейми закрыл глаза, почувствовал легкое касание к руке и велел себе стоять неподвижно.

– Я отлично понимаю, о чем вы думаете, – сказала Мэри. – Потому что видела вашу леди и знаю, как это было между вами. Со мной такого никогда не случалось, – добавила она тише, – ни с одним из двоих мужчин, с которыми я жила. Однако я знаю, что такое подлинная любовь, и даже в мыслях не имею пробудить в вас чувство, что вы ее предали.

Легкое, как пушинка, касание перешло на его щеку, и натруженный палец провел по верхней губе.

– Я хочу лишь, – тихо промолвила она, – дать вам иное. Пусть не такое великое, но то, что пойдет вам на пользу. Ваша сестра и ребятишки не могут вам этого дать, а я могу.

До него донесся ее вздох.

– Вы дали мне дом, жизнь и моего сына. Неужто вы не разрешите подарить вам взамен такую малость?

На его глаза навернулись слезы. Она легко утерла их и пригладила вздыбленные вихры. Джейми медленно раскрыл объятия и потянулся к ней, и она приникла к его груди спокойно и просто, так же, как накрывала на стол или стелила постель.

– Я... так давно этого не делал, – вдруг застеснялся он.

– Я тоже. – Она раздвинула губы в легкой улыбке. – Но мы припомним, каково это.

Часть третья Когда я твой пленник

Глава 7 Вера в документы

Инвернесс, 25 мая 1968 года

Утром по почте пришел конверт от Линклатера.

– Надо же, какой толстый! – вскричала Брианна. – Линклатер прислал какие-то документы!

Все ее лицо, до кончика носа, пылало от возбуждения.

– Судя по всему, так и есть, – ответил Роджер.

Он казался невозмутимым, однако мне было видно, как на его горле пульсирует жилка. Роджер принял пухлый пакет, оценил его вес, грубо вскрыл пальцем и вынул пачку фотокопий.

Следом за документами вылетел бланк университета, на котором было написано письмо. Я быстро его поймала и дрожащим от нетерпения голосом громко прочитала:

– «Уважаемый доктор Уэйкфилд! Нижеследующие материалы направлены во исполнение вашего запроса о казни офицеров-якобитов, произведенной армией герцога Камберлендского после битвы при Каллодене.

Сообщаю вам, что приведенная вами цитата из моей книги в основном базируется на личном дневнике некоего лорда Мелтона, командира пехотного полка герцога Камберлендского в ходе упомянутой битвы. Прилагаю фотокопии соответствующих страниц дневника, где, как вы можете убедиться сами, излагается примечательный и трогательный рассказ о спасении некоего Джеймса Фрэзера. Поскольку этот Фрэзер не представляет собой выдающуюся историческую личность и эта мелкая история не входит в сферу моих научных интересов, я не вдавался в подробности, однако время от времени собирался заняться выяснением его дальнейшей судьбы. Если же вы узнаете, что он спасся и добрался до собственного имени, сообщите, пожалуйста, об этом мне. Честно говоря, я всегда надеялся, что ему повезло, несмотря на то что рассказ Мелтона не дает для этого особых оснований. Искренне ваш, Эрик Линклатер».

Руки задрожали, и я опустила письмо на стол.

– «Не дает особых оснований», ну и ну! – проговорила Брианна, заглядывавшая в письмо из-за плеча Роджера, для чего ей пришлось встать на цыпочки. – Хе! Мы-то знаем, что он вернулся!

– Мы предполагаем, что он вернулся, – осторожно поправил Роджер, однако он улыбался во весь рот, так же как Брианна.

– Чаю или какао? – Дверь кабинета приоткрылась, и в щель просунулась кудрявая голова Фионы. Бурная дискуссия прервалась. – Есть свежайшее имбирное печенье с орехами.

Следом за Фионой проник аппетитный запах теплого имбиря, впитавшийся в одежду.

– Пожалуйста, чай, – произнес Роджер, а Брианна вместе с ним воскликнула:

– Отлично, какао!

Весьма гордая собой Фиона вкатила в комнату столик с чайником, молочником с какао и подносом с печеньем.

Я налила себе чаю и уселась в кресло, прихватив с собой копии дневника Мелтона. Удивительно, но скоропись восемнадцатого века оказалась довольно разборчивой, устаревшее правописание не мешало, и очень скоро я оказалась не в кабинете, а в хижине неподалеку от поля

битвы, и легко представила себе, и как гудят мухи, и как раненые шотландцы лежат на голой земле, и сильный и душный запах крови.

«...поскольку долг чести моего брата требовал исполнения, мне ничего не оставалось, как оставить Фрэзера в живых. Потому его имя не было включено в список мятежников, подвергнутых там казни, и я устроил так, чтобы он смог добраться до родового имения.

Признаться, мне не кажется, что я поступил слишком милосердно или презрел свой офицерский долг, поскольку успешное возвращение чрезвычайно сомнительно из-за крайне тяжелого ранения Фрэзера в ногу, причем рана его загноилась. Тем не менее я никак не мог поступить иначе, как руководствуясь своими честью и долгом; впрочем, должен добавить, что, когда этот человек исчез с глаз моих, мне стало несколько спокойнее, поскольку я в тот момент занимался погребением его казненных товарищей. Не самое приятное дело: число мертвецов, прошедших перед моим взором за последние два дня, меня весьма печалит».

На этом записи обрывались.

Я положила листки себе на колено. «Крайне тяжелое ранение, рана загноилась...» В отличие от Роджера и Брианны, я понимала опасность такой раны, когда рядом нет не только антибиотиков, но и простейших средств, доступных шотландским лекарям того времени, вроде припарок из лекарственных трав. Сколько он трясся в телеге от Каллодена до Брех-Туараха? Два, три дня? Сумел ли он столько продержаться без всякой помощи?

– Однако он добрался.

Брианна прервала мои думы, видимо, ответив на тот же вопрос, заданный Роджером. Она говорила так уверенно, словно своими глазами видела события, изложенные в дневнике Мелтона, и ничуть не сомневалась в счастливом исходе.

– Он все-таки вернулся. Он и есть Серая Шляпа, я точно знаю.

– Серая Шляпа? – удивленно уставилась на Брианну Фиона (которая до того укоризненно качала головой, увидев забытый мной остывший чай). – Ты слышала о Серой Шляпе, да?

Роджер с изумлением уставился на девушку.

– Э, а ты-то откуда это знаешь?

Девушка кивнула, вылила холодный чай в стоявший у камина цветочный горшок и снова наполнила чашку свежим напитком.

– Как откуда, от бабушки. Она рассказывала об этом много раз.

– Расскажи!

Брианна напряженно наклонилась, зажав чашку двумя руками.

– Фиона, ну пожалуйста! Расскажи эту историю!

Неожиданно оказавшись в центре внимания, Фиона несколько озадачилась, но шуточно повела плечами.

– Да ничего особенного, история об одном из сторонников Молодого Претендента. После ужасного поражения при Каллодене многие погибли, некоторым, однако, удалось спастись. Скажем, один человек сумел убежать и переплыл реку, однако красные мундиры пустились в погоню. По пути беглецу встретилась церковь, он юркнул внутрь и взмолился о милосердии. Сжалившись, священник и прихожане напялили на него пасторское облачение прямо поверх мундира. Когда англичане ворвались в церковь, он стоял на кафедре и говорил, и пришельцы не увидели, что под ним натекла лужа с мокрого платья. Англичане сочли, что ошиблись, и убрались восвояси. Парень спасся, а прихожане потом рассказывали, что это была лучшая служба, которую они в жизни слышали!

Фиона весело расхохоталась, Брианна нахмурилась, а Роджер недоуменно нахмурился.

– Это и был Серая Шляпа? – спросил он. – А мне казалось...

– Да нет! – заверила его девушка. – Это не Серая Шляпа. Серая Шляпа – это еще один хайлендер, уцелевший после Каллодена. Он вернулся в свое поместье, но англичане охотились за якобитами по всей Горной Шотландии, и поэтому он семь лет прятался в пещере.

При этих словах Брианна с облегченным вздохом расслабилась и откинулась на спинку стула:

– И даже между собой арендаторы звали его только Серая Шляпа, чтобы ненароком не выдать.

– Вы это знаете? – удивилась Фиона. – Да, так оно и было.

– А бабушка рассказывала, что с ним произошло потом? – спросил Роджер.

– Конечно! – Фиона широко раскрыла глаза, круглые, как леденцы. – Это же самое интересное! Видите ли, вскоре после битвы наступил ужасный голод, люди, посреди зимы выгнанные из своих жилищ, умирали от голода в ущельях, мужчин расстреливали, дома жгли. Арендаторам Серой Шляпы еще повезло больше других, но тем не менее настало время, когда пища закончилась и есть хотелось с утра до вечера, поскольку в лесу не было дичи, на полях – зерна; младенцы умирали на руках матерей, так как у тех не осталось молока, чтобы кормить их.

От нарисованной картины у меня мороз пробежал по коже. Я представила себе несчастных лаллиброхцев, изможденных голодом и холодом, тех, кого я знала и любила. Одновременно мне стало стыдно, поскольку я не разделила с ними горе и невзгоды, а удрала в будущее, к безопасности, теплу и сытости. Я так поступила, потому что это было желанием Джейми, но может ли желание одного оправдывать поступки другого? Но я перевела взгляд на рыжую макушку дочери, и щемящая боль чуть ослабла. Все эти годы Брианна находилась в безопасности, тепле, сытости и любви – потому что такова была воля Джейми.

– И вот Серая Шляпа измыслил отчаянный план, – рассказывала дальше Фиона, просто-таки сияя от энтузиазма. – Представляете, приказал одному из арендаторов отправиться к англичанам и предложить выдать им лэрда. Ведь среди сторонников принца Серая Шляпа был не последним человеком, и за его голову была назначена большая награда. Он решил сделать так, чтобы арендатор его выдал и получил деньги, которые позволят всем обитателям имени пережить трудные времена.

Я с такой силой схватилась за фарфоровую ручку чашки, что та отлетела.

– Выдал? – прохрипела я. – И его повесили?

Фиона удивленно моргнула.

– Почему повесили? Нет, конечно. Бабушка говорила, ему и вправду угрожала виселица, поскольку судили за измену, но в то время казни уже прекратились, и Серая Шляпа всего лишь был заключен в тюрьму. А благодаря полученной за его голову награде обитатели усадьбы смогли пережить голодное время, – бодро проговорила девушка, видимо, считавшая сказанное счастливым концом истории.

– О боже, – выдохнул Роджер. Он медленно опустил чашку на стол и, словно в трансе, уставился в никуда. – В тюрьму!

– Ты так говоришь, как будто это хорошо, – заметила моя дочь.

Она даже скривила рот от расстройства, а на глазах заблестели слезы.

– Так и есть, – заявил Роджер, не обращая внимания на огорчение Брианны. – Дело в том, что тюрем, предназначенных для якобитов-изменников, было довольно мало, и везде вели официальные реестры. Что ж тут неясного?

Не найдя понимания ни у удивленной Фионы, ни у мрачной Брианны, он наконец перевел взгляд на меня.

– Раз он оказался в тюрьме, я сумею его найти.

Роджер повернулся к книжным стеллажам до потолка, занимавшим три стены кабинета из четырех, и окинул их взглядом. Там хранились материалы, связанные с тайнами якобитов, которые собрал еще покойный преподобный Уэйкфилд.

– Он там, – негромко сказал Роджер. – В тюремных реестрах. В подлинных документах. Разве вы до сих пор этого не поняли? – вновь спросил он меня. – До сих пор мы узнавали о нем что-то лишь из мемуаров неизвестной степени достоверности. Однако в момент, когда

он попал под суд и в тюрьму, его биография стала включена в историю. Его имя оказалось в исторических документах, и мы непременно его там найдем!

– И узнаем, что произошло потом, – выдохнула Брианна. – Когда его отпустили.

Роджер крепко сжал губы, отгоняя продолжение, пришедшее ему, как и мне, в голову: «Или когда он умер».

– Да, именно так, – произнес он, взяв Брианну за руку и в то же время поймав мой взгляд. – Когда его отпустили.

Вера Роджера в документы оставалась крепкой и через неделю. Этого, однако, нельзя было сказать об антикварном столе восемнадцатого века в кабинете преподобного Уэйкфилда: под необычной тяжестью его тонкие ножки дрожали и опасно поскрипывали.

Как правило, на этот инкрустированный столик не ставили ничего тяжелее небольшой настольной лампы и коллекции древностей, принадлежавшей преподобному; теперь стол изнемогал под тяжестью груза, так как прочие горизонтальные поверхности кабинета сплошь были покрыты бумажками, журналами, книгами и толстыми пакетами, присланными из исторических обществ, университетов и всех научных библиотек Англии, Шотландии и Ирландии.

– Если ты положишь сюда хоть одну страницу, он развалится, – заметила Клэр, когда Роджер задумчиво попытался положить на столик еще одну папку.

– А? Да, точно.

Папка повисла в воздухе; Роджер тщетно огляделся в поисках свободного места и в конце концов положил папку себе под ноги.

– Я только что закончила с Уэнтуортом, – сообщила Клэр, показав вытянутой ногой на накренившуюся стопку на полу. – Записи Бервика пришли?

– Да, сегодня утром. Куда это я их сунул?

Роджер растерянно огляделся и потер лоб, надеясь сосредоточиться. Кабинет напоминал Александрийскую библиотеку времен разграбления, непосредственно перед моментом, как к книгам был поднесен первый факел. В поисках любого упоминания Фрэзера Роджер всю неделю по десять часов в день изучал рукописные реестры, письма, записные книжки и дневники англичан, и теперь он чувствовал, что в глаза словно насыпали песок.

– Голубой конверт, – произнес он. – Я точно помню, что документы пришли, и отлично запомнил голубой конверт. Он пришел от Макаллистера, профессора истории из Тринити-колледжа в Кембридже, это у них приняты такие большие голубые конверты с гербом колледжа. Может быть, Фиона видела? – Он высунулся в коридор и громко воззвал: – Фиона!

Несмотря на вечер, в кухне все еще горел свет, а дом наполняли упоительные запахи: какао и свежее испеченного миндального кекса. Если существовала малейшая вероятность того, что кто-то проголодается, Фиона никогда не покидала пост.

– Ой, что стряслось?

В дверях кухни появилась темная кудрявая головка.

– Сейчас будет какао, – заверила девушка. – Я жду, когда пропечется кекс, и быстро достану его из печи.

Роджер тепло улыбнулся. Он был очень привязан к Фионе, хотя трудно было найти человека, более далекого от истории, чем она. Фиона не читала вообще ничего, кроме еженедельника для домохозяек. Она даже не пыталась понять, что делает Роджер, а просто ежедневно стирала пыль с книг и бумаг. Их содержание оставалось ей недоступно, но Фиону это совершенно не волновало.

– Спасибо, – ответил Роджер. – Я тут подумал: может, ты видела большой голубой конверт – толстый, примерно такой? – И он показал руками размер. – Его принесли утром, а я умудрился его куда-то сунуть.

– Вы оставили его наверху в ванной, – тут же подсказала Фиона. – Там лежит толстая книжка с золотыми буквами на обложке и портретом принца Чарли и три свежевскрытых письма, а еще счет за газ – вы сказали, что нужно не забыть оплатить его до четырнадцатого. Я все сложила на газовую колонку, чтобы не путалось под ногами.

Раздался щелчок таймера, девушка ойкнула и скрылась.

Роджер, улыбаясь, обернулся и понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки. С такой выдающейся памятью Фиона, имея она к этому склонность, сама вполне могла стать ученым; но ее помощь в любом случае была бесценна. Если документ или книгу можно было описать не по заголовку, автору или содержанию, а по внешнему виду, Фиона всегда могла точно сказать, где они находятся.

– Да ерунда, – бодро уверила она Роджера, пытавшегося принести извинения за устроенный разгром. – Когда по всему дому валяются бумажки, кажется, что преподобный еще жив. Ни дать ни взять старые времена, правда же?

Роджер уже не так быстро спустился по лестнице с голубым конвертом в руке; он задумался над тем, что бы сказал его покойный приемный отец о проводившихся розысках.

– Небось сам бы зарылся в бумагах выше головы, – пробормотал он себе под нос.

Он живо представил себе, как лысина преподобного блестит под светом старинных светильников, повешенных в коридоре, пока ее обладатель неторопливо двигается из кабинета в кухню. А там возится у плиты старая миссис Грэм, бабушка Фионы, которая кормила старика, когда его бдения затягивались до ночи, так же, как это делает теперь ее внучка.

«Все-таки странно, – размышлял он по дороге к кабинету, – что раньше влияло на то, что сын шел по стопам отца: простота решения, стремление сохранить семейное дело или у членов одной семьи отмечалась предрасположенность к определенным работам? Правда ли, что кто-то появляется на свет, чтобы стать кузнецом, купцом или поваром, рождается уже со способностями и склонностью к тому занятию, которое встречается им в жизни в первую очередь?»

Понятно, что так бывает не всегда и не со всеми, и постоянно встречались те, кто оставлял родной дом и отправлялся в путешествия, либо занимались чем-то, незнакомым их родным и близким. Иначе на свете не встречались бы ни изобретатели, ни странники.

Но в наши дни, когда легко получить любое образование или отправиться в путешествие по миру, в некоторых семьях продолжают хранить верность тем или иным родам занятий.

Конечно, он ужасно хотел узнать, какие склонности получила в наследство Брианна. Роджер задумчиво смотрел на Клэр, устроившуюся за столом, и размышлял, что Брианне досталось от матери, а что – от древнего горца. Солдата, землевладельца, придворного, лэрда – ее отца.

Через пятнадцать минут Клэр закрыла последнюю папку и облегченно откинулась на спинку стула, а Роджер все думал о Брианне.

– Интересно, о чем это вы задумались? – спросила женщина, налив себе какао.

– Ни о чем специальном, – улыбнувшись, сказал очнувшийся от дум Роджер. – О том, как люди становятся теми, кем становятся. Вот, например, вы, как вы стали врачом?

– Как я стала врачом?

Клэр вдохнула поднимающийся над чашкой пар, сочла, что какао слишком горячее, и поставила чашку обратно на стол среди книг, журналов и бумажек, покрытых карандашными заметками. Потом чуть улыбнулась и потеряла руки, обожженные о горячую чашку.

– А как вы стали историком?

– Довольно просто, – ответил молодой человек, откинувшись в кресле.

Он взмахнул рукой на комнату: книги, бумаги, старинные безделушки, погладил стоявший на столе шедевр восемнадцатого века – маленькие позолоченные каретные часы с крошечными колокольчиками, отбивавшие каждые четверть часа.

– Я вырос среди всего этого и, как только выучил грамоту, стал странствовать с отцом по Хайленду в поисках древностей. Кажется, не было ничего естественнее, чем продолжить начатое. А вы?

Клэр кивнула и расправила затекшие плечи. Брианна давно устала и час назад легла, но Клэр и Роджер продолжили многочасовую работу по изучению реестров заключенных английских тюрем.

– В общем, у меня было нечто похожее, – ответила она. – Не то чтобы я решила стать врачом неожиданно, но как-то раз мне показалось, что я всегда была доктором и мне очень этого не хватает.

Клэр положила руки на стол и зашевелила тонкими изящными пальцами с аккуратными овальными ногтями.

– Есть такая песенка времен Первой мировой, – медленно сказала она. – Иногда к нам приходили старые армейские друзья дядюшки Лэма, выпивали и пели, тогда-то я ее и узнала. Там есть такие строчки:

К родному очагу парней вернешь едва ли,
Когда они в Париже с войною побывали.

Она спела и усмехнулась.

– Я побывала в Париже, – тихо сказала она. – И много еще где побывала и что повидала: Амьен, Престон, Фолкирк, больницу «Обитель ангелов» и так называемую операционную в Леохе. Я была врачом как он есть, узнала все грани профессии: помогала при родах, вправляла вывихи, зашивала раны, купировала лихорадку... – Клэр не договорила и пожала плечами. – Разумеется, мне очень не хватало знаний, и я понимала, что следует многому научиться, потому я и отправилась учиться медицине. Впрочем, на самом деле это ничего особенно не меняет.

Она подцепила пальцем пенку с какао и слизнула.

– Да, у меня есть диплом, но врачом я стала задолго до того, как его получила, даже раньше, чем пошла учиться.

– Думаю, это было не так-то просто, – заметил Роджер. Он подул на какао и явно заинтересованно взглянул на собеседницу. – И тогда в медицину попадало очень мало женщин, да и теперь, по правде говоря, женщин-врачей не очень много, а у вас еще и была семья.

– Да, конечно, нельзя сказать, что все было легко и просто, – странно посмотрела на него она. – Разумеется, пришлось ждать момента, когда Брианна пойдет в школу и у нас появятся деньги на домработницу, но... – Клэр пожала плечами и улыбнулась. – На несколько лет я забыла о том, что такое высыпаться. Это слегка помогло. Как ни странно, и Фрэнк помогал.

Молодой человек счел, что какао остыло и его можно спокойно пить. Он сжал чашку ладонями и радовался тому, как фарфор передает тепло в его руки. Стояло начало июня, однако ночи оставались холодными, и приходилось пользоваться электрообогревателями.

– Что вы говорите? – с интересом заметил Роджер. – После ваших предыдущих рассказов мне показалось, что Фрэнк не особенно одобрял ваши образовательные порывы.

– Он и не одобрял.

Она чуть поджала губы, что сказало молодому историку куда больше, чем любые речи: забытые ссоры, неоконченные выяснения отношений, молчаливое противоборство вместо явной неприязни.

«Какая у нее выразительная мимика», – подумал он о Клэр и сразу же задумался, не выдает ли его собственное лицо все тайные мысли. Взволновавшись, Роджер склонился над чашкой какао и отпил.

Потом поднял голову и обнаружил, что Клэр смотрит на него с весельем.

– А почему он передумал? – попытался он ее отвлечь.

– Из-за Бри, – ответила Клэр, и на ее лице, как всегда, когда она заговаривала о дочери, появилась мягкость. – Для Фрэнка значение в жизни имела, пожалуй, одна Бри.

Как я уже сказала, я ждала, когда дочь пойдет в школу. Однако порой все равно бывало, что она приходила домой, а я не могла уделить ей внимание, поэтому мы были вынуждены нанимать домоправительниц и бэбиситтеров из агентств. Случалось, попадались толковые и внимательные, но наоборот оказывалось гораздо чаще.

Вспоминаю, как однажды в больницу позвонили и сообщили мне, что с Брианной произошёл несчастный случай. Прямо в зеленом хирургическом костюме я выбежала на улицу и понеслась домой, наплевав на правила движения. Возле дома стояла полицейская машина и карета «Скорой помощи». В сумерках сверкали красные огни мигалок, а вокруг толпились любопытные соседи, выбравшиеся на улицу.

Потом, когда мы сложили из фрагментов всю картину, оказалось, что приходящая нянька, разозлившись на то, что я в который раз задержалась на работе, после оговоренного часа просто надела пальто и ушла, оставив семилетнюю Брианну одну. При этом она велела ждать маму, что девочка послушно и делала приблизительно в течение часа. Потом зашло солнце, Бри стало страшно в одиночестве, и она решила пойти поискать меня. Она переходила улицу, и ее сбил заворачивавший из-за угла автомобиль.

К счастью, Брианна почти не пострадала: машина ехала на небольшой скорости, и девочка отделалась ушибами, ссадинами и испугом. Надо сказать, она испугалась гораздо меньше меня. Да и боль от ушибов, думаю, нельзя было сравнить с тем, что я пережила, ворвавшись в гостиную и обнаружив, что дочь лежит на диване и, размазывая по грязным щекам слезы, спрашивает меня:

– Мама! Где ты была? Я тебя не нашла!

Мне понадобилось почти все профессиональное спокойствие, но ее утешила, осмотрела, еще раз тщательно обработала ссадины и царапины и уложила спать вместе с ее любимым мишкой. Спасибо полицейским и врачам «Скорой», которые, как мне почему-то казалось, смотрели на меня с неммым укором.

Когда все кончилось, я почти свалилась на кухне на стул и расплакалась.

Фрэнк, как мог, пытался меня утешить, гладил по спине, однако потом оставил это безнадежное дело и стал заваривать чай. И когда он поставил передо мной чашку с горячим чаем, я заявила:

– Все, решено. – Я словно находилась в тумане и ничего не соображала. – Бросаю все к черту! Завтра же!

– Бросаешь? – резко спросил Фрэнк. – Бросаешь учебу? Почему?

– Больше не могу.

Обычно я не пила чай ни с молоком, ни с сахаром, но в тот раз почему-то положила и то, и другое и лишь тупо наблюдала за белыми разводами в чашке.

– Я больше не могу оставлять Бри, когда не знаю, как за ней присматривают, но при этом точно понимаю, что ей плохо. Ты ведь знаешь, что ни одна из нянек ей не понравилась?

– Да. – Фрэнк сел напротив, помешал ложкой в чашке и потом, после долгого молчания, произнес: – Но мне не кажется, что тебе нужно бросать учебу.

Сказанное было для меня совершенным сюрпризом: ведь я была уверена, что он воспримет мое решение с радостью. Удивленно уставившись на Фрэнка, я высморкалась в бумажный платочек и спросила:

– Ты точно так считаешь?

– Ах, Клэр. – Даже когда он был раздражен, в голосе слышалась любовь. – Ты же всегда знала, каково твое предназначение, кто ты такая. Разве не ясно, как это необычно?

– Нет.

Я утерла нос мокрым платком, который грозил разлезться в клочья.

Фрэнк откинулся на стуле и посмотрел на меня, покачав головой.

– В том-то и дело.

Затем он молча уставился на свои сцепленные узкие кисти с длинными безволосыми, словно у девушки, пальцами. Изыщные кисти, отлично подходящие для изящных взмахов, подчеркивающих впечатление от лекций. А потом муж уставился на меня так, словно увидел впервые.

– У меня не так, – тихо произнес Фрэнк. – Ну, вообще говоря, у меня все хорошо. Я рад, что занимаюсь преподаванием и наукой. Честное слово, иногда это просто замечательно. Работа мне и вправду нравится и меня увлекает, но... – Он задумался, потом поднял на меня свои светло-карие глаза и серьезно продолжил: – Но честно признаюсь: с тем же успехом я вполне мог делать что-то еще. Я не испытываю ощущения, что мне это предназначено, что у меня есть собственная миссия, что-то, что я обязан совершить. А ты – совсем другое дело.

– А что, это хорошо?

От рыданий глаза у меня покраснели, нос распух.

Фрэнк хмыкнул.

– Это ужасно неудобно, Клэр. И для тебя, и меня, и Бри, для всех нас. Но как же я тебе порой завидую, ей-богу!

Он тронул меня за ладонь, и я, помедлив, не отвела руку.

– Испытывать к чему-то, – он подернул углом рта, – или к кому-то такую страсть – думаю, большая удача, Клэр. Исключительно редкая.

Он нежно пожал мою руку, отпустил и, повернувшись, вытащил с книжной полки том. Это был справочник Вудхилла из серии «Патриоты», посвященный биографиям американских отцов-основателей. Рука его легла на обложку книги так, будто он опасался потревожить сон описанных в ней героев.

– Вот они были такими людьми, как ты. Они знали свое предназначение и готовы были пойти на все, чтобы исполнить его. Но большинство людей иные, и ты отлично это знаешь. Разумеется, неверно говорить, что у них нет чувства долга или осознания своего предназначения, – оно у них всего лишь не так выражено.

Он вновь взял мою кисть, повернул ладонью вверх и щекотно провел пальцами по переплетениям линий.

– Неужели все это тут записано? – улыбаясь, промолвил он. – Правда ли то, что замечательные судьбы и великие дела предопределены? Или все дело в том, что люди, наделенные от рождения великой страстью, должны попасть в правильные обстоятельства в правильное время? Мы, историки, часто против воли спрашиваем себя об этом, хотя так и не можем найти на них ответы. Мы знаем об этих людях только то, что они совершили. Но, Клэр... – Фрэнк постучал по обложке и предостерегающе произнес: – Всем им пришлось чем-то за это заплатить.

– Я знаю.

Мне казалось, что я вижу нас со стороны: привлекательного, подтянутого, немного усталого Фрэнка с легкой проседью на висках и себя, растрепанную, неопрятную, в мятом хирургическом костюме, смоченном на груди слезами Брианны.

Мы немного посидели и помолчали, при этом я так и держала руку в руке Фрэнка. Я видела загадочные линии и борозды, четкие, как дороги на карте. Но как выяснить, куда ведут эти дороги?

Пару лет назад одна шотландская старуха миссис Грэм, кстати, бабушка Фионы, гадала мне по руке.

– Линии на твоей руке меняются по мере того, как меняешься ты сама, – сказала она тогда. – Неважно, с чем ты родилась, важно, какой ты себя сделаешь.

Ну и какой я стала, какой себя сделала? Неизвестно что вышло! Не смогла стать ни хорошей матерью, ни хорошей женой, ни хорошим доктором – одно недоразумение.

Некогда я считала себя цельной натурой, способной любить мужчину, вынашивать ребенка, лечить больных. Все это было взаимосвязано, а не распалось на странные кусочки, на которые сейчас похожа моя жизнь. Однако все это было там, в минувшем, рядом с Джейми, когда я любила его и какое-то время чувствовала себя – и была! – частью чего-то большего.

– Я стану забирать Бри.

Я так крепко задумалась о своем печальном, что не сразу осознала смысл его слов. Я удивленно посмотрела на Фрэнка.

– Что ты говоришь?

– Я говорю, – терпеливо повторил он, – что стану брать Бри с собой на работу. Она может приходить из школы в университет и до конца рабочего дня играть в моем кабинете.

Я потерла нос.

– Мне казалось, что ты не одобряешь тех, кто приводит детей к себе на работу.

Помнится, он критиковал секретаршу, миссис Клэнси, месяц приводившую на службу внука, когда его мать заболела.

Фрэнк смущенно пожал плечами.

– Правда твоя, но всегда нужно подходить к делу индивидуально. К тому же не думаю, что Брианна так же, как Барт Клэнси, будет с криками бегать по коридору и брызгаться чернилами.

– Не берусь обещать, – засмеялась я. – Ты не шутишь?

Впрочем, было совершенно понятно, что предложение серьезно; внутри меня появилось, вначале совсем робкое и осторожное, облегчение. Я знала, что мне трудно ожидать от Фрэнка физической верности, и мне было прекрасно известно, что он ее не блюдет, но вот то, что он любит Бри, я знала наверняка, и сомневаться в этом не приходилось.

Таким неожиданным образом была решена, пожалуй, самая трудная житейская сложность. Теперь мне не требовалось торопиться домой из госпиталя в страхе, что уже поздно и Брианна снова плачет в своей комнате, потому что ей не нравится нянька. Но девочка любит Фрэнка и, конечно, обрадуется, узнав, что сможет каждый день оказываться у него на работе.

– Почему? – прямо спросила я. – Я отлично понимаю, что ты совершенно не в восторге от моей медицины.

– Не в восторге, – с готовностью согласился он. – Но дело не в этом. Я прекрасно понимаю, что тебя все равно не остановить, и, видимо, единственная существенная помощь, которую я могу тебе оказать, – это помочь тебе добиться цели, причем с наименьшим ущербом для Брианны.

Он слегка помрачнел и отвернулся.

– Если он когда-либо чувствовал, что в его жизни есть что-то главное, то, ради чего стоит жить, то это была Брианна, – завершила Клэр.

Несколько мгновений она молча мешала ложкой какао, а потом задала неожиданный вопрос:

– А почему вы об этом спрашиваете, Роджер? Почему вас это беспокоит?

Он ответил не сразу, медленными глотками попивая какао, крепкое, темное, со свежими сливками и крупинками коричневого сахара. Реалистке Фионе было достаточно одного взгляда на Брианну, чтобы отказаться от попыток покорить Роджера через желудок, но как Клэр была врачом божьей милостью, так и Фиона – поваром от бога и просто не умела готовить плохо.

– Наверное, потому, что я историк, – после паузы сказал Роджер и глянул на Клэр поверх чашки. – Мне следует знать. Моя задача заключается именно в том, чтобы узнавать, как жили люди, что делали и почему делали так, а не иначе.

– Неужели вы считаете, что я могу об этом рассказать? – Она кинула на него короткий взгляд. – Или что я сама это знаю?

Он кивнул и опять отхлебнул глоток какао.

– Знаете, и получше многих. Доступные для изучения источники не обладают вашей... – Он помолчал, осмысливая подходящее слово, и затем расцвел в улыбке. – Я бы сказал, вашей уникальной точкой зрения.

Возникшее между ними напряжение неожиданно спало.

– Ну ладно! – рассмеялась Клэр и вернулась к чашке.

– Еще один существенный аспект, – произнес молодой человек, не сводя с Клэр глаз, – это ваша честность. Я думаю, вы не будете врать, даже если захотите.

Она коротко и сухо рассмеялась.

– А в этом, юноша, вы не правы: лгать может любой, если есть важная причина. И я тоже. Просто тем, у кого все видно по лицу, нужно заранее придумывать ложь и свыкаться с ней.

Она нагнулась к документам, лежавшим перед ней, и принялась медленно переворачивать страницу за страницей реестры прибытия и выбытия заключенных. Задача усложнялась тем, что не все тюрьмы королевства удовлетворительно управлялись и должным образом вели документацию.

Некоторые начальники не вели списки арестантов, а лишь делали записи о прибытии, отбытии или смерти наряду с прочими ежедневными записями; похоже, они не делали особого различия между смертью заключенного и забоем волов для прокорма остальных узников.

Роджер уже решил было, что Клэр прекратила разговор, но вскоре она вновь оторвалась от бумаг.

– Но вообще-то вы абсолютно правы, – сказала она. – Я честна скорее из-за недостатка гибкости, чем от чего-то еще. Мне трудно скрыть свои мысли. И, по-моему, вы это понимаете, так как мы с вами в этом смысле родственные души.

– Правда?

Роджер почему-то обрадовался так, будто кто-то сделал ему неожиданный подарок.

Клэр чуть заметно улыбнулась ему и кивнула.

– Конечно. Трудно сделать ошибку. Такие люди очень редки – те, кто немедленно говорит всю правду и о себе, и о тебе, и обо всем на свете. Я в жизни знала, пожалуй, лишь троих... а теперь уже четверых.

Она улыбнулась шире.

– Первый, конечно, Джейми. – Длинными пальцами она осторожно дотронулась до бумаг, казалось, она их ласкает. – Второй – фармацевт мэтр Раймон, я была знакома с ним в Париже. И мой друг по медицинскому факультету Джо Эбернети. Ну а теперь к ним добавились вы.

Она допила какао, поставила чашку и открыто посмотрела на Роджера.

– Хотя и Фрэнк был прав по-своему. Если знаешь собственное предназначение, от этого не всегда легче, но ты хотя бы не тратишь время на вопросы и сомнения. Честность тоже не всегда облегчает тебе жизнь. Впрочем, думаю, если ты честен перед собой и знаешь, на что способен, несколько меньше вероятность, что ты будешь поступать не так, как следует, а затем сожалеть о жизни, потраченной зря.

Клэр отодвинула от себя стопку бумаг и придвинула следующую – подборку папок с логотипом Британского музея.

– Как это похоже на Джейми, – тихо проговорила она себе под нос. – Он не мог отказаться от дела, которое считал своим, какая бы опасность ему ни грозила. И думаю, он не считал, что прожил жизнь зря, – и все равно, какие невзгоды были ему уготованы.

После этого она надолго замолчала и погрузилась в разбор каракулей давно покойного клерка. Клэр продолжала поиски записи, которая могла рассказать, как жил и как умер Джейми Фрэнк, сколько он томился в узилище и узрел ли он свободу.

Настольные часы глубоким и мелодичным звоном, удивительным для их размера, пробили полночь. Вскоре они отбили четверть первого, потом половину... Шорох листаемых страниц не прервался. Наконец Роджер отложил очередную стопку и широко зевнул, не прикрывая рта.

– У меня уже в глазах рябит, не знаю, как у вас. Может, продолжим утром?

Клэр не ответила: она о чем-то думала, уткнувшись взглядом в решетку электрокамина. Роджер повторил вопрос, и она медленно вернулась из своих грез в реальность.

– Нет, – рассеянно проговорила она и потянулась за новыми бумагами. – Ложитесь, конечно. А я еще посижу, раз уж мне не спится.

Я чуть было его не пропустила. Я, как автомат, не вчитываясь, листала списки и проглядывала страницы только на букву «J»: Джон, Джозеф, Джек, Джеймс. Джеймс Эдвард, Джеймс Алан, Джеймс Уолтер и так бесконечно. Усталым взглядом я почти случайно остановилась на записи, сделанной разборчивым мелким почерком: «Джеймс Маккензи Фрэзер из Броч-Туараха».

Словно драгоценность я опустила страницу на стол, на мгновение прикрыла глаза и опять посмотрела на листок. Запись никуда не пропала.

– Джейми, – сказала я вслух.

В груди сильно билось сердце.

– Джейми, – прошептала я.

Было почти три часа ночи. Все спали, но старый дом, как часто бывает, жил своей жизнью и бодрствовал вместе со мной: скрипел, стонал и вздыхал. Удивительно, но мне почему-то совершенно не хотелось будить Брианну или Роджера, чтобы немедленно рассказать им новость. Напротив, я испытывала желание ненадолго приберечь ее для себя, как бы побыть с Джейми наедине.

Я провела пальцем по строчке. Написавший ее писарь видел Джейми – может быть, тот стоял перед ним, пока перо скребло бумагу. Наверху страницы стояла дата: «16 мая 1750 года». Весна, почти такая же, как сейчас. И я представила себе то время, свежий холодный ветер и блестящие в волосах бледные лучи весеннего солнца.

Джейми носил длинные волосы, заплетенные в косу или собранные на затылке. Мне вспомнилось, как он, разгоряченный, небрежно откидывал волосы с шеи, чтобы остыть.

Он не мог тогда носить килт – после Каллодена это было нарушением вне закона. Скорее всего, на нем были штаны и рубашка из полотна, вроде тех, что я, бывало, для него шила. Казалось, я почувствовала под рукой мягкую ткань – на одну длинную рубаху с широкими рукавами, сарк, шло не меньше трех ярдов. Это была единственная одежда, в которой, оставшись без тартана, шотландец мог спать, и есть, и сражаться. Перед мой мысленным взором предстали широкие плечи под грубой тканью, тепло, исходящее от его кожи, чуть озябшие от весеннего холода руки.

Ему и прежде приходилось попадать в темницу. Каким он предстал перед клерком английской тюрьмы, прекрасно осознавая, что его ждет? Уж точно был адски мрачен, решила я, воображая длинный прямой нос и холодные темно-синие глаза – непроницаемые, словно озеро Лох-Несс.

Неожиданно я осознала, что так и сижу на стуле, крепко прижав к груди фотокопии, и так углубилась в свои мысли, что даже не посмотрела, к какой тюрьме относятся эти реестры.

В восемнадцатом веке в Англии было не очень много крупных тюрем, но имелись и мелкие.

Медленно я перевернула папку наклейкой к себе. Может, это приграничный Бервик? Единбургская крепость Толбот, получившая недобрую славу? Или какая-то тюрьма на юге, Лидский замок, а может, даже Тауэр?

На наклейке, аккуратно прикрепленной к обложке, было написано «Ардсмьюир».
– Ардсмьюир? – Я по-дурацки зачем-то прочитала надпись вслух. – Где он вообще, этот чертов Ардсмьюир?

Глава 8 Пленник чести

Ардсмьюир, Шотландия, 15 февраля 1755 года

– Ардсмьюир – это какой-то чирей у Господа на задку. – Полковник Гарри Кварри кивнул стоявшему у окна молодому офицеру и воздел стакан. – Я провел тут целый год, а если быть точным, одиннадцать месяцев и двадцать один день; теперь, милорд, с радостью передаю вам бразды правления.

Майор Джон Уильям Грей оторвался от изучения своих новых владений, в основном внутреннего двора, и, чопорно кивнув в ответ, поднял свой стакан:

– Да уж, не особенно воодушевляет. Тут что, всегда дождь?

– Конечно. Шотландия, черт возьми, и самая ужасная дыра во всей этой дьявольской Шотландии.

Кварри хлебнул виски, поперхнулся, громко выдохнул и поставил опустевший стакан на стол.

– Если что и может примирить с этим захолустьем, так разве что спиртное почти даром, – довольно хрипло заявил он. – В местных пабах и лавках к людям в мундирах, особенно офицерских, относятся со всем уважением и предлагают неплохую скидку. Я потом напишу вам перечень мест, которые стоит посетить.

Кварри кивнул на огромный письменный стол из дуба, который уперся всеми четырьмя ножками в центр ковра, будто крепость. Островок из ковра и стола резко отличался от оставшегося кабинета, где практически не было обстановки. О крепости напоминали и флаги, висевшие на каминной полке; за столом – флаг полка и государственный.

– Да, и кстати. – Полковник встал, пошарил в верхнем ящике и кинул на стол потрепанную кожаную папку, а потом присовокупил к ней еще такую же. – Передаю список личного состава и реестр заключенных. Обычно в крепости находится двести узников, однако сейчас их сто девяносто шесть. Иногда, случается, парочка помрет от болезни, а бывает, поймают браконьера с поличным, вот вам и новый арестант.

– Значит, примерно двести, – заметил Грей. – А сколько охраны в казармах?

– По штату положено восемьдесят два. Но обычно в строю примерно половина.

Полковник опять полез в ящик, достал заткнутую пробкой бутылку темного стекла, встряхнул ее, прислушался к бульканью и улыбнулся.

– Не один командир здесь утешается виски. Не меньше половины личного состава постоянно находится подшофе, случается, и поверку нельзя провести. Оставляю эту бутылку вам. Уверен, пригодится обязательно.

Кварри спрятал виски и открыл нижний ящик стола.

– Вот тут – всякие инструкции, отношения, прошения, формуляры, образцы отчетов и прочее. Хуже бумажной волокиты не найти, однако если найдется хороший писарь, волноваться не о чем. И делать самому ничего не надо. К несчастью, не могу предложить ничего подобного. Был тут грамотный капрал, аккуратный, с хорошим почерком, да полмесяца назад помер. Найдите другого такого же – и вам не придется ни о чем беспокоиться, кроме охоты на куропадок и поисков «французского золота».

И полковник расхохотался над собственной остротой. В этой части Шотландии широко ходили слухи о золоте, которое Людовик Французский якобы послал Карлу Стюарту, своему кузену.

– А есть ли хлопоты с заключенными? – спросил майор. – Если я верно понял, они же в основном хайлендеры, якобиты.

– Да, именно так. Однако они ведут себя вполне смиренно.

Кварри глянул в окно и замолчал, увидев, как из маленькой двери в крепостной стене во двор выходила цепочка узников, похожих на оборванцев.

– Похоже, у них пороху не осталось после Каллодена. Мясник Билли напрочь отбил охоту к бунту. Ну, и мы держим в узде и следим, чтобы не появилось ни намека на смуту. Занимаем их работой, пусть себе тюрьму строят.

Грей с пониманием закивал. Забавно: шотландские узники сами перестраивали и ремонтировали крепость Ардсмьюир.

– Вот артель пошла торф резать.

Кварри показал за окно. Во дворе перед солдатом в красном мундире выстроился десяток бородачей в обносках. Солдат ходил туда-сюда, отдавая приказания, потом что-то скомандовал и махнул рукой на главные ворота.

Артель двигалась под надзором шести солдат с мушкетами наперевес, шедшими в хвосте и голове колонны. Новенькие мундиры на фоне горцев-оборванцев особенно бросались в глаза. Заключенные уныло тащились под мелким дождем, за ними скрипела пустая телега, запряженная мулом, где блестели ножи для резки торфа. Полковник посчитал ряды и посуровел.

– Видимо, вновь заболел кто-то. Положено, чтобы в артель входило восемнадцать человек: оттого, что заключенные работают с ножами, полагается один страж на каждых трех арестантов. Впрочем, – добавил он и повернулся к окну спиной, – очень мало кто пытается бежать. Потому что бежать некуда.

Он отошел от стола и на ходу пнул большую корзину, поставленную перед камином. В ней лежал тот самый торф, который добывали заключенные.

– Никогда не закрывайте окна, даже в дождь, – дал совет полковник, – а то можете задохнуться в дыму от торфа. – Он нарочито глубоко вдохнул и громко выдохнул. – Боже мой, как хорошо, что я возвращаюсь в Лондон!

– Подобающего общества тут тоже нет, насколько я разумею? – сухо спросил майор.

Полковник Кварри расхохотался так, что его полное лицо сморщилось, как губка.

– Подобающее общество? Эк вы сказали, друг мой! Здешнее «общество», если не брать в расчет парочку неплохих шлюх, образуют лишь гарнизонные офицеры. Один из четверых даже способен составить пару фраз, не вставляя брань через слово. Еще ваш ординарец и заключенный.

– Заключенный? – удивленный Грей оторвался от документов и поднял брови.

– Ну да!

Вообще-то, Кварри считал мгновения перед отъездом, у ворот его уже ждала карета, и он остался на несколько минут, только чтобы дать преемнику наставления, но, увидев изумление майора, он встал как вкопанный и приподнял губу в предвкушении.

– Думаю, вы не могли не слышать о Рыжем Джейми Фрэзере?

Майор изо всех сил попытался удержать на лице невозмутимую мину.

– Полагаю, как и все, – сухо подтвердил он. – В ходе мятежа он снискал себе большую славу.

В это время Грей мучительно раздумывал, что именно известно полковнику из истории, связанной со знаменитым мятежником. Черт возьми, надо же было так влипнуть!

Кварри хотел что-то сказать, однако ограничился кивком.

– Так и есть. В общем, он сидит в нашей крепости. Он – старший по званию среди офицеров-якобитов, горцы воспринимают его как своего вождя, потому, если нужно решать споры, связанные с заключенными – а такие споры, уверяю, обязательно будут, – с ним, как с их представителем, следует иметь дело.

По кабинету Кварри ходил в одних чулках, а готовясь к выходу, принялся натягивать кавалерийские сапоги, подходящие для того, чтобы месить шотландскую грязь.

– Они зовут его Seumas, mac an fhear dhuibh, или Макдю. Вы говорите по-гэльски? Я тоже ничего в этой белиберде не понимаю, вот Гриссом, похоже, немного понимает. Он говорит, что это значит «Джеймс, сын Черного». Половина стражей его боится – те, что бились при Престонпансе с Коупом. Говорят, он был сущей бедой, впрочем, в конце концов сам оказался в беде.

Кварри натянул сапог, усмехнувшись, топнул ногой и поднялся.

– Заключение ему беспрекословно подчиняются, но приказывать им, минуя его, – значит то же, что приказывать камням. Приходилось ли вам раньше иметь дело с шотландцами? Ну разумеется, вы же участвовали в битве при Каллодене в полку вашего брата, верно?

Полковник, якобы коря себя за забывчивость, хлопнул рукой по лбу.

Черт бы его побрал! Он все-таки знает!

– Тогда вы имеете представление о наших подопечных. Упертые ослы – это очень мягко сказано. – Кварри развел руками, изображая таким образом всех смутьянов-шотландцев. – Следовательно, – полковник с удовольствием протянул паузу, – чтобы с ними договориться, вам требуется милость Фрэзера или, по крайней мере, его согласие к переговорам. Скажем, я, бывало, звал его к ужину и вел с ним обсуждения за столом. Такая тактика чрезвычайно способствует благополучному разрешению большинства дел, и вам стоит ее опробовать.

– Да, пожалуй.

Грей выглядел бесстрастным, хоть и сжал изо всех сил кулаки. Вот еще, будет он обедать за одним столом с Джеймсом Фрэзером!

– Он человек образованный, – ехидно поглядывая на майора, добавил Кварри. – С ним куда интереснее разговаривать, чем с гарнизонными офицерами, к тому же Фрэзер знает толк в шахматах. Вы ведь иногда балуетесь игрой?

– Иногда.

У Грея даже горло перехватило от злости. Когда этот болван, наконец, договорит и уберется?

– Ну что же, прощайте, оставляю вам все хозяйство.

Словно прочитавший мысли майора, Кварри решительно напялил парик, сдернул плащ с крючка, по-актерски набросил его на себя и взял в руки шляпу. У двери полковник внезапно обернулся и сказал:

– Да, вот еще что. Окажетесь с Фрэзером с глазу на глаз, не поворачивайтесь к нему спиной.

Он произнес это без прежней усмешки, и Грей понял, что полковник отнюдь не шутит.

– Серьезно, – продолжил Кварри. – Конечно, он закован в цепи, но ему ничего не стоит задушить ими человека. Фрэзер – парень сильный.

– Я знаю.

Грей ощутил, как покраснел от злости, и в попытке это скрыть повернулся к открытому окну, подставив лицо холодному ветру.

– Думаю, впрочем, – сказал он, не глядя на полковника и обращаясь к мокрым камням во дворе, – раз этот смутьян настолько умен и образован, как вы утверждаете, он едва ли набросится на меня в моих покоях. Зачем ему это делать?

Кварри промолчал, и обернувшийся Грей обнаружил, что он уставился на него совершенно серьезно, без всякой издевки.

– Ум и образованность, разумеется, важны, но они не все, – медленно сказал полковник. – Есть и многое другое, что не менее существенно. Вы человек молодой и, видимо, не встречали рядом с собой ненависти и отчаяния. А ведь за последнее десятилетие в Шотландии набралось немало и первого, и второго.

Кварри скосил глаза и посмотрел на новоназначенного коменданта Ардсмьюира с высоты своего возраста – он был на пятнадцать лет старше.

Майору Грею было никак не больше двадцати шести, а нежный румянец и длинные, как у девушки, ресницы делали его на вид еще моложе. Кроме того, он был невысок ростом и хрупок. Сейчас же он принял гвардейскую осанку.

– Мне это известно, полковник, – отрывисто заметил офицер, стараясь оставаться бесстрастным.

Конечно, Кварри, как и сам Грей, тоже был всего лишь младшим отпрыском хорошей семьи, однако преимущество в звании и годах не позволяло майору выказывать чувства.

– Надеюсь, – отозвался Кварри, уставившийся на собеседника светло-кариими глазами.

Затем он с размаху напялил на голову шляпу, тронул пальцем темный шрам на щеке, деливший кирпичную кожу почти поперек, – память о громкой дуэли, ставшей причиной ссылки в Шотландию, – и добавил:

– Один бог знает, Грей, что вы такое отмочили, что вас засунули в эту дыру. Ну, вы, конечно, и сами знаете, чему этим обязаны. Удачи!

И, взмахнув на прощанье синим плащом, Кварри отбыл.

– Старый черт всегда лучше нового, – мрачно заметил Мардо Линдси и покачал головой. – Красавчик Гарри был не самым худшим.

– Это верно, – подтвердил Кенни Лесли. – Да ведь ты уже тут сидел, когда он появился, правда? Гарри оказался гораздо лучше того мерзавца Богла.

– И-и-и... – удивленно протянул Мардо. – Не темни, парень, к чему ты клонишь?

– Да к тому, что если Красавчик и вправду был лучше Богла, – терпеливо пояснил Лесли, – тогда он был чертом новым, а Богл – старым. Но Красавчик точно оказался лучше, вот и выходит, что ты не прав.

– Я? – Окончательно запутавшийся в рассуждениях Мардо исподлобья зыркнул на Лесли. – Нет, я прав!

– А вот и не прав! – горячо произнес Лесли. – Да и с чего ты вообще вечно споришь, когда все равно всегда проигрываешь?

– Я?! Я не спорю! – возмутился Мардо. – Это ты нарочно ко мне лезешь и все переворачиваешь вверх ногами.

– Да потому, что ты ошибаешься, мальй, – твердо сказал Лесли. – Был бы ты прав, я бы слова не сказал.

– Не был я не прав! В общем, я так не думаю, – пробормотал Мардо, который уже не мог припомнить, что говорил вначале. Линдси повернулся к высокому человеку, примостившемуся в углу. – Макдью, я не прав?

Сидевший в углу человек потянулся, негромко зазвенев цепями, и засмеялся.

– Да нет, Мардо, сказать, что ты так уж не прав, нельзя. Но и что ты прав, сказать тоже невозможно – пока мы доподлинно не узнаем, что это за новый черт.

Увидев, что Лесли хмурится в предвкушении продолжения спора, человек этот сказал громче, обратившись ко всем окружающим:

– Кто из вас уже видел нового коменданта? Джонсон? Мактавиш?

– Я видел! – крикнул Хейс, с готовностью пробираясь к очагу, чтобы погреться.

На сорок человек, сидевших в большой камере, приходился лишь один маленький очаг, усесться у которого могли лишь шестеро. Остальные были вынуждены прижиматься друг к другу, дрожа от холода.

У узников имелось установленное совместно правило: тот, кто рассказывает интересную историю, либо певец занимает у огня место на время выступления. Макдью объяснил им, что

таково исконное право барда; когда в старые времена в замки забредали барды, рассказал он, лэрды оказывали им особые почести: усаживали в тепло и от души угощали.

Мечтать о сытной еде или добром питье узникам было нечего, но теплый угол был. Хейс облегченно протянул руки к огню и блаженно осклабился, однако, побуждаемый пинками и тычками в оба бока, собрался и принялся рассказывать.

– Первый раз я видел, как он вылезал из экипажа, а второй – принес им с Красавчиком Гарри с кухни тарелку сладостей. Они как раз молотили языками. – Хейс задумчиво наморщил лоб. – Он блондин, с длинными русыми кудрями, которые он подвязывает голубой лентой. Еще у него большие глаза и длинные, как у барышни, ресницы.

Хейс кокетливо похлопал своими, совершенно не женскими ресницами, состроил товарищам глазки и, получив порцию всеобщего хохота, продолжил рассказ. Он поведал о платье нового начальника («расфуфырен, будто лорд!»), его ординарце («этакий дубина-англичанин, что говорит так, словно у него языка нету») и о том, что успел подслушать.

– Он самоуверен, говорит четко и скоро, так, словно доподлинно знает всему цену, – сообщил рассказчик и недоверчиво покачал головой. – Думаю, это по малолетству. Он довольно юн, а на вид – и вовсе мальчишка, хотя наверняка старше, чем выглядит.

– Ага, мелкий парнишка, меньше крошки Энгюса, – перебил его Бэйрд, кивнувший на Энгюса Маккензи.

Тот удивленно осмотрел свои руки: после того как Энгюс с двенадцати лет бился при Каллодене плечом к плечу с отцом, он провел в крепости почти полжизни, где из-за того, что перебивался с хлеба на воду, почти что не вырос.

– Ну да, – подтвердил рассказчик, – зато ведет себя важно, прямо как лорд какой: и ходит, словно палка к спине привязана.

Поймав положенную порцию смеха и скользких шуточек, Хейс уступил место Огилви, приступившего к невероятно долгому неприличному рассказу о лэрде Донибристле и дочери свинопаса. Хейс, погревшись, покинул тепло очага и уселся в углу возле Макдюю.

Сам же Макдюю никогда не садился у огня, даже когда пересказывал узникам большие фрагменты из читанных им книжек: «Приключений Родерика Рэндома», «Истории Тома Джонса, найденыша» или «Робинзона Крузо». Макдюю сообщил, что его длинным ногам требуется место, куда их можно вытянуть, и облюбывал тот угол, откуда его было всегда слышно.

Погревшиеся у очага заключенные один за другим усаживались возле него на скамью, делясь таким образом остатками тепла, принесенными на одежде.

– Как думаешь, Макдюю, сумеешь ли ты завтра поговорить с новым начальником? – поинтересовался Хейс. – Я встретил Билли Малькольма, возвращавшегося с рубки торфа, и тот крикнул мне, что крысы в их камере окончательно обнаглели: покусали во сне шесть человек, теперь у двоих воспалились укусы.

– Трудно сказать, Гэвин, – ответил он. – Кварри пообещал передать новичку наш уговор, но ведь новая метла по-новому метет. Вот если меня к нему вызовут, тогда другое дело, тогда я точно расскажу о крысах. А просил ли Малькольм Моррисона прийти и посмотреть раны?

Штатным расписанием крепости не был предусмотрен лекарь, поэтому стража, после просьбы Макдюю, позволяла Моррисону, знавшему кое-какие знахарские приемы, ходить по камерам и лечить болезни и раны.

Хейс покачал головой.

– Да когда ему? Они же всего лишь мимо шли.

– Тогда самое правильное мне послать за Моррисоном, – решил Макдюю, – чтобы он сам узнал у Билли, что там стряслось.

Заключенные содержались в четырех обширных многонаселенных камерах и узнавали новости в основном во время визитов Моррисона. Вдобавок узникам удавалось увидеться во время работ, на которые их выводили таскать камни или резать торф на ближайшем болоте.

Моррисон явился по первому зову и принес в кармане четыре черепа крыс, изукрашенные резьбой, которыми шотландцы играли в своего рода шашки. Макдью пошарил под скамьей и достал матерчатый мешочек, с которым ходил на торфяник.

– Ой, довольно этих проклятых колючек, – недовольно забормотал Моррисон при виде мины Макдью, копошившегося в мешочке. – Как мне заставить их это есть? Все повторяют, что ты вздумал кормить их сеном, как коров или свиней.

Макдью выудил пригоршню увядших стеблей и пососал уколотый палец.

– Упрямством они и вправду хуже и коров, и свиней, – пробурчал он. – Это всего-навсего расторопша. Сколько тебе еще повторять, Моррисон? Отрежь головки, разомни листья и стебли и, если окажется, что они слишком колючие для еды, разложи на пресной лепешке, высуши в печи, разотри, сделай настой и дай им выпить как чай. И передай от меня, что интересно бы посмотреть на свиней, которые пьют чай.

Моррисон улыбнулся всеми своими морщинами. Он был уже немолод и прекрасно понимал, как обходиться с больными, но для поддержания разговора любил пожаловаться.

– Хорошо же. И узнаю, кто из них видел беззубую корову, – заметил он, аккуратно укладывая подвявшие стебли к себе в мешок. – Однако когда тебе доведется встретить Джо Маккаллока, непременно на него цыкни. Самый упрямый осел во всей ослиной компании: никак не желает принять на веру, что зелень помогает при цинге.

– Скажи ему, что если я узнаю, что он отказался от расторопши, то собственными зубами укушу его за зад, – пообещал Макдью и обнажил прекрасные белые резцы.

В горле Моррисона что-то забулькало, видимо, так он смеялся, после чего знахарь отправился за мазями и немногими лекарственными травами, что ему перепали.

На всякий случай Макдью обвел камеру взглядом и, удостоверившись, что никаких споров, кажется, не будет, разрешил себе ненадолго расслабиться. Заключенные, случалось, устраивали ссоры: всего неделю назад Макдью разрешил распрю между Бобби Синклером и Эдвином Мюрреем. Друзьями они после этого не стали, но больше не задирались и не осложняли другим жизнь.

Он закрыл глаза. Несмотря на могучую силу, и ему было нелегко целый день таскать камни. Ужин – котел каши и хлеб, которые нужно разделить на всех, – будет готов через несколько минут, а затем большинство его сокамерников уснет, и Макдью получит в свое распоряжение несколько драгоценных минут покоя и кажущегося уединения, в которые от него никто не будет требовать выслушать других и принять за других решение.

До этого времени он не сумел даже подумать о новом начальнике тюрьмы, а ведь этот человек должен был сыграть важную роль в жизни всех заключенных крепости Ардсмьюир. Хейс говорил, что он молод. Возможно, это хорошо, а может быть, и не очень.

Те из борющихся с мятежниками, что был уже немолод, случалось, оказывались настроенными очень против хайлендеров: скажем, предыдущий начальник тюрьмы Богл, тот, что заковал его в цепи, бился с Коупом. Но неоперившийся новичок, стремящийся показать себя на новом поприще с лучшей стороны, мог стать куда большим самодуром и деспотом, чем старый солдат. Ну, тут можно только ждать и надеяться, иначе не выйдет.

Макдью сделал глубокий вдох и в очередной, неизвестно какой раз попытался устроиться поудобнее и как-нибудь облегчить страдания, причиненные кандалами. Сами цепи даже не казались ему, могучему великану, особенно тяжелыми, однако при движении кандалы сильно натирали, и, больше того, он никак не мог развести руки перед собой шире чем на восемнадцать дюймов и хорошенько размять мышцы груди и спины. Тело немело, болело, и ему становилось чуть легче лишь во сне.

– Макдью, – тихо сказал кто-то почти ему на ухо. – Можно перемолвиться с тобой словом?

Открыв глаза, он обнаружил рядом с собой Ронни Сазерленда. В тусклом свете очага серьезное тонкое лицо товарища, казалось, напоминало лисью морду.

– Ронни, разумеется.

Он сел прямо, подтянул к себе цепи и полностью выкинул из головы раздумья о новом начальнике крепости.

В тот же вечер Джон Грей сел за письмо.

«Дорогая матушка!

Я благополучно прибыл к новому месту службы, по мне, оно достаточно удовлетворительно. Мой предшественник полковник Кварри (помните его, племянник герцога Кларенса) встретил меня весьма любезно и поведал о моих обязанностях. Мне выделили прекрасного слугу. Разумеется, многое тут, в Шотландии, мне внове, но полагаю этот опыт чрезвычайно полезным. На ужин мне подали местное блюдо, как объяснил мне слуга, под названием «хаггис». Я навел справки, и оказалось, что это бараний желудок, набитый смесью овсяной муки и мяса, приготовленного совершенно невыразимым образом. Меня попытались уверить, что это любимое здешнее лакомство, однако я отослал его обратно и попросил принести мне взамен обычное вареное седло ягненка. Сейчас, после своего первого – такого скромного – ужина на новом месте, я собираюсь отдохнуть от тягот долгого путешествия, которое я надеюсь описать вам в следующем письме; окружение же я опишу позднее, когда ознакомлюсь со всем подробнее и составлю собственное мнение».

Некоторое время майор молча тыкал пером в промокательную бумагу. На промокашке появилась россыпь точек, которые он в задумчивости соединил черточками, образовав непонятную многоугольную фигуру.

Попробовать узнать о Джордже? Конечно, не прямо, так нельзя, а обиняками, дескать, не виделась ли мать в последнее время с леди Эверет и может ли он передать приветы ее сыну?

Грей вздохнул и изобразил на промокашке очередную точку. Не стоит. Мать-вдова, разумеется, ни о чем не подозревает, но муж леди Эверет вхож в армейские круги. Конечно, брат сделает все возможное, чтобы не дать распространиться слухам, однако лорд Эверет легко может прознать, откуда ветер дует, и сообразить, в чем дело. Обмолвится о Джордже в разговоре с женой, та обязательно расскажет все матери, но вдовствующая графиня Мелтон отнюдь не глупа.

Она прекрасно понимает, что ее сын попал в опалу: молодых офицеров, находящихся у командования на хорошем счету, никогда не ссылают на край света, в шотландское захолустье, чтобы они руководили там перестройкой мелкого форпоста, не обладающего каким-то значением при военных действиях и используемого в основном как темница. Но его брат Хэрролд сообщил матери, что все дело в любовном приключении, и намекнул, что расспрашивать об этом не деликатно. Видимо, она решила, что он был застигнут с женой какого-нибудь полковника или что поселил у себя дома шлюху.

Чертово любовное приключение! Он опять макнул перо в чернильницу и мрачно ухмыльнулся. Возможно, брат изложил его сказку более деликатно. Да и правду сказать, после гибели Гектора при Каллодене все его приключения оказывались неудачными.

Вспомнив о Каллодене, Грей предсказуемо вспомнил и о Фрэзере, мысли о котором отгонял от себя целый день. Он перевел взгляд с промокашки на папку с реестром заключенных и прикусил губу. Ему страшно захотелось открыть ее и посмотреть на написанное там имя. Только для чего? В Хайленде живут десятки Джеймсов Фрэзеров, но лишь один из них известен как Рыжий Джейми.

К щекам прилила кровь. Это произошло не оттого, что он сидел рядом с камином, однако майор встал, подошел к окну и сделал глубокий вдох, стремясь не только наполнить грудь прохладным воздухом, но и очистить голову от мыслей.

– Прошу прощения, сэр, не прикажете ли подогреть вам постель?

Услышав шотландскую речь, Грей вздрогнул, быстро повернулся лицом к двери и обнаружил просунувшуюся в щель голову заключенного, приставленного к его комнатам.

– О! Да-да, конечно. Спасибо... – замялся он. – Макдоннел?

– Маккей, милорд, – поправил, казалось, ничуть не обидевшийся узник и убрал голову за дверь.

Грей тяжело вздохнул (сегодня сделать что-то полезное уже не судьба), вновь подошел к столу и принялся в задумчивости собирать папки. Взгляд упал на чернильный рисунок на промокашке: больше всего он напоминал булаву с шипами, такую, как у средневековых рыцарей, предназначенную для того, чтобы обрушивать ее на голову врага.

Почему-то ему казалось, что в его желудке торчит такой же шипастый шар; но, впрочем, это, конечно, было несварение, вызванное плохо приготовленной бараниной.

Майор помотал головой, придвинул письмо и торопливо его подписал: «Со всей любовью, ваш примерный сын, Джон У. Грей». Затем присыпал письмо песком, запечатал перстнем и отложил для утренней почты.

После этого Грей поднялся, постоял, обозревая мрачный интерьер кабинета – большого, холодного, пустого, меблированного лишь обширным письменным столом да двумя стульями. Его передернуло от холода, поскольку от окна несло сыростью, а торфяных брикетов, тлевших в камине, было очевидно мало для протопки такой большой комнаты.

Грей в очередной раз скопился на реестр, затем склонился, открыл нижний ящик стола, достал темную бутылку, погасил свечу и отправился в постель в тусклом свете, исходившем от камина.

Утомление и виски вроде бы должны были совместными усилиями мгновенно погрузить его в сон, но Морфей витал над постелью, как нетопырь, и никак не хотел принимать Грея в свои объятия. Как только он погружался в дрему, ему представлялся Кэрриарикский лес – сердце начинало громко биться, и сна вновь как не бывало.

Его первая военная кампания случилась, когда ему исполнилось лишь шестнадцать лет. Конечно, он был восторженным юнцом, еще не имевшим офицерского чина, но старший брат взял его с собой, чтобы он на своей шкуре узнал, что такое солдатское житье-бытье.

Полк, направленный в Престонпанс для соединения с войсками генерала Коупа, тогда встал лагерем близ мрачного шотландского леса, и молодому Джону тоже не спалось – мешали раздумья о будущей битве. Что будет и чем закончится? Друзья Хэла в один голос превозносили воинские таланты Коупа, но солдаты у костров в основном рассказывали о храбрости и жестокости шотландских горцев и об их ужасных палашах, несущих смерть. Хватит ли ему смелости встретиться лицом к лицу с безудержной атакой диких хайлендеров?

Конечно, ему следовало скрывать страх, и нельзя было и мечтать о том, чтобы поделиться ими с Гектором, так он мог лишь пасть в его глазах. Естественно, Гектор его любил, но ведь ему было уже двадцать лет, он был высок, мужествен, и у него были патент лейтенанта и, главное, боевой опыт, полученный во Франции.

И сейчас Грей не мог бы определить, что им руководило: стремление быть похожим на Гектора, превзойти его или попытаться произвести на него хорошее впечатление. Так или иначе, в один прекрасный день он заметил в лесу хайлендера, понял, что это известный ему по листкам о розыске знаменитый смутьян Рыжий Джейми, и твердо решил убить его или взять в плен.

Безусловно, он подумывал вернуться в лагерь за подкреплением, однако решил от этого отказаться, поскольку шотландец был один (во всяком случае, Джону так показалось) и совершенно ни о чем не беспокоился – сидел на пеньке и ел хлеб.

Юноша выхватил нож из-за пояса и принялся красться к ярко-рыжей голове. Нож в его потной руке скользил от пота, но это не мешало Джону Грею представлять себе, как он прославится, а Гектор его похвалит.

Он даже подобрался к горцу, занес над ним нож и почти ударил...

Лорд Джон Грей даже подскочил под периной, так его взволновали стоявшие перед глазами картины.

Руку перехватили, нож выбили – и они, сцепившись, стали кататься по земле, сначала борясь за нож, а потом (опять же, так думал Грей) и за жизнь. Вначале шотландец оказался снизу, но вскоре непостижимым образом изловчился и переместился наверх.

Однажды Джон Грей дотронулся до огромного питона, которого привез из Индии друг его дядюшки. Фрэзер оказался почти таким же: мощным, гибким и быстрым.

В общем, Джона Грея попросту ткнули мордой в палые листья и связали ему руки за спиной. Уверенный в неизбежности скорой смерти, он с такой силой крутанул связанную руку, пытаясь вырваться, что раздался хруст ломаемой кости, глаза заволокло черно-красной пеленой, и Джон потерял сознание.

Обретя чувства, юноша Джон обнаружил, что стоит, прислоненный к дереву, прямо перед толпой шотландцев в клетчатых пледах самого разбойничьего обличья. Посреди них стоял Рыжий Джейми Фрэзер. И женщина.

Он скрипнул зубами. Будь проклята та женщина! Если бы не она, бог знает, как бы все обернулось. Но все обернулось так, что она заговорила. Это была англичанка, судя по речи, леди, и он – ах, что за болван! – немедленно понял, что она взята коварными шотландцами в заложницы и ее, конечно, похитили, чтобы надругаться над ней. А что он еще мог понять? Все вокруг только и делали, что твердили о нечестивых шотландцах, только и ждущих, чтобы поймать английскую леди и лишить чести.

И тогда он, лорд Джон Уильям Грей, шестнадцати лет, с головой, набитой дурацкими юношескими идеалами долга, чести, отваги и благородства, покрытый ссадинами, шишками и синяками, превозмогавший боль в сломанной руке, вздумал начать торговаться с горцами в попытке избавить пленницу от уготованной ей горькой участи. Их предводитель Фрэзер насмешливо играл с ним, как кошка с мышью: поставил перед ним полураздетую женщину и выпытывал сведения о полке, о позициях и численности. А когда Джон рассказал все, что знал, Фрэзер весело сообщил, что эта женщина – его жена. Ну и ржали же тогда чертовы хайлендеры! До сих пор в ушах слышен их грубый хохот.

Грей повернулся на другой бок и попытался устроиться на незнакомой перине поудобнее.

Больше того, Фрэзер даже не подумал проявить хоть какое-нибудь благородство и вместо того, чтобы подарить пленному геройскую смерть, просто привязал мальчишку к дереву, чтобы утром его нашли товарищи. К тому времени шайка Рыжего Джейми уже посетила стоянку и – благодаря сведениям, сообщенным Греем! – обезвредила пушку, которую они везли Коупу.

После того как все это получило огласку, ему не назначили никакого наказания, приняв во внимание юный возраст и то, что формально он еще не поступил на службу, однако юный Джон стал изгоем и объектом презрения. Никто из товарищей не желал говорить с ним, кроме брата и Гектора. Верного Гектора...

Вздыхнув, он поерзал по подушке щекой и вновь представил себе Гектора – темноволосого, голубоглазого, с вечной улыбкой на пухлых губах. Он погиб при Каллодене, изрубленный широкими палашами противника, десять лет назад, а Джон, бывало, по-прежнему просыпался ранним утром с воспоминаниями о его руках.

И вот пожалуйста: новая доука на его голову! Он питал отвращение даже от одной мысли, что вынужден нести службу среди шотландцев, тех, кто погубил его милого друга, но даже и вообразить был не в силах, даже тогда, когда думал о будущем в самом черном цвете, что ему придется вновь встретиться с Джеймсом Фрэзером.

Торф в камине потихоньку прогорел до пепла, затем пепел остыл, непроглядная тьма за окном сменилась серым сумрачным рассветом, пробивавшимся сквозь дождь, а майор Грей все лежал без сна, вперив воспаленный взор в деревянный потолок, покрытый копотью.

Конечно, Грей так и не смог отдохнуть за ночь, но сумел принять решение. Он тут, Фрэзер тоже тут. В ближайшем будущем им с этим ничего не поделать. Они неизбежно будут то и дело сталкиваться против собственной воли. Всего через час ему следует устроить общий сбор заключенных и представиться им в качестве начальника тюрьмы, ну и потом он будет делать различные обходы и осуществлять инспектирование. Да, деваться некуда, но встреч с глазу на глаз он постарается избегать. Возможно, ему удастся справиться с печальными воспоминаниями и чувствами, сохранять должную дистанцию между ними.

К тому же он заключил, что в сложившемся положении было и нечто иное, то, до чего он додумался лишь к рассвету, после того как печальные мысли о пережитых в прошлом унижениях и боли не дали ему уснуть. Роли сменились, и Фрэзер теперь узник, а не его мучитель, такой же заключенный, как все прочие, и целиком зависит от расположения Грея.

Майор позвонил слуге в колокольчик и на цыпочках подошел к окну, скривившись от холода, исходившего от плит пола. Добравшись до окна, он выглянул наружу, чтобы узнать погоду.

За окном предсказуемо лил дождь. Мокрые насквозь узники строились во дворе в колонны. Поежившись от ветра, продувавшего рубашку, Грей втянул голову в комнату и прикрыл окно до половины – неплохой выбор между смертью от духоты и смертью от лихорадки.

Вообще говоря, прямо перед рассветом он не спал, поскольку воображал себе мечь Фрэзеру: мысленно кидал его, голого, в холодный подвал, заставлял есть отбросы, жестоко сек кнутом... Что останется от заносчивости и спеси шотландца, от его нахального высокомерия, в условиях, когда само его жалкое существование окажется в полной зависимости от намерений его бывшего пленника?

Но Грей вполне наслаждался подобными мечтами и теперь, когда он несколько успокоился и смог взглянуть на обстоятельства дела беспристрастно, испытал к самому себе неприкрытую неприязнь.

Неважно, кто был Фрэзер когда-то, ныне он поверженный противник, военнопленный и находится на попечении короны и его, Грея. Корона, определившая меру наказания, вверила его начальнику тюрьмы, который не только не имеет права утяжелять наказание, но и отвечает за то, что заключенному должны быть обеспечены должные условия.

Появился слуга, принеший кипяток для бритья. Майор смочил щеки; теплая вода успокаивала, прогоняла ночные кошмары. Да, это лишь иллюзии, игры воображения, с облегчением понял он и успокоился.

Разумеется, повстречай он Фрэзера в бою, с огромной радостью, не раздумывая, убил бы его. Но сейчас Фрэзер – его пленник, и ничего с этим не поделать: его честь не даст причинить этому человеку никакого вреда.

К моменту, когда Грей был выбрит и, с помощью слуги, одет, он вполне вернул себе присутствие духа и даже смог оценить сложившееся положение юмористически, правда, с довольно мрачным весельем.

Его идиотизм при Кэрриарике спас Фрэзеру жизнь при Каллодене. Теперь долг уплачен, и Фрэзер – в его власти, и статус заключенного вполне давал ему безопасность, поскольку все Грей, умные или дураки, опытные и наивные, всегда были людьми чести.

Он уже куда веселее посмотрел на себя в зеркало, напялил парик и отправился позавтракать перед тем, как появиться на сборе заключенных.

– Подать еду сюда или в гостиную, сэр?

Из-за двери заглянул, как обычно, лохматый Маккей.

Углубившийся в документы Грей не сразу понял, чего от него хотят, что-то промычал, потом сообразил, о чем спрашивает Маккей, и пробурчал: «Сюда, пожалуйста». После чего непонятно чему кивнул, опять погрузился в чтение и даже не оторвался от бумаг, когда на столе появился поднос с ужином.

Кварри не шутил насчет бумаг и необходимости в писаре: только для снабжения заключенных едой было необходимо написать множество приказов, отношений, обязательств, предписаний, счетов, накладных и других документов, которые требовалось обязательно исполнять в двух экземплярах (второй отправлялся в Лондон).

При этом продовольствием дело не заканчивалось. Оказалось, вся жизнь обитателей крепости: и заключенных, и охраны, и наемных работников – не текла сама собой, а регулировалась великим множеством распоряжений, которые требовали внимания начальника. В результате первые дни Джон Грей только читал, писал и подписывал разнообразные хозяйственные документы. Довольно скоро он дозрел до мысли, что умрет от тоски, если немедленно не найдет подходящего писаря.

«Двести фунтов пшеничной муки для заключенных, – написал он. – Шесть больших бочек эля для нужд охраны».

Когда-то изысканный почерк вскоре свелся к незамысловатой скорописи, вместо сложной подписи с завитушками он стал коротко писать «Дж. Грей». Начальник тюрьмы вздохнул, отложил перо, закрыл глаза и потер лоб, чтобы унять головную боль. С момента его прибытия солнце так ни разу и не являло себя; он день-деньской торчал в задымленной комнате и работал при свечах, отчего глаза горели, как набитые углями. Предыдущим вечером прибыли ящики с книгами, но он не успел их распаковать, так как очень устал. Грея достало лишь умыться воспаленные глаза холодной водой и свалиться в постель.

Внезапно он услышал странный шорох и, встревожившись, открыл глаза. На столе сидела огромная коричневая крыса и держала передними лапами кусок сливового пирога. Не шевельнувшись, она внимательно уставилась на человека и лишь шевелила усами.

– Это что такое?! – изумленно вскричал Грей. – Ну ты, воровка! Это мой ужин, черт побери!

Крыса задумчиво жевала пирог и время от времени вскидывала на майора яркие бусины глаз.

– А ну пошла вон!

Грей, разозлившись, схватил первый попавшийся под руку предмет и запустил в крысу. Чернильница упала на пол, разбилась о камни, в результате все вокруг забрызгало чернилами. Крыса, испугавшись, прыгнула на пол, побежала к двери и молниеносно проскользнула между ног изумленного Маккея, примчавшегося узнать, что за шум.

– В тюрьме есть кошка? – спросил Грей, вываливая поднос с ужином в помойное ведро.

– Ну, сэр, в кладовых коты есть, – ответил Маккей. Он елозил по полу на четвереньках, пытаясь вытереть все чернильные лужи и следы, оставленные наступившей в одну из них крысой.

– Тогда принеси сюда кота, Маккей, – скомандовал Грей. – Немедленно!

От воспоминания о непристойно-голом крысином хвосте, который спокойно лежал в его блюде; майора передернуло. Спору нет, он встречал крыс, и многократно – но в поле; а вот так, в собственном кабинете, да еще чтобы она похитила его ужин – это слишком.

Широким шагом он подошел к окну и долго стоял возле него в надежде, что прохладный воздух приведет его в себя. Тем временем Маккей драил пол. Темнело, во дворе замелькали багровые тени, тюремная стена казалась еще угрюмее, чем всегда.

Под струями дождя от кухни в тюрьму протасились вереница маленьких тележек, наполненных едой для узников: огромными кастрюлями с дымящейся овсянкой и корзинами с хлебом, накрытыми дерюгой. Ну что ж, у несчастных после целого дня тяжелого труда под дождем в каменоломне будет горячая пища.

Майор отвернулся от окна и неожиданно для себя поинтересовался:

– А что, Маккей, много ли в камерах крыс?

– Не так чтобы мало, сэр, по правде говоря, великое множество, – ответил тот, в качестве финала протерев начисто порог. – Сэр, мне сказать повару, чтобы тот приготовил вам новый ужин?

– Пожалуй, – согласился начальник. – А потом, мистер Маккей, будьте любезны, устройте так, чтобы коты были во всех камерах.

Маккей в нерешительности застыл. Грей заметил его замешательство и прервал складывание разворошенных бумаг.

– В чем дело, Маккей?

– Сэр, – медленно проговорил Маккей. – Оно конечно, как вам угодно, только боюсь, парни не обрадуются, если коты выведут всех их крыс.

Грей чуть затошнило, но он поднял на Маккея глаза и спросил:

– Неужели заключенные едят крыс?

Перед его мысленным взором явственно возникли мелкие крысиные зубы, держащие сливовый пирог.

– Ну, это кому как повезет, сэр: крысу ловить нелегкое дело, – ответил Маккей. – На худой конец, может, и коты смогут помочь. Еще будут приказания, сэр, или больше нет?

Глава 9 Скиталец

Грей сумел хранить выдержку и избегать Джеймса Фрэзера всего две недели. По их истечении в крепость прибыл житель близлежащей Ардсмьюир, который принес новости, коренным образом изменившие положение.

– Он все еще жив? – резко спросил майор этого вольнонаемного деревенского жителя.

– Да, сэр, я был там, когда его принесли в «Липу». Нынче он там лежит, и за ним смотрят; правда, по его виду похоже, что одного ухода мало, если вы, сэр, понимаете, что я говорю.

Гонец скорчил важную мину.

– Да, понял, – ответил майор. – Спасибо, мистер...

– Эллисон, сэр. Руфус Эллисон. К вашим услугам, сэр.

Затем взял предложенный шиллинг, зажав под мышкой шляпу, поклонился и отбыл.

Сидевший за столом начальник тюрьмы тоскливо посмотрел через окно на набрякшее тучами небо (со дня его приезда он так и не видел ни единого солнечного луча) и в раздражении постучал очиненным пером по столешнице, запамятовав, что от этого кончик тупится и перо придется чинить снова.

Но по правде сказать, Грею не было дела до пера: принесенные новости заставили бы насторожиться кого угодно. Этим утром обитатели деревни обнаружили в окрестных торфяниках человека, который бродил там в тумане, в промокшем платье; неизвестный горел в лихорадке и бредил.

Больной что-то говорил, не закрывая рта, но никто не мог понять его бессвязного бормотания, в котором перемежал французские и гэльские слова, иногда добавляя к ним англий-

ские (вероятно, несчастный был шотландцем). И среди этих слов спасители смогли разобрать слово «золото».

Любой, кто имел хоть малейшее отношение к мятежу якобитов, мог подумать лишь об одном: о французском золоте. О несметных сокровищах, которые, по слухам, втайне послал своему кузену Карлу Стюарту Людовик Французский. Однако сделал это слишком поздно.

Одни утверждали, что в ходе отступления, предшествовавшего разгрому при Каллодене, хайлендеры припрятали французское золото. Другие уверяли, что Карл так и не получил сокровища и золото было спрятано на всякий случай в какой-то пещере на северо-западном побережье, неподалеку от места, где его сгрузили с французских судов.

По мнению одних, тайна золота канула в Лету, так как владевшие ею погибли в битве при Каллодене, а некоторые заявляли, что некое семейство горцев прекрасно знает, где спрятан клад, но никогда не откроет этого из верности данному слову. Так или иначе, никто золото не нашел. Пока.

Французский Грея не слишком беспокоил, он, успевший побывать на континенте с походом, говорил на этом языке довольно прилично, но вот варварское наречие хайлендеров было недоступно ни ему, ни его офицерам. Пожалуй, лишь сержант Гриссом понимал несколько слов, наученный шотландской нянькой.

Деревенским майор не доверял: а что, если и вправду пришелец говорит о сокровище? Французское золото! Нет, разумеется, золото должно перейти короне, но находка могла стать для самого Грея чрезвычайно полезной. Без сомнения, подобная удача – обнаружение почти легендарного клада – откроет ему путь из ссылки в Ардсмьюире в столицу, к цивилизации: ни опала, ни немилость не смогут противостоять волшебному сиянию французского золота.

Грей сжал зубами кончик пера и нечаянно его откусил. Вот дьявол! Разумеется, нельзя обращаться за помощью ни к деревенским, ни к офицерам. Значит, придется идти на поклон к заключенным. Пожалуй, только их можно привлечь без риска, поскольку узники не смогут воспользоваться узанным в личных целях.

Хм, загвоздка! По-гэльски говорят все из них, английский известен многим, но по-французски говорит лишь один заключенный.

«Он образованный человек», – всплыл в памяти голос полковника Кварри.

– Проклятье! – пробормотал Грей.

Однако делать было нечего: Эллисон сообщил, что больной при смерти, и времени на раздумья не оставалось. Майор выплюнул перо и крикнул:

– Бран!

В дверь сунулся встревоженный капрал.

– Да, сэр?

– Приведи заключенного по имени Джеймс Фрэзер. Живо.

Начальник тюрьмы возвышался над тяжелым дубовым столом, как над крепостью, которой тот в каком-то смысле был. Потными руками Грей оперся на гладкую столешницу, а в его шею врезался белый краешек тугого воротничка мундира.

Горели все имевшиеся свечи, и в кабинете было светло, словно днем. Дверь отворилась, и в комнату, звеня цепями, вошел узник. Сердце майора застучало еще сильнее. Пару раз ему уже приходилось видеть Фрэзера во время проверок во дворе (рыжая шевелюра и могучий рост не позволяли ошибиться), Джону Грею не выпадала возможность увидеть его лицо вблизи.

Фрэзер выглядел по-другому, не так, как тогда. Это стало для майора и облегчением, и в то же время потрясением: он помнил гладко выбритое лицо и взгляд, то угрожающий, то насмешливый. Однако теперь перед ним предстал человек с короткой бородой, державшийся хоть и с опаской, но спокойно. В знакомых Грею темно-голубых глазах не промелькнуло никакого узнавания. Арестант молча стоял посреди кабинета и ждал.

Грей откашлялся. Сердце не стало стучать медленнее, но хотя бы не мешало говорить.

– Мистер Фрэзер, – начал он, – благодарю вас за приход.

Шотландец учтиво кивнул в ответ. Он не стал упоминать, что у него не имелось особенного выбора, но выразительный взгляд дал это понять без слов.

– Конечно, вы желаете узнать, для чего я послал за вами, – сказал Грей. Выбранный тон казался ему ужасно вычурным, но поделаться с этим он ничего не мог. – Появилось дело, требующее вашего содействия.

– И что это за дело, майор?

Голос остался прежним – низким, громким, гортанным, как обычно у шотландцев.

Собираясь с духом, майор сделал глубокий вдох. Он отдал бы что угодно за то, чтобы не просить помощи у этого заключенного, но вариантов не оставалось. Единственным человеком, который мог ему помочь на расстоянии многих миль вокруг, был Фрэзер.

– На болоте близ побережья нашли неизвестного странника, – с опаской сказал Грей. – Похоже, он тяжело болен, речь его непонятна и странна. Но... кое-что из сказанного явно относится к весьма важному... существенно важному для короны делу. Мне следует побеседовать с этим бродягой, узнать, кто он таков, и разобраться, насколько возможно, о чем он говорит.

Он сделал многозначительную паузу, однако Фрэзер не стал заполнять ее, а лишь молча ждал.

– К несчастью, – испустив очередной вдох, промолвил Грей, – этот бродяга изъясняется на смеси гэльского и французского, а английские слова вставляет лишь иногда.

Одна из кустистых бровей шотландца шевельнулась. Выражение его лица ничуть не изменилось, но было очевидно, что теперь он улавливает смысл происходящего.

– Я понял, майор, – негромко и насмешливо произнес заключенный. – Вы желаете, чтобы я перевел вам слова этого человека.

Опасаясь, что голос его выдаст, Грей лишь утвердительно кивнул.

– Полагаю, майор, мне придется отказаться, – сказал Фрэзер необычайно учтиво, однако блеск в его глазах говорил, что его чувства близки к чему угодно, но не к учтивости.

Начальник тюрьмы непроизвольно схватил бронзовый нож для разрезания бумаг из его письменных принадлежностей, стоявших на столе.

– Вы отказываетесь? – уточнил он, стиснув нож в кулаке и стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я могу поинтересоваться причиной вашего отказа, мистер Фрэзер?

– Господин майор, я заключенный, а не переводчик, – вежливо ответил шотландец.

– Ваше содействие мы благодарно приняли бы, – произнес Грей по возможности солидным тоном, который не намекал бы на попытку подкупа. – При этом отказ подчиниться законным требованиям представителя власти...

– Господин майор, – перебил его гораздо более уверенным голосом Фрэзер, – и ваши требования, и тем более ваши угрозы совершенно незаконны.

– Но я не угрожал!

Бронзовый нож впился Грею в ладонь; пришлось ослабить хватку.

– Неужели? Ну, нет так нет, приятно слышать. – Шотландец обернулся к выходу. – Раз так, майор, то желаю вам доброй ночи.

Грей отдал бы все на свете, чтобы позволить Фрэзеру уйти. Увы, долг предписывал другое.

– Мистер Фрэзер!

Уже почти в дверях шотландец замер на месте, но не обернулся.

Грей глубоко вздохнул, собираясь с духом.

– Если вы согласитесь помочь, я отдам приказ вас расковать, – пообещал он.

Казалось, на лице узника не шевельнулся ни единый мускул. Однако, несмотря на молодость и отсутствие опыта, Грей был наблюдателен и неплохо разбирался в людях. Он заметил,

как у Фрэзера дернулся подбородок и напряглись плечи, и осознал, что его самого немного отпустило беспокойство.

– Итак, мистер Фрэзер?

Заклоченный медленно-медленно обернулся. На его лице, как и раньше, не отражалось никаких чувств, но это было совершенно не важно.

– Договорились, майор, – тихо сказал он.

Когда они добрались до деревни, было уже далеко за полночь. В окрестных домах не светились окна, и Грей мог только воображать мысли жителей Ардсмьюира, когда те в столь неурочный час слышали за ставнями топот копыт и звон оружия: они напоминали им о том, как десять лет назад по Горной Шотландии прошли английские войска, усмирявшие смуту огнем и мечом.

Бродяга находился в «Липе». Постоялый двор получил свое название потому, что возле него и в самом деле некогда росла липа, единственная на много миль в округе. Теперь от нее остался только большой пенек, само же дерево, как и многие другие, извели на дрова солдаты Камберленда после Каллодена. Впрочем, название сохранилось.

У входа майор остановился и спросил Фрэзера:

– Помните наш уговор?

– Помню, – коротко ответил тот и прошел мимо.

В обмен на избавление от цепей Грей потребовал от узника, прежде всего, чтобы тот не пытался устроить побег по дороге в деревню и обратно; кроме того, исчерпывающего правдивого отчета обо всех словах больного; и вдобавок хранить тайну и не передавать узнику никому, кроме Грея.

В помещении звучала гэльская речь. Хозяин постоялого двора встретил Фрэзера удивленным восклицанием, а обнаружив за его спиной красный мундир английского офицера, принял почтительный вид. У лестницы стояла хозяйка «Липы»; вокруг мелькали тени, отбрасываемые масляным светильником, который она держала в руке.

– Кто это? – удивился Грей, когда заметил еще какой-то черный силуэт, похожий на привидение.

Вместо хозяина на вопрос ответил сам Фрэзер:

– Это священник. Коли он тут, значит, этот человек при смерти.

Грей набрал в грудь воздуха; он стремился сохранить присутствие духа при встрече с чем угодно.

– Значит, мы не можем терять времени, – уверенно заявил он и сделал первый шаг по лестнице, скрипнувшей под его сапогом. – Вперед!

Загадочный бродяга скончался на заре. За одну руку его держал Фрэзер, за другую – священник. В момент же, когда священник склонился над умирающим и принялся бормотать что-то по-гэльски и по-латински, а затем проводить какие-то папистские обряды, Фрэзер откинулся на табурете с закрытыми глазами, но не отпустил небольшую костлявую кисть.

Могучий горец провел всю ночь возле умирающего странника, шепча ему слова утешения. Вставший в углу, чтобы не пугать никого своим мундиром, Грей был растроган подобной деликатностью и заботой.

Наконец шотландец осторожно опустил усохшую руку покойного на грудь и сделал те же движения, что и священник: провел рукой надо лбом, сердцем и обоими плечами, изобразив таким образом в воздухе крест. После чего открыл глаза и встал, чуть не задев потолочные балки головой, затем кивнул майору и стал спускаться по лестнице.

– Сюда.

Грей указал на дверь трактира, ночью пустого. Сонная служанка развела для них огонь в камине, подала хлеба и эля и вновь оставила их вдвоем.

Майор дал Фрэзеру время поесть и, лишь выждав, спросил:

– Так что же, мистер Фрэзер?

Шотландец опустил на стол оловянную кружку и утер рот ладонью. Несмотря на бессонную ночь, он выглядел собранным и аккуратным; его усталость выдавали лишь темные круги под глазами.

– Что сказать, господин майор, в его речах, по-моему, было немного смысла, – начал узник, перешедший сразу к делу. – Слово в слово же несчастный сказал вот что.

И Фрэзер заговорил. Он произносил слова медленно и тщательно, останавливаясь, чтобы поточнее вспомнить произнесенное или объяснить тот или иной гэльский оборот. Разочарование Грея нарастало. Шотландец был совершенно прав: ничего существенного в сказанном не было.

– Белая колдунья? – неожиданно прервал он Фрэзера. – Он сказал «белая колдунья»? И «тюлени»?

Похоже, эти слова тоже оказались частью бреда, но они привлекли его внимание, он сам не понимал чем.

– Ну да, сказал.

– Повторите эти места, – приказал Грей. – Так точно, как только можете. Пожалуйста, – добавил он.

Майор внезапно понял, что в обществе Фрэзера ему хорошо, и сам этому удивился. Не исключено, впрочем, что причиной такого состояния стало обычное утомление, поскольку после ночного бодрствования у смертного одра обычные реакции и чувства не могли не притупиться.

И вообще-то ночь казалась Грею чем-то нереальным, а уж ее финал – и подавно. До этого момента ему и во сне не могло привидеться такое: он под утро сидит в деревенском трактире за одним столом с Рыжим Джейми Фрэзером и пьет с ним эль из одного кувшина.

Шотландец выполнил его просьбу и стал говорить очень медленно, постоянно делая паузы, чтобы припомнить сказанное точнее. Иногда он менял слово на более подходящее, иногда употреблял другой оборот, но повторный рассказ почти ничем не отличался от первого, и то, что Грей понял и сам, было переведено точно, без малейших искажений.

В расстройстве майор помотал головой. Вот же ерунда! Один лишь бред, именно что бред. Если покойнику когда-нибудь и приходилось видеть золото (похоже было, впрочем, что приходилось), то по его путаному рассказу было решительно невозможно понять, какое, где и когда.

– Вы вполне уверены, что пересказали все слова в точности? – спросил Грей, отчаянно надеявшийся на чудо: а что, если заключенный пропустил короткую фразу, какие-то два слова, которые приведут в итоге к потерянным сокровищам?

Шотландец поднес ко рту кружку, отчего его рукав задрался, и в свете зарождавшегося утра Грей увидел на запястье багровый след от кандалов. Фрэзер перехватил взгляд майора и опустил кружку. Возникшее было чувство товарищества исчезло без следа.

– Я всегда держу слово, майор, – чопорно заявил он и встал из-за стола. – Думаю, нам пора в обратный путь.

Часть пути они провели в молчании. Фрэзер ушел в собственные мысли, а уставший Грей предался разочарованию. Над низкими холмами, расположенными на севере, взошло солнце, и они остановились отдохнуть и освежиться у бившего из земли ключа.

Грей напился холодной воды и побрызгал ею в лицо, чтобы таким образом вернуть себе притупившиеся чувства. Он не спал уже больше суток, отчего был заторможенным и ничего не соображал.

Фрэзер бодрствовал столько же, но по нему этого совершенно нельзя было сказать. Казалось, отсутствие сна его совершенно не заботит. Он встал на четвереньки возле ручья и принялся с озабоченным видом ползать по поляне, выдергивая из земли какую-то траву.

– Что вы делаете, Фрэзер? – недоуменно поинтересовался Грей.

– Собираю кресс-салат, господин майор.

– Это я вижу, – раздраженно сказал Грей. – А для чего?

– Для еды, господин майор, – спокойно ответил шотландец.

Фрэзер снял с пояса застиранный полотняный мешочек и засунул туда мокрую зелень.

– Неужели? Вы что, не наелись? – тупо спросил Грей. – Никогда не слышал, чтобы люди ели кресс.

– Он зеленый, майор.

Уставший и расстроенный, майор решил, что над ним издеваются.

– А какого еще цвета должно быть растение, черт побери? – проворчал он.

Фрэзер скривил рот, будто он спорил о чем-то сам с собой, но лишь еле заметно пожал плечами, вытер мокрые руки о штаны и объяснил:

– Я всего лишь хотел сказать, майор, что всякая зелень, употребленная в пищу, хранит от цинги и бережет зубы. Мои товарищи по несчастью питаются той зеленью, что получают от меня, а кресс приятнее на вкус, чем большая часть трав, которые я могу набрать на болоте.

Удивленный майор воскликнул:

– Зелень спасает от цинги? Откуда такие сведения?

– От моей жены, – буркнул Фрэзер.

Он быстро отвернулся от Грея и, поднявшись на ноги, принялся уверенными быстрыми движениями завязывать мешок.

Джон Грей не удержался и спросил:

– А где ваша жена, сэр?

Синие глаза шотландца так загорелись, что чуть не проделали в майоре дыру.

«Возможно, вы слишком молоды, чтобы знать силу ненависти и отчаяния», – вспомнил он слова полковника Кварри. Так или иначе, но во взгляде Фрэзера он сумел разглядеть невыразимую ненависть и отчаяние.

– Ее больше нет, – отрезал Фрэзер и резко, почти грубо, отвернулся.

Грей промолчал на это. Ему оказалось трудно понять, какие чувства посетили его в связи с этим неожиданным известием. Среди них, безусловно, было и облегчение (участница его унижения мертва), и сожаление.

По пути в крепость Ардсмьюир оба не сказали ни слова.

Через три дня Джейми Фрэзер сбежал. Собственно, бежать из Ардсмьюира было не особенно сложно, но ни один из заключенных даже не пробовал это сделать, поскольку это не имело никакого смысла: бежать было некуда. С одной стороны на расстоянии трех миль от крепости о гранитные скалы бились морские волны, а во все остальные стороны раскинулись бесконечные унылые торфяные болота.

Это имело бы смысл, если бы беглецу могли предоставить кров и защиту члены его клана, однако кланы оказались разбиты, родные заключенных убиты, к тому же смутьянов намеренно заключали в тюрьмы подальше от родных мест. Гибель от голода на болоте казалась не самым лучшим избавлением от тюремной камеры, и, как считало большинство узников, оно того не стоило. Однако Джейми Фрэзером, очевидно, руководили иные, его собственные соображения.

Лошади драгун шли по проторенной дороге. Расстилавшееся вокруг болото напоминало бархатную скатерть с ворсом из плотного вереска, под которым таился коварный слой мягкого влажного мха глубиной больше фута. В такой топи не рисковали ходить даже благородные олени. С дороги Грею удалось увидеть четырех, до каждого было не меньше мили, и за каждым тянулась проложенная через вереск тропка, которая издали казалась тоненькой, словно нитка.

Само собой, Фрэзер бежал не верхом, что значило, что беглец, следуя оленьими тропами, проложенными по болоту, мог оказаться где угодно.

Грею требовалось снарядить погоню и попытаться вернуть Фрэзера в тюрьму по долгу службы, но, по правде говоря, он поднял на ноги почти весь личный состав и мотался по окрестностям почти без сна и отдыха не только из служебного рвения. Обязанности сами собой, но гораздо сильнее на него действовало французское золото, дававшее надежду покончить с опалой и проклятой ссылкой. Кроме того, его подстегивала злость и обида на предательство.

Грею трудно было сказать, что злит его сильнее – побег Фрэзера и то, что тот не сдержал слово, или то, что сам он оказался так глуп, что поверил, будто хайлендер – пусть джентльмен – может быть человеком чести, таким же, как он сам.

Но он был ужасно разгневан и твердо решил обыскать каждую оленью тропу этого чертова болота, чтобы загнать Джеймса Фрэзера, как оленя.

На следующую ночь, после утомительного перехода, они вышли с болота к скалистому побережью моря, продуваемому всеми ветрами и обрамленному цепью пустынных островков.

Спешившийся Джон Грей стоял на скале, держа коня за повод, и смотрел на бушевавшее внизу темное море. Ночь, к счастью, была лунная, и в холодном свете месяца мокрые камни казались на фоне бархатисто-темных теней серебряными слитками.

Конечно, более заброшенного и безлюдного места ему в жизни не приходилось видеть, однако он не мог не оценить его дикую красоту особого рода, от которой замирало сердце. Ну, и никакого Джеймса Фрэзера, да и вообще ни следа людей.

– Опустит ружье, болван, – заявил один солдат другому, схватил за руку и с презрением усмехнулся. – Ничего себе каторжник! Что, никогда тюленей не видел?

– А-а-а... нет.

Несколько смущенный солдат отвел оружие и уставился на темные тени на камнях у воды.

Грей тоже никогда не видел тюленей. Теперь он восхищенно за ними следил. С высоты утеса звери напоминали черных слизней. Мокрые шкуры блестели в свете луны; тюлени беспокойно задирала головы и, переваливаясь, неуклюже ковыляли по берегу.

Когда он был мал, мать иногда позволяла ему погладить ее плащ из шкуры морского котика, родича тюленей. Он с детства помнил, какой этот мех был мягкий, гладкий и на ощупь теплый. Удивительно, что он достается от таких мокрых и склизких на вид зверей!

– Шотландцы зовут их «силки», – произнес солдат, который не позволил застрелить тюленя, и мотнул головой на лежбище с видом гордого собственника.

– Неужели? – заинтересовался майор. – Знаешь ли ты о них еще что-нибудь, Сайкс?

Обрадованный тем, что оказался в центре внимания, солдат развел руками.

– Не так чтобы много, сэр. Местные рассказывают, что случается, самки силки сбрасывают шкуры и превращаются в писаных красавиц. Если какому мужчине посчастливится и он увидит такую сброшенную шкуру и спрячет, то красавице уже не вернуться в море – и придется выходить за него замуж. Говорят, из тюленей получают прекрасные жены.

– По крайней мере, они всегда мокрые, – заметил первый солдат.

Драгуны расхохотались. Их смех отразился эхом от скал, вспугнув птиц.

– Довольно! – громко, чтобы его было слышно за смехом и солеными шутками, командовал Грей. – Рассредоточиться! Нужно осмотреть скалы по всему берегу, а главное, выяснить, нет ли внизу какой-нибудь лодки. Видит бог, тут хватит места, чтобы спрятать судно.

Устыдившиеся подчиненные без лишних слов разбрелись по берегу, прочесывали отмели и утесы не меньше часа, устали и намокли, но не нашли ни следов Джейми Фрэзера, ни злочастливого золота.

На рассвете, когда лучи солнца окрасили скользкие камни золотом и багрянцем, драгуны, разделенные на маленькие группы, отправились к дальним скалам. Они залезали на вершины, оскальзывались на каменистых склонах, спускались в ущелья, и все безрезультатно.

На вершине утеса возле костра стоял майор Грей и следил за поисками. От резкого холодного ветра его спасали теплая шинель и горячий кофе, который время от времени подавал ему слуга.

Покойный неизвестный вышел к деревне со стороны моря, и его одежда была мокра от соленой воды. Невозможно понять, скрыл ли Фрэзер от Грея часть признаний бродяги или всего лишь вздумал воспользоваться шансом для собственных изысканий, однако получалось, что он должен был бежать в сторону побережья. Теперь они рыщут по берегу, а ни Фрэзера, ни золота нет и в помине.

– Коли его унесло в ту сторону, думаю я, вы, господин майор, больше его не увидите.

Возле Грея появился сержант Гриссом. Он встал рядом и тоже стал смотреть на то, как волны бьются о камни, шумя и пенясь. Затем сержант кивнул вниз и сказал:

– Это место называют тут «Чертов котел», вода тут и вправду всегда бурлит, как в котелке. Рыбачьи суда часто терпят тут крушение, а погибших почти никогда не находят. Происходит такое, ясное дело, из-за подводных течений и воронок, но местные считают, что несчастных уносит на дно дьявол.

– Надо же, – в задумчивости произнес Грей, разглядывая волны, с шумом пытавшиеся взметнуть к их ногам пену и сразу же отступавшие. – Должен заметить, сержант, мне нетрудно в это поверить.

И майор повернулся к костру.

– Итак, последний приказ: вести поиски до темноты. В случае, если они окажутся безуспешными, с утра двинемся обратно.

Грей пытался, прищурившись, разглядеть что-то в слабом предутреннем свете; его глаза щипал торфяной дым, а суставы ныли от влажности после нескольких ночей, проведенных на болоте.

Обратный путь в Ардсмьюир займет не более дня. С одной стороны, было приятно думать о теплой постели и горячем ужине, а с другой – придется писать докладную записку в Лондон, в которой придется указать причину побега Фрэзера и признавать собственную вину в его успешном побеге.

К подобным размышлениям, и самим по себе неприятным, присовокупилось такое же неприятное бурчание в кишках. Грей жестом остановил солдат, приказал им устроить привал и подождать его и еле вылез из седла.

В стороне от тропы высился небольшой холм, подходивший для того, чтобы за ним спрятаться. Майору требовалось немедленно облегчиться; его желудок так и не смог привыкнуть к шотландской кухне, тем более походной.

Джон Грей отошел к месту, куда не доносились голоса солдат и ржание коней, а среди вересковых зарослей слышались лишь птичьи трели и еле заметные звуки, издаваемые утренним болотом. Под утро сменилось направление ветра, и теперь даже тут, в траве, далеко от берега, чувствовалось дыхание моря. За кустом копошились какие-то грызуны. Было спокойно и тихо.

Сделав свое дело, Грей приподнялся, поднял голову – и встретился взглядом с Джеймсом Фрэзером, который стоял приблизительно в шести футах от него.

Шотландец замер, словно благородный олень, его овеял прилетевший на болото ветер, а в рыжих волосах сверкали лучи утреннего солнца.

Оба они остолбенело вытаращились друг на друга. На какое-то время воцарилось полное молчание, нарушавшееся лишь шумом соленого ветра и трелями жаворонков. Наконец майор поднялся.

– Боюсь, мистер Фрэзер, вы застали меня врасплох, – сухо заметил Грей и, сохраняя всю имевшуюся у него выдержку, принялся застегивать штаны.

Фрэзер, сохраняя полную неподвижность, неторопливо оглядел соперника с головы до ног и обратно. Майор бросил взгляд себе за спину (за ним стояли с мушкетами на изготовку шестеро солдат) и прямо посмотрел в синие глаза шотландца.

Какое-то время они мерились взглядами, а потом Фрэзер чуть усмехнулся.

– Полагаю, это взаимно, майор, – сказал он. – И вы застали меня врасплох.

Глава 10 Проклятие белой колдуньи

Обхватив руками колени, Джейми Фрэзер сидел на каменном полу пустой кладовки и дрожал. Он тщетно пытался согреться. Джейми насквозь пробрало морским холодом, ему продолжало казаться, что в животе словно вздымаются бурные клочья морской пены.

Конечно, рядом с остальными заключенными – Моррисоном, Хейсом, Синклером, Сазерлендом – ему было бы легче. Не только веселее, но и теплее тоже. Обычно по ночам узники прижимались друг к другу, чтобы по возможности сохранить драгоценное тепло и согреть своим дыханием товарищей по несчастью.

Но Джейми находился в одиночестве. Похоже, пока он не понесет кару за совершенный побег, вернуться в общую камеру, к другим шотландцам, ему не доведется.

Тяжко вздохнув, пойманный беглец прислонился к стене и скривился от того, что его позвоночник будто бы скребет грубый камень: от былой мощи не осталось ни следа, лишь кожа да кости.

Конечно, порка его пугала, но в то же время он предпочел бы ее возвращению цепей и кандалов: телесное наказание унизительно, но быстро преходяще, а оковы – постоянное мучение. Ему становилось не по себе лишь от воспоминания, как звенит молот кузнеца, скрепляющий кандалы на его руках.

Фрэзер нащупал висевшие на шее четки, подаренные сестрой в день, когда он покидал Лаллиброх: англичанам показалось, что бусы из бука не имеют ценности, и оттого не отобрали их.

– Радуйся, Мария, благодати полная! – пробормотал он. – Благословенна Ты между женами.

Разумеется, надежды никакой не оставалось. Белокурый подлец-майор – черт бы забрал его душу! – отлично понимал, как ужасны оковы.

– Благословен плод чрева Твоего, Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных...

Мальчишка-англичанин заключил с ним договор, и он сдержал слово. Только вот майор так не думал.

Однако он сделал все, как они договаривались, и обещаний не нарушил. Сказанное несчастным странником он пересказал в точности. Кое о чем он, разумеется, смолчал, например, что знал этого человека, или о том, какие сделал умозаключения на основании услышанного, ну так ведь об этом они не договаривались.

Он сразу признал Дункана Керра, несмотря на то что годы и смертельный недуг весьма на нем сказались. Прежде, до Каллодена, Дункан служил Колуму Маккензи, дяде Джейми, а после добрался до Франции, где кое-как выживал.

– Спокойно лежи, родич, – тихо сказал по-гэльски Джейми умирающему, встав на колени у его постели.

На измученном и утомленном недугом лице немолодого Дункана выделялись лишь лихорадочно горевшие глаза.

Сперва Фрэзеру показалось, что больной бредит и его не узнает, однако Керр вдруг схватил его пальцы с силой, неожиданной для такого изможденного человека, и хрипло пробормотал по-гэльски:

– Родич!

За их беседой следил и хозяин постоянного двора, но из-за плеча майора, от дверей. Джейми склонился к уху больного и прошептал:

– Все твои слова перескажут англичанину. Осторожнее.

Хозяин прищурился, но, впрочем, Джейми не сомневался, что тот ничего не мог слышать. Вскоре майор Грей приказал трактирщику выйти из комнаты и таким образом убрал лишние уши.

Неизвестно, что стало причиной, слова Джейми или болезнь, только Дункан постоянно бормотал что-то сбивчивое и бессвязное. Воспоминания сменяли описания нынешних событий. Больной то и дело называл Фрэзера «Дугал» (так звали другого его дядю, брата Колума). Иногда начинал декламировать стихи, иногда раздражался непонятной речью, сущим бредом. Однако в этих странных и, казалось бы, неосознанных словах имелась толика смысла. И, похоже, куда больше, чем толика.

– Проклято. Золото проклято. Я предостерегу тебя, парень. Белая колдунья дала его, дала для сына короля. Но все было кончено, сын короля бежал, она не даст сделать так, чтобы золото получил трус.

– Кто такая «она»? – неожиданно чрезвычайно взволновавшись, спросил Джейми. – Эта белая колдунья?

– Она ищет храбреца, смельчака. Одного из Маккензи – оно для него, для Маккензи. «Оно достанется им, – говорит она, – ради того, кто мертв».

– Кто эта колдунья? – снова задал вопрос Джейми.

Дункан говорил «бандруид», что означало и «колдунья», и «ведьма», и «знахарка», и «белая дама». Когда-то очень давно так называли жену Джейми Клэр – его белую даму.

Фрэзер стиснул руку Дункана. Он во что бы то ни стало стремился узнать все точно.

– Кто? – настойчиво твердил Джейми. – Кто эта колдунья?

– Колдунья, – прошептал Дункан, закрыв глаза. – Колдунья. Пожирательница душ. Смерть. Он мертв. Маккензи, он мертв.

– Кто мертв? Колум Маккензи?

– Все они. Все мертвы. Все мертвы! – вскричал умирающий и с силой сжал руку Джейми Фрэзера. – Колум, и Дугал, и Элен.

Внезапно он поднял веки и посмотрел прямо на Джейми. Из-за расширенных из-за лихорадки зрачков казалось, что глаза затягивают в себя, словно черный водоворот.

– Говорят, – неожиданно внятно сказал он, – что Элен Маккензи оставила братьев и дом и отправилась к морю, чтобы обвенчаться с силки. Она их слышала, понял?

Дункан сонно улынулся, и в темном омуте глаз мелькнуло неясное воспоминание.

– Она слышала, как отсюда со скал ее зовут тюлени, один, два, три, и отправилась к морю, подошла к воде и спустилась на дно, чтобы жить с тюленями. А? Правда же?

– Говорят такое, – сказал Джейми.

Во рту неожиданно пересохло. Элен звали его мать, и именно так о ней рассказывали, когда она сбежала из дома с Брайаном Дью Фрэзером, у которого были черные и блестящие, как шкура тюленя, волосы. Тем человеком, в честь которого его называли Макдью, сыном Черного Брайана.

Рядом с ним, по другую сторону кровати, стоял, нахмурившись, майор Грей и следил за лицом Дункана. Конечно, англичанин не понимал по-гэльски, но Джейми не сомневался, что слово «золото» Грей опознает на любом языке. Он перехватил взгляд майора и, кивнув, вновь склонился над умирающим.

– Золото, братец, – произнес он по-французски, таким громким голосом, чтобы Грею было хорошо слышно. – Где золото?

При этом Джейми стиснул руку больного изо всех сил, искренне надеясь, что тот понял выраженное таким образом предостережение.

Дункан с закрытыми глазами стал встревоженно мотать головой на подушке. Потом что-то пробормотал, но так тихо, что невозможно было ничего разобрать.

– Что он сказал? – отрывисто поинтересовался майор.

– Не знаю. – Джейми погладил руку Дункана, попытавшись вывести его из забытья. – Поговори со мной, братец, расскажи еще разок.

В ответ раздалось лишь бессвязное бормотание. Дункан завел глаза, и теперь из-под набрякших век блестели лишь белки. Майор в нетерпении наклонился, схватил умирающего за плечо и потрянул.

– Очнись! – крикнул Грей. – Поговори с нами!

И тут же Дункан Керр широко раскрыл глаза и, не обращая внимания на собравшихся рядом с ним людей, уставился в потолок, словно прозревая за ним нечто, недоступное никому другому.

– Она тебе скажет, – сказал он по-гэльски. – Она за тобой придет.

На мгновение он вернулся разумом на постоянный двор, в комнату, где он лежал, и уставился на склонившихся над ним людей.

– За вами обоими, – внятно сказал Дункан.

После чего он закрыл глаза и так и не сказал ни единого слова, так и не выпустив, впрочем, руку Джейми. Через несколько минут рука Дункана Керра обмякла и соскользнула на простыню. Все было кончено: тот, кто владел тайной «французского золота», скончался.

Итак, Джейми Фрээр не нарушил клятвы – ни слова, что дал английскому майору, ни долга перед соотечественниками. Он поведал майору Грею слова Дункана, от которых англичанину, конечно же, не было никакой пользы. И как только выдалась возможность бежать, он не преминул ею воспользоваться – ринулся на вересковую пустошь, затем к морю, где, как мог, употребил в дело полученное от Дункана Керра знание. Нынче ему предстояло заплатить по счетам – чем бы это ни грозило.

За дверью раздался топот шагов, кто-то шел по коридору. Джейми еще сильнее обхватил руками колени, стараясь унять дрожь. Так или иначе, скоро это кончится.

– ... Молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь.

Открылась дверь; он зажмурился от луча света, ворвавшегося в кладовую. В коридоре царил тьма, однако прибывший охранник держал над головой фонарь.

– Вставай.

Нагнувшись над Джейми, страж рывком его поднял, вызвав резкую боль в затекших руках и ногах. Затем толкнул запнувшегося узника к двери.

– Тебя требуют наверх.

– Наверх? Куда?

Он и вправду растерялся: какая кузница может быть наверху? И кто будет устраивать показательную порку среди ночи?

На багровом в свете фонаря лице охранника появилась злорадная усмешка.

– В покои майора, куда же еще, да помилует тебя Господь, Макдью.

– Нет, сэръ, я не скажу вам, где был.

Он старался говорить твердо и не слишком стучать зубами. Тем более что оказался не в кабинете Грея, а в его приватной гостиной.

Камин был разожжен, но майор почему-то встал так, что загоразживал собой исходившее от огня тепло.

– И не скажете, почему бежали?

Грей говорил сухо и формально.

Джейми сосредоточился. Трехсвечный канделябр, стоявший на каминной полке, направлял свет прямо на него, отчего он видел вместо майора лишь темный силуэт.

– Это мое личное дело, – сообщил Фрэзер.

– Личное дело? – словно не веря своим ушам, переспросил Грей. – Вы сказали, что это ваше личное дело?

– Именно так.

Начальник тюрьмы шумно втянул носом воздух.

– Это, пожалуй, самое возмутительное из всего, что я в жизни слышал!

– Простите великодушно, господин майор, но коли так, вы еще мало что видели и слышали, – отозвался Джейми.

Ему не хотелось выгадывать время и тратить его на попытки умиловить майора. Лучше вызвать у него быстрый ответ и побыстрее покончить с тем, чего и так не миновать.

Определенно попытка удалась: сжав кулаки от гнева, Грей шагнул к нему.

– Вы осознаете последствия, которые могут вам грозить? – очень тихим голосом спросил он, всеми силами сдерживая себя.

– Да, конечно, майор.

Джейми отлично отдавал себе отчет в возможных последствиях, и несмотря на то что не особенно их торопил, мало на что мог повлиять.

Грей сделал несколько глубоких вдохов, помотал головой, словно конь, и неожиданно скомандовал:

– Подойдите, мистер Фрэзер!

Удивленный Джейми посмотрел на него, но не двинулся с места.

– Сюда! – повторил майор приказным тоном и ткнул на коврик перед камином рядом с собой. – Станьте здесь, сэр!

– Я вам не собака, майор! – отрубил Фрэзер. – Делайте со мной что хотите, но не смейте подзывать меня «к ноге».

Обескураженный майор Грей против воли хихикнул, а затем чопорно произнес:

– Простите меня, мистер Фрэзер. Я не желал вас обидеть. Я лишь хочу, чтобы вы соблаговолили подойти поближе.

Он отошел в сторону на шаг и изысканно поклонился, жестом указав на камин.

Джейми помедлил, но все же осторожно встал на небольшой многоцветный ковер. К нему подошел Грей и встал, раздувая ноздри. Вблизи он еще больше напоминал девушку – и изяществом сложения, и светлой кожей. Затем майор положил руку на рукав заключенного и потрясенно распахнул глаза с длинными ресницами.

– Да вы же промокли до нитки!

– Конечно, – насмешливо согласился Джейми.

Он продрог как собака, и его бил озноб, невзирая на то, что он стоял возле камина.

– Почему?

– Почему? – удивился Джейми. – Ну, вероятно, потому, что прежде, чем бросить в ледяной карцер, вы приказали охране облить меня водой.

– Я? Я не отдавал никакого подобного приказа! – Майор побледнел от гнева и сердито поджал губы; похоже, он не лгал. – Это самоуправство, и я приношу свои извинения, мистер Фрэзер.

– Извинения приняты, майор.

От платья Джейми стали подниматься тонкие струйки пара, сквозь мокрую ткань к телу пробиралось тепло. У него болели все мускулы. Его стало одолевать желание улечься на ковер возле камина – и неважно, что как собака.

– Связан ли ваш побег с тем, что вы узнали в «Липе»?

Фрэзер молчал. Волосы, спадавшие на его лицо, почти высохли.

– Можете ли вы поклясться, что ваш побег не имел никакого отношения к тому делу?

Джейми молчал. Отвечать не имело никакого смысла. Сложив руки за спину, Грей мотался туда-сюда между ним и камином. Останавливался перед ним, грозно смотрел и опять начинал ходить вперед-назад. Наконец майор замер и официальным тоном спросил Джейми:

– Мистер Фрэзер, еще раз спрашиваю вас: почему вы сбежали из тюрьмы?

Джейми вздохнул. Хорошо было бы погреться еще, да, похоже, не получится.

– Не могу вам сказать, майор.

– Так не можете или не хотите? – холодно поинтересовался собеседник.

– Какое вам до этого дело, майор, если ответа вы все равно не дождетесь?

Он прикрыл глаза и стал стараться согреться как можно лучше, прежде чем придет страж и уведет его назад.

Грей растерялся: он не понимал, что говорить и что делать. «Упрямый – это еще очень слабое выражение», – сказал когда-то полковник Кварри. И не соврал.

Майор тяжело вздохнул и задумался. Ко всему прочему, ему стало стыдно: неуместные зверства солдат вызвали в его памяти и собственные мстительные фантазии, которые возникли, когда он узнал, что Джеймс Фрэзер находится в его власти. Сейчас он мог назначить беглецу любое наказание, предусмотренное уставом тюрьмы: заковать в цепи, выпороть, посадить в карцер, уменьшить паек... Однако добраться к французскому золоту ни одно из них ему не поможет.

Похоже, золото и вправду есть, во всяком случае, на это все указывает. Что, кроме веры в существование клада, могло подвигнуть Фрэзера на попытку побега?

Грей окинул узника взглядом. Фрэзер закрыл глаза и сурово сжал губы. Твердые линии его большого, хорошо очерченного рта несколько смягчали чувственные губы в обрамлении рыжей бороды.

Майор изо всех сил пытался изобрести какой-нибудь новый путь преодоления упрямства шотландца. Было совершенно очевидно, что применение силы не приведет ни к чему, кроме вреда, к тому же Грей не желал поддерживать постыдный произвол своих подчиненных и идти на жестокость.

Стоявшие на каминной полке часы пробили десять. Уже поздно. Стоявшая в тюрьме тишина нарушалась лишь шагами караульных, время от времени обходивших внутренний двор.

Сила и угрозы не позволят ему выяснить правду. Увы, но к французскому золоту он, майор Джон Грей, может попасть лишь одним путем. Ему придется презреть личные обстоятельства и применить совет Кварри: сблизиться с Фрэзером, завоевать его доверие – и тогда подобраться к разгадке тайны золота.

«Если оно вообще существует», – напомнил он себе, обернулся к арестанту и, глубоко вздохнув, официально заявил:

– Мистер Фрэзер, соблаговолите оказать мне честь и пожаловать завтра ко мне в покои на ужин?

От того, что невозмутимость шотландского мерзавца удалось поколебать, Грей почувствовал мимолетную сильную радость: темно-голубые глаза Джейми Фрэзера широко раскрылись, однако в следующее же мгновение его лицо обрело то же непроницаемое выражение. Уже через мгновение он собрался и, чопорно поклонившись, так, словно был одет в килт и плед, а не во влажные тряпки, произнес в ответ:

– Господин майор, я благодарен вам за любезное приглашение, которое принимаю с большим удовольствием.

7 марта 1755 года охранник привел Фрэзера в гостиную с накрытым столом и оставил там одного. Несколькими минутами позже в гостиную из спальни вышел майор Грей: его гость обосновался возле книжного шкафа, с интересом изучая томик «Новой Элоизы».

– Вы увлекаетесь французскими романами? – удивленно ляпнул Грей, запоздало понявший, что его недоверчивый вопрос оскорбителен.

Фрэзер отложил и захлопнул книгу и с демонстративной осторожностью поставил на прежнее место.

– Я умею читать, майор.

Узник побрился, и легкий румянец, вспыхнувший на его высоких скулах, больше не прятался за рыжей бородой.

– Я... конечно, я не хотел сказать... я просто...

Грей покраснел еще сильнее Фрэзера. Он ведь знал, что имеет дело с образованным человеком, и допустил оплошность только из-за того, что неосознанно не связывал шотландский акцент и обноски с французской литературой.

Но если лохмотья узника были ужасны, того же нельзя было заметить о его манерах. Не обращая никакого внимания на путаные извинения Грея, Джейми повернулся к полкам.

– Я пересказывал эту книгу товарищам по камере, но поскольку сам читал ее довольно давно, вздумал припомнить финал, последовательность изложенных в нем событий.

– Понятно.

К счастью, Грей оборвал себя и не поинтересовался, поняли ли эти товарищи хоть что-нибудь. Впрочем, Фрэзер понял все по его лицу, потому что сухо произнес:

– Господин майор, читать учат всех детей в Шотландии. Однако у нас в Хайленде распространена и традиция устных рассказов.

– А-а. Понятно.

Появившийся слуга принес поднос с ужином, чем избавил начальника тюрьмы от дальнейших конфузоз. Трапеза прошла вполне мирно, хотя говорили собеседники мало и в основном о тюремных делах.

Перед следующим подобным ужином Грей распорядился поставить у камина шахматный столик и пригласил Фрэзера сыграть с ним партию. В голубых глазах Джейми мелькнуло удивление, но он согласно кивнул.

Впоследствии Грей пришел к выводу, что это была чрезвычайно удачная затея. Избавленные от необходимости беседовать друг с другом и проявлять любезность, они постепенно привыкали к обществу соперника и молча сидели за инкрустированной доской из слоновой кости и черного дерева и понимали, чего тот стоит, по тому, как противник двигает шахматные фигуры.

После игры они перешли за стол с ужином уже не такими чужими людьми и беседовали, пусть, как и прежде, с опаской и официально, но уже по-настоящему, а не делали вид, что разговаривают, как в первый раз. Они обсудили тюремные новости, поговорили о книгах и церемонно попрощались хоть и с соблюдением всего возможного политеса, но явно довольные встречей. О золоте Грей не заговаривал.

Такие еженедельные ужины стали традиционными. Грей стремился обеспечить обстановку непринужденности: он надеялся, что Фрэзер расслабится и случайно скажет что-то, способствующее разгадке тайны французского золота. Впрочем, пока что особых результатов майор не достиг: как только он заикался о чем-то, что происходило с Фрэзером, когда тот на три дня покидал крепость, шотландец замолчал, и Грей, боявшийся давить, тут же менял тему разговора.

Поедая баранину с отварной картошкой, Джон Грей всеми силами пытался перевести разговор со своим удивительным гостем о Франции и о ее политике, поскольку надеялся найти таким образом связь между Фрэзером и предполагаемым источником золота.

При этом, к собственному (весьма немалому) изумлению, Грей узнал, что Фрэзер два года провел во Франции, где занимался торговлей вином, и было это до мятежа Стюарта.

Время от времени шотландец кидал на хозяина острые взгляды, из которых можно было понять, что он угадывает намерения последнего, но при этом вел он себя безукоризненно, беседовал весьма учтиво и старательно избегал личных тем, сводя разговор к литературе, искусству и политике.

Грей некоторое время пробыл в Париже и сейчас поймал себя на мысли, что этот разговор интересен ему сам по себе, а не только ради попыток прозондировать французские связи Фрэзера.

– А скажите-ка, мистер Фрэзер, удавалось ли вам в Париже ознакомиться с драматическими произведениями месье Вольтера?

Шотландец улыбнулся.

– О да, майор. Больше вам скажу: я имел честь не раз принимать господина Аруэ, Вольтер – это его *nom de plume*, псевдоним, у себя дома.

– Что вы говорите? – удивился Грей. – И каковы же ваши впечатления от этих встреч? В самом деле ли он так же велик в жизни, как и в книгах, что вышли из-под его блестящего пера?

– Честно говоря, мне так не показалось, – ответил Фрэзер, аккуратно подцепив вилкой кусок мяса. – Как правило, он говорил немного и не блистал остроумием. В основном он сидел, сгорбившись в кресле, и следил за окружающими внимательным взглядом. Я не удивлюсь, если узнаю, что темы, обсуждавшиеся за нашим обедом, впоследствии оказались бы на театральной сцене. К счастью, я ни разу не встречал в его сочинениях пародий на меня.

Джейми прикрыл глаза и предался пережевыванию баранины.

– Вам нравится это мясо, мистер Фрэзер? – вежливо спросил Грей.

На его вкус, баранина была жесткая, жилистая и вообще малосъедобная. Но конечно, если бы его рацион в основном составляли овсянка и коренья, а в качестве деликатеса предлагалась крысятина, он, возможно, подошел бы к еде по-другому.

– Да, майор, вполне.

Фрэзер добавил немного винного соуса и отправил в рот последний кусок. При этом когда Грей дал знак Маккею снова поставить на стол поднос с бараниной, он не выказал протеста.

– Боюсь, господин Аруэ не оценил бы это превосходное блюдо должным образом, – покачал головой Джейми и положил себе в тарелку новую порцию.

– Вообще-то, мне казалось, что столь знаменитый и влиятельный в обществе человек, как он, обладает весьма изысканным вкусом, – сухо заметил Грей.

Он так и не доел большую часть мяса, и вскоре еда должна была стать ужином кота Августа.

Фрэзер расхохотался.

– Ну, майор, это вряд ли, – заявил он. – Ни разу не замечал, чтобы даже во время самой пышной трапезы господин Аруэ ел что-то, кроме бисквитов, и пил любой другой напиток, кроме простой воды. Он не отличается чревоугодием, и кроме того, у него несварение желудка.

– Ну надо же! – живо отозвался Грей. – Выходит, нередко встречающиеся в его пьесах желчность и циничность можно попытаться объяснить этим печальным обстоятельством. Как вы считаете, можно ли утверждать, что автор неизбежно проявляет себя в своих творениях?

– Некоторые герои пьес и романов часто таковы, майор, что я склонен считать, что автор, выражающий в сочинениях лишь себя, несколько искажает реальность. Вам так не кажется?

– Пожалуй, вы правы, – ответил Грей, вспомнивший знакомых ему прототипов нескольких довольно странных литературных героев. – Если же автор черпает образы колоритных персонажей не из головы, а из жизни, то он, бесспорно, имеет чрезвычайно обширный и разнообразный круг знакомых!

Фрэзер кивнул, стряхнув крошки с колен полотняной салфеткой.

– Одна, если можно так сказать, сестра по перу господина Аруэ, дама, занимающаяся сочинительством, говорила мне, что писательство – это искусство людоедов: автор берет по шепотке друзей и врагов вместе, приправляет их соусом фантазии и долго томит из всего этого острое блюдо.

Грей рассмеялся и знаком велел Маккею убрать остатки ужина и подать графины с портвейном и хересом.

– Действительно, сказано отлично, весьма проникательно и точно! Кстати, о людоедах: читали ли вы «Робинзона Крузо» господина Дефо? Я с детства очень люблю эту книгу.

Беседа свернула на приключенческие романы и описания жарких стран. Продолжалась она довольно долго, почти до ночи. Однако майор Грей хоть и остался удовлетворен приятным вечером, ни на йоту не приблизился к разгадке тайны, которую шотландский странник унес с собой в могилу.

2 апреля 1755 года Джон Грей открыл новый пакет с перьями. Мать прислала из Лондона в подарок лебединые перья, изысканные и куда более долговечные, чем гусиные, которыми он обычно писал. Увидев содержимое пакета, он улыбнулся, поскольку понял намек: дескать, письма родным попадают не так часто, как следует. Однако и сейчас матери придется подождать до утра.

Майор вынул небольшой перочинный ножик с монограммой, который всегда носил с собой, неторопливо, так, как привык, очинил перо, при этом сочиняя письмо прежде, чем перенести его на бумагу. Сложив в правильном порядке все слова и мысли, он опустил перо в чернильницу и стал писать скоро, почти без пауз.

«2 апреля 1755 года.

Хэролду, лорду Мелтону, графу Морэй.

Дорогой Хэл, в этом письме сообщаю тебе о недавнем событии, привлечем мое внимание. Очень может быть, что оно не будет иметь никаких последствий, однако, если выяснится, что оно связано с реальностью, оно может оказаться чрезвычайно важным».

И Грей в деталях описал и как выглядел странник, и что за бред нес, и запнулся, лишь когда дошел до места, где требовалось описать побег Фрэзера и его новое взятие в плен.

«То обстоятельство, что непосредственно после этого Фрэзер бежал, приводит меня к заключению, что бродяга если и бредил, то среди этого бреда имелось и нечто практическое.

Однако в этом случае я не знаю, чем объяснить дальнейшие шаги Фрэзера. Он попался нам спустя три дня после исчезновения из тюрьмы не дальше мили от побережья. Ардсмьюир расположен в пустынных местах, кроме одноименной деревни, вокруг на многие мили нет вообще ничего и никого, а вероятность тайной встречи в деревне с доверенным лицом, которому он передал информацию о золоте, так незначительна, что ее не стоит и учитывать. Деревня Ардсмьюир полна соглядатаями, и побывать там незамеченным почти невозможно, а к тому же мы прочесали ее после побега заключенного вдоль и поперек, но не нашли ни следа ни Фрэзера, ни золота. Да он и не смог бы ни с кем встретиться, так как мне точно известно,

что в тюрьме он не имел никаких сношений с лицами, находящимися за пределами крепости. А уж после побега – тем более, поскольку сейчас он пребывает под самым тщательным надзором».

Грей остановил перо, прикрыл глаза и вновь, как наяву, увидел перед собой Джеймса Фрэзера, который, овеваемый ветром, казался на пустоши таким же подходящим для этого места, как силуэты благородных оленей.

Майор несколько не сомневался, что пожелай Фрэзер не попасться солдатам, он легко это сделал бы. Но он поступил иначе, осознанно позволил себя поймать. Почему?

Он вновь принялся за письмо, однако писал уже не так быстро.

«Возможно, Фрэзер не смог найти золото, а может, его и не существует на самом деле. Сам я склонен считать именно так, поскольку ничто не смогло бы удержать его в пределах крепости, если бы он заполучил в свои руки много золота. Этот шотландец – сильный, привычный к походам мужчина, и ему, как мне кажется, не составило бы труда добраться по безлюдному побережью до ближайшего порта, откуда деньги открыли бы ему дорогу вообще в любую часть света».

Грей прикусил в задумчивости кончик пера, чуть не проглотил чернила, сморщился от их горького вкуса, поднялся, высунулся в окно и выплюнул. Затем недолго постоял у открытого окна, уставившись в весенние ночные заморозки и машинально вытирая рот.

Наконец его осенило: есть вопрос, который нужно задать Фрэзеру, но не тот, что он постоянно повторял, а гораздо более важный.

После того как в очередной партии в шахматы Фрэзер одержал верх, майор приступил к реализации своего замысла. Возле двери уже встал охранник, приготовившийся отвести узника назад в камеру, Джейми встал со своего места, и тут Грей тоже вышел из-за стола.

– Я больше не стану доносить вас вопросом, зачем вы бежали, – как бы между прочим начал он, – но мне чрезвычайно любопытно узнать: зачем вы воротились?

Вопрос стал для Фрэзера неожиданностью. Заключение на мгновение застыл, затем обернулся, поймал взгляд Грея и немного помолчал. Наконец Джейми Фрэзер улыбнулся.

– Майор, я полагаю, что ваше общество мне стоит оценить по достоинству. Поверьте, я не об ужине.

Впоследствии при мысли об этих словах Грей ухмылялся про себя. А в тот момент он растерялся и отпустил Фрэзера. Только поздней ночью, спросив себя о том же самом, майор легко понял, какой его ждал ответ.

Что бы предпринял Грей, если бы Фрэзер не вернулся? Ответ был очевиден: прежде всего устроил бы слежку за всеми родственниками шотландца. Где же искать помощи и приюта, как не у родни? Грей был полностью убежден, что в этом и заключался ответ. Сам майор не участвовал в кампании усмирения Хайленда, он тогда проходил службу в Италии и во Франции, однако слышал много подробностей о ее проведении, к тому же по дороге в Ардсмьюир ему довелось увидеть немало ее последствий – пепелищ, разрушенных деревень и отравленных полей.

Приверженность горцев своему роду стала притчей во языцех; с учетом этого не оставалось сомнений, что любой из них предпочел бы заточение и все возможные кары для себя, но не опасность преследований со стороны англичан для родных.

Грей сел за стол, взял перо и вновь обмакнул в чернила.

«Ты ведь знаешь шотландскую храбрость, – написал он, добавив самому себе, что именно этот хайлендер выделялся этим качеством и между соплеменниками. – Чрезвычайно невелика вероятность того, что я мог бы

силой или угрозами выпытать у Фрэзера, где находится золото, даже если оно есть на самом деле, а уж в противном случае никакие угрозы не подействовали бы. Поэтому я задумал действовать иначе и решил сблизиться с ним как с настоящим возжакот шотландских заключенных, чтобы попытаться в беседах с ним узнать какие-либо сведения. Честно сказать, пока что мои шаги не привели к особому успеху, однако полагаю, у меня имеется еще пара козырей в рукаве. Надеюсь, тебе не стоит объяснять, – аккуратно приписал он, – что мне не хотелось бы, чтобы все это дошло до начальства».

Не стоит обнадеживать их возможными сокровищами, вполне вероятно, вообще мифическими: разочарование при неудаче может привести к опасным последствиям. Однако при благоприятном исходе он вполне сможет успеть и подготовить подходящее донесение, и получить заслуженный приз – возможность вернуться из этой дыры к цивилизации.

«Итак, дорогой брат, обращаюсь к тебе за помощью в получении как можно более точных сведений обо всем, связанном с Джеймсом Фрэзером. Впрочем, умоляю сохранить это в тайне, чтобы никто не узнал о моих намерениях и не насторожился.

Заранее благодарю тебя за все возможное содействие, которое ты сумеешь оказать, поскольку уверен, что всегда могу на тебя положиться».

Он вновь опустил перо в чернильницу и подписался, изобразив в конце изящную виньетку:

*«Твой покорный слуга и преданный брат,
Джон Уильям Грей.
15 мая 1755 года».*

– Мне говорили, заключенные болеют, – сказал Грей. – Я желал бы узнать, насколько плохи дела.

Ужин был съеден, беседа о литературе завершена. Настало время поговорить о деле.

Фрэзер сурово нахмурился. В руке он держал стакан хереса, но он так и не притронулся к вину за весь вечер.

– Так оно и есть. Дела весьма плохи. Болеет около шестидесяти человек, причем пятнадцать из них серьезно. – Он заколебался. – Мог бы я высказать просьбу?

– Я ничего не обещаю, мистер Фрэзер, но вы, разумеется, имеете право на пожелания, – официально ответил Грей.

Он и сам почти не притронулся ни к еде, ни к питью: аппетит у него почти пропал в предчувствии какого-то важного события.

Джейми задумчиво помолчал. Ему было очевидно, что он не сможет получить все желаемое, следовательно, нужно так сформулировать просьбы, чтобы получить основное, но при этом дать майору возможность не удовлетворить часть прошений.

– Нам требуются одеяла, как можно больше, больше тепла и больше еды. И лекарства.

Грей покрутил стакан и полюбовался на отблески каминного света, отражавшиеся в плескавшемся хересе. «Прежде всего обычные дела, – сказал он себе. – Все остальное потом».

– На нашем складе найдется не более двадцати одеял, но вы можете взять их для тяжелобольных. Но улучшить питание, подозреваю, невозможно. Наши запасы очень уменьшились из-за крыс и мышей, а кладовая два месяца назад обвалилась. У нас и так ограниченные возможности и...

– Речь не о том, чтобы увеличить паек, – быстро перебил его Фрэзер, – а скорее о типе пищи. Людям с больным желудком невозможно питаться овсянкой и хлебом из муки грубого помола. Можно ли найти этой пище какую-нибудь замену?

По закону каждому заключенному ежедневно полагалось по кварте овсянки и маленькая пшеничная булка. Ежедневно, по воскресеньям, тем, кто был занят тяжелым физическим трудом с рассвета до заката, для подкрепления сил дополнительно выдавали овсяный отвар и кварту мясной похлебки.

Грей вздернул брови.

– Что же вы предлагаете, мистер Фрэзер?

– Я думаю, что тюрьме выделяют средства на покупку солонины, турнепса и лука для воскресной похлебки?

– Средства-то выделяют, но мы сможем израсходовать их лишь в следующем квартале.

– В таком случае, майор, я предлагаю потратить эти деньги сейчас, чтобы обеспечить сносным питанием больных. А здоровые с охотой откажутся от своей доли мяса в будущем.

Грей задумался.

– А не ослабнут ли заключенные, если вообще не будут есть мяса? Вдруг они не смогут работать?

– Ну, тот, кто умрет, точно не сможет работать, – резко заметил его собеседник.

Грей хмыкнул.

– Это правильно. Но правильно и то, что еще здоровые недолго такими останутся, если долго будут питаться подобным образом. Увы, мистер Фрэзер, полагаю, что ваше предложение неосуществимо. Разумеется, это выглядит жестокостью, но по мне лучше предоставить больных воле божьей, чем рисковать здоровьем всех прочих.

Но Фрэзер, как известно, был упрямец. Он опустил голову, коротко о чем-то подумал и осуществил новую атаку:

– Раз уж корона не в состоянии обеспечить нас нормальной пищей, возможно, вы позволите нам разнообразить свое меню самостоятельно, посредством охоты?

– Охоты? – Грей от изумления вытаращил глаза. – Выдать заключенным оружие и разрешить гулять по болотам? Господь с вами!

– Вот что Он с нами, в этом я сомневаюсь: у Него нет цинги и ему не требуется пропитание.

Майор непроизвольно подернул губы в усмешке, и Фрэзер несколько успокоился. Грея всегда можно было поймать на шутку, и сам он прекрасно осознавал, что это ставит его в невыгодные условия. С Джейми Фрэзером у них так всегда и бывало.

Обрадованный промежуточной победой, Джейми развил наступление:

– Ну что вы, майор, конечно, ни о каком оружии нет и речи, так же как и об охоте. Разрешите мне ставить на болотах силки, когда мы ходим на работы и режем торф, и оставлять себе ту добычу, что в них попадет.

Заключенные умудрялись ставить ловушки и без всякого дозволения, но охранники обычно забирали у них пойманное.

Обдумывая ответ, Грей медленно вдохнул и осторожно выдохнул.

– Но вам же понадобятся материалы для ловушек, верно, мистер Фрэзер?

– Лишь пара мотков бечевы, – заявил Джейми. – С десяток грузил и любая веревка. Остальное мы сделаем сами.

Майор потер щеку и согласно кивнул.

– Ну хорошо, – сказал он, присел к секретеру, опустил перо в чернильницу и нацарапал записку. – Завтрашним утром я издам официальный приказ по этому поводу. Что же до остальных ваших просьб...

Через несколько минут они обо всем договорились, и Джейми наконец-то успокоился и довольно отхлебнул заслуженный глоток хереса.

Он добился не только разрешения ставить ловушки, но и позволения заключенным брать себе добытый сверхурочно торф для отопления камер, и даже указа Сазерленду написать в Уллапул его кухне, имевшей мужа-аптекаря. Если муж кухни найдет возможность отослать лекарства, заключенные их получат.

«Неплохо за один вечер», – подумал Джейми. Он еще раз отпил из стакана и, наслаждаясь чувством выполненного долга, предался теплу, исходившему от огня.

Смотревший за шотландцем сквозь прикрытые веки Грей заметил, как тот чуть расслабил плечи: дело было сделано, и напряжение покинуло узника. Ну, это он так считал.

«Прекрасно, – проговорил про себя Грей. – Пей херес и отдыхай. Мне требуется, чтобы ты не ожидал удара».

Грей привстал, взял графин и почувствовал, как письмо Хэла хрустнуло в кармане. Застучало сердце.

– Не желаете еще глоточек, мистер Фрэзер? Кстати, не расскажете ли, как поживает ваша сестра?

Фрэзер от неожиданности широко распахнул глаза и побледнел.

– Как дела у вас в Лаллиброхе? Кажется, я правильно говорю это слово?

Грей отодвинул графин в сторону и уставился на собеседника.

– Не могу знать, майор.

Шотландец, как всегда, говорил спокойно, но сейчас зловеще прищурился.

– Не можете? А я бы сказал, что благодаря добытому вами золоту дела сейчас там обстоят совсем недурно.

Мускулы на могучих плечах Фрэзера явно напряглись.

Как бы между делом Грей небрежно взял с шахматной доски фигуру и переложил в другую руку.

– Наверное, Эуон – вашего зятя, кажется, зовут Эуоном? – знает, как им распорядиться.

Фрэзер, однако, вполне овладел собой и невозмутимо посмотрел прямо на взволнованного Грея.

– Коли вы так хорошо осведомлены, – сухо сказал шотландец, – вам, майор, думаю, известно и то, что мой дом стоит более чем в ста милях от Ардсмьюира. Не соблаговолите ли вы рассказать мне, как именно я сумел покрыть такое расстояние дважды за три дня?

Джон Грей уткнулся глазами в шахматную фигурку, которую он в задумчивости крутил в руках.

Это оказалась пешка, выточенный из моржовой кости злой на вид рыцарь, на голове которого красовался остроконечный шлем.

– На болотах вы могли встретиться с кем-то, кто передал вашим родным сведения о золоте или сам отнес им его.

Шотландец усмехнулся.

– Вблизи Ардсмьюира? Майор, откуда на болотах мог взяться хоть один человек, тем более мой знакомый? Больше того, тот, кому я мог передать то, о чем вы говорите? – Фрэзер стукнул стаканом по столу, очевидно, не намеренный продолжать этот разговор. – Майор, на болотах я никого не встречал.

– Почему же вы думаете, что я могу верить сказанному вами, мистер Фрэзер? – произнес Грей со всем возможным сарказмом.

На щеках Фрэзера вспыхнул легкий румянец.

– Я еще никому не давал повода усомниться в своих словах, майор, – негромко проговорил он.

– Неужели? – Грей говорил с неприкрытым гневом. – Помнится, вы однажды давали мне слово при условии, что я отдам приказ расковать вас?

– Я сдержал это слово!

– Да что вы?!

Начальник тюрьмы и заключенный напряженно выпрямились в креслах, сердито меряя друг друга взглядами.

– Вы выдвинули тогда мне три условия, майор, и я исполнил их без искажений.

Грей пренебрежительно усмехнулся.

– Правда, мистер Фрэзер? Однако какое такое дело внезапно заставило вас отказаться от общества компаньонов по камере в пользу дружбы с болотными кроликами, коли вы продолжаете настаивать, что ни с кем не встречались, и даже поручились в этом.

Он сказал это с таким очевидным презрением, что Фрэзер побагровел от злости и медленно сжал свои огромные кулаки.

– Да, майор, – произнес шотландец сквозь зубы, – я поклялся, что все было именно таким образом.

Тут Фрэзер обнаружил сведенные пальцы, медленно-медленно разжал кулак и опустил руку на стол.

– А что скажете о побеге?

– О побеге, майор, я уже сказал все, что считал нужным.

Затем осторожно выдохнул и, подозрительно уставившись на Грея из-под насупленных рыжих бровей, принял более спокойную позу.

После некоторого промедления майор тоже опустил спину в кресло и вернул пешку на шахматную доску.

– Мистер Фрэзер, скажу вам прямо и откровенно: я оказываю вам честь исходя из предположения, что вы здравомыслящий человек.

– Уверяю вас, майор, к вопросам чести я всегда отношусь чрезвычайно щепетильно.

Конечно, Грей услышал в словах узника насмешку, однако решил не обращать на нее внимания, тем более что сам он, похоже, одерживал верх.

– Видите ли, мистер Фрэзер, по большому счету, совершенно неважно, вступали ли вы в какие-либо сношения со своей родней и передавали ли сведения о сокровищах. Стоит лишь сделать подобное допущение, и оно станет основанием для рейда драгун в Лаллиброх, где им будет приказано провести обыск и допросить ваших родных.

Грей залез в нагрудный карман, достал из него бумагу, развернул и прочитал вслух:

– Эуон Мюррей – ваш зять, как я понимаю? Его жена Джанет. Это, конечно, ваша сестра. Их дети, Джеймс... надо думать, назван в честь дядюшки?

Грей скосился на Фрэзера, чтобы полюбоваться выражением его лица, затем продолжил:

– Маргарет, Кэтрин, Джанет, Майкл и Эуон. Крупный выводок, – сказал он так, словно речь шла не о младших детях Мюрреев, а приплоде поросят.

Он положил листок на стол.

– Вы же знаете, что трое старших детей уже достигли таких лет, что их имеют право арестовать и допросить наравне с родителями. Обычно это допросы с пристрастием, никто там не нежничает.

Именно сейчас Грей несколько не отклонялся от истины, и шотландцу это было отлично известно. От его лица отлила кровь, кожа натянулась на высоких крупных скулах. Он на миг закрыл глаза, но сразу же открыл.

Неожиданно Грей вспомнил слова Кварри: «Будете ужинать с ним наедине, ни за что не поворачивайтесь спиной».

Джона Грея пробрал озноб, однако майор сумел овладеть собой и сурово посмотрел на Фрэзера в ответ.

– Чего вы хотите от меня? – хриплым от гнева голосом промолвил узник.

При этом Фрэзер не двинул ни мускулом: его неподвижная, как камень, фигура была освещена пламенем, словно позолочена.

Грей глубоко вздохнул.

– Правды, – негромко произнес он.

Воцарилась полная тишина, не нарушаемая даже треском торфа в камине. Фрэзер пошевелился и вновь замер. Он долго молчал, уткнувшись взглядом в огонь, словно искал там ответ.

Грей не торопился, он мог себе это позволить. В конце концов шотландец повернулся к нему вновь.

– Значит, правды?

Он в очередной раз глубоко вдохнул, и Грей увидел, как на груди собеседника натянулась сорочка из тонкого полотна – жилета на нем не было.

– Я сдержал слово, майор. Я честно пересказал вам все, что говорил тогда, ночью, умирающий. Не сказал только о том, что было важно для одного меня.

– Неужели? – Грей замер как истукан, он опасался пошевелить даже пальцем. – Что же это?

Фрэзер стиснул свои полные губы в тонкую полоску.

– Помните, я рассказывал о моей жене, – с трудом произнес он, словно каждое слово причиняло ему невыразимое страдание.

– Да, вы говорили, что она умерла.

– Майор, я говорил, что ее нет, – тихо поправил Фрэзер и посмотрел на пешку. – Вероятнее всего, она умерла, однако...

Он помолчал, сглотнул ком в горле и заговорил уже увереннее:

– Моя жена была целительница. Не обычная ведунья, таких в Хайленде немало, а та, кого в наших краях зовут «бандруид», то есть «белая дама» или «колдунья».

– Белая колдунья. – Грей тоже говорил тихо, но был чрезвычайно взбудоражен. – Выходит, тот человек говорил о вашей жене?

– Я подумал, что это так. И в таком случае... – Шотландец чуть шевельнул могучими плечами и просто добавил: – Мне надо было пойти посмотреть.

– Откуда же вы узнали, куда следует идти? Тоже из бреда бродяги?

Охваченный любопытством, Грей даже подался чуть вперед.

Не сводивший глаз с пешки Фрэзер кивнул. Затем поднял на собеседника взгляд:

– Я знал, что в небольшом отдалении от крепости находится святыня – место поклонения святой Бригитте, тоже часто называемой «белой дамой», – сказал он. – Впрочем, эта святыня стоит с незапамятных времен, куда более древних, чем год, когда святая Бригитта высадилась в Шотландии.

– Я понял. Вы решили, что сказанное имело отношение к этой святыне и к вашей жене?

Фрэзер вновь чуть пошевелил плечами.

– Я этого не знал, – произнес он еще раз. – Я не мог знать, к чему оно относилось: к моей жене или лишь к святыне, а может, и не к первой, и не ко второй. Однако я ощутил необходимость туда отправиться.

Он подробно рассказал майору, побуждавшему собеседника вопросами, где это находится и как туда добраться.

– Святыня представляет собой небольшой каменный крест, такой древний и источенный ветром, что непонятно, что на нем изображено. Крест установлен у небольшого пруда, заросшего вереском. На дне этого пруда и среди корней вереска, растущего по берегам, находят белые камешки. Считается, что эти камешки имеют огромную волшебную мощь, – добавил Фрэзер, увидевший, что Грей его не понимает. – Однако эта мощь проявляется лишь в руках белой дамы.

– Ясно. А ваша жена?.. – вежливо оборвал вопрос Грей.

Шотландец мотнул головой.

– Все это оказалось совершенно с ней не связано, – еле слышно произнес он. – Ее действительно нет.

Он сказал это тихим спокойным голосом, в котором майор уловил настоящее отчаяние.

Как всегда бесстрастное и неподвижное, лицо Фрэзера не сменило выражения и в этот миг, но морщины, обозначившиеся у глаз, и мрачный взгляд свидетельствовали о глубоком горе. Ставшему очевидцем таких подлинных чувств Грею стало неудобно, но долг одержал победу над деликатностью.

– А что же золото, мистер Фрэзер? – тихо спросил майор.

Шотландец издал тяжкий вздох.

– Да, оно там было, – ровно сказал он.

– Что? – Грей подскочил на месте и вытаращился на собеседника. – Вы его обнаружили? Фрэзер посмотрел на майора и усмехнулся.

– Я его обнаружил.

– И это действительно было золото, которое Людовик послал для Карла Стюарта?

Грей находился вне себя от радости: он уже воображал, как везет лондонскому начальству огромные сундуки с луидорами.

– Людовик никогда не отправлял Стюартам золото, – твердо сказал Фрэзер. – То, что я нашел в пруду возле святыни, майор, не было французскими сокровищами.

По его словам, на дне оказался лишь небольшой сундучок с золотыми и серебряными монетами и кожаный кошелек с драгоценными камнями.

– Драгоценные камни? – брякнул Грей. – Они-то откуда взялись?

Фрэзер недоуменно посмотрел на него и заметил:

– Понятия не имею. Откуда мне это знать?

– Ну разумеется, – быстро отозвался Грей, который пытался кашлем замаскировать возбуждение. – Конечно. Но где теперь эти сокровища?

– Я бросил их в море.

Грей уставился на шотландца и тупо спросил:

– Что?

– Я бросил их в море, – медленно повторил узник. Его чуть раскосые голубые глаза встретились с глазами Грея. – Возможно, вам известно о месте под названием «Чертов котел», расположенном не больше чем в миле от пруда со святыней.

– Но почему? Почему вы так поступили? – изумился Джон Грей. – Это же совершенно неразумно!

– Тогда я не особенно заботился о том, что разумно, а что не очень, – негромко промолвил шотландец. – Я отправился к этому месту, питая надежды, а когда мои надежды растаяли, сокровища стали для меня всего лишь ненужной грудой железок и камней. Они были мне не нужны, – с усмешкой прибавил он, приподняв бровь. – Но мне не показалось верным и решение передать обнаруженный клад королю Георгу. И тогда я бросил его в море.

Грей вновь прислонился к спинке кресла и бессознательно, не замечая, что делает, плеснул себе новую порцию. Он не знал, что и думать.

Фрэзер, по-прежнему отвернувшись от него и не шевелясь, смотрел на огонь, подперев рукой подбородок. Падавший из камина свет очерчивал его ровный прямой нос и мягкие губы, не попадая на лоб и шею.

Майор Грей хлебнул хереса и собрался.

– Весьма сентиментальный рассказ, мистер Фрэзер, – сухо сказал он. – Чрезвычайно душещипательный. Однако не вижу ни одного доказательства того, что это правда.

Фрэзер чуть сдвинулся с места и наклонил голову, чтобы лучше видеть начальника тюрьмы. И так несколько раскосые его глаза сузились еще сильнее, словно от веселья.

– Ну, майор, это-то дело нехитрое.

Из-за пояса своих ветхих штанов шотландец вытащил что-то и протянул руку к Грею.

Тот в ответ также протянул руку, и на ладонь ему упал небольшой камушек.

Сапфир, глубокого синего цвета, как глаза Фрэзера, довольно крупный для такого драгоценного камня.

Грей в изумлении разинул рот и так ничего и не сказал.

– Прошу вас, перед вами доказательство существования сокровищ. – Узник кивнул на камень в руке Грея и поймал взгляд майора поверх стола. – В остальном, увы, вам придется лишь поверить мне на слово.

– Но... но... вы сказали...

– Сказал.

Фрэзер вел себя так спокойно, словно они говорили о погоде.

– Я сохранил лишь этот сапфир, поскольку подумал, что он может пригодиться мне, если меня вдруг освободят или – вы оказались в этом почти правы – если, возможно, у меня получится передать его каким-то образом семье. Вы же наверняка понимаете, майор, – Джейми весело сверкнул глазами, – что мои родные никак не смогли бы воспользоваться сокровищами, не привлекая к себе пристального и совершенно не нужного внимания. Единственный камень – еще возможно, но не более того.

Потрясенный Грей, однако, не вполне лишился дара соображения и понял, что Фрэзер совершенно прав: хозяину небольшой усадьбы, такому, как его зять, никак не удалось бы превратить драгоценности в деньги, не вызвав слухов и толков, которые, в свою очередь, непременно привели бы в Лаллиброх солдат короны. А сам Фрэзер, это весьма вероятно, может оставаться в заключении до самой смерти. Однако как же так: взять и собственными руками выбросить найденный клад! Тем не менее Грей легко в это верил: если и ходит по земле человек, свободный от греха алчности, то это Джейми Фрэзер.

Впрочем...

– Как же вам удалось сохранить его у себя? – неожиданно спросил Грей. – Вас ведь, поймав, обыскали не то что до нитки, до кожи.

Рот шотландца раздвинулся в широкой искренней улыбке, первой увиденной Греем за весь вечер.

– Я его проглотил, – ответил Фрэзер.

Майор непроизвольно сжал сапфир в кулаке, а потом разжал руку и аккуратно положил блестящий камушек на стол рядом с шахматной фигурой.

– Понятно, – сказал он.

– Не сомневаюсь, что понятно, майор, – сказал Фрэзер с серьезностью, которая еще больше подчеркнула насмешку, промелькнувшую в его глазах. – Грубая пища, знаете ли, иногда дает некоторые преимущества.

Прижав пальцы ко рту, Грей подавил неуместный смешок.

– Разумеется, вы правы, мистер Фрэзер.

Грей помолчал, крутя в руках синий камень, затем неожиданно поднял голову.

– Вы же папист?

Он прекрасно знал, что так оно и было, поскольку приверженец Стюартов вряд ли был не католиком-папистом. Не слушая собеседника, Грей поднялся и подошел к книгам в углу и моментально вытащил с полки подаренный матерью том, который не входил в его привычное чтение.

На стол рядом с камнем опустилась Библия в переплете из телячьей кожи.

– Сам я готов принять на веру ваше слово джентльмена, мистер Фрэзер, – сказал он. – Но вы должны понять, что как офицер я прежде всего обязан руководствоваться долгом.

Несколько мгновений Фрэзер молча и бесстрастно смотрел на книгу.

– Ладно, майор, – наконец произнес он и уверенно положил свою большую руку на Библию. – Именем Господа Всемогущего клянусь на Его Святом Слове, что обнаруженные мною сокровища были именно такими, как я о них рассказал.

Его темные и бездонные глаза сверкали в отблесках огня.

– И клянусь надеждой на жизнь вечную, – тихо прибавил Джейми Фрэзер, – что они покоятся в море.

Глава 11

Гамбит

После того как история с французским золотом стала полностью ясна, Грей и Фрэзер вернулись к привычному для них поведению: сперва они обсуждали насущные вопросы тюремной жизни, а затем переходили к свободной беседе на общие темы, иногда отвлекаясь на шахматную партию. В тот вечер они за ужином и после него говорили о романе Самюэля Ричардсона «Памела», отличающемся большим объемом.

– На ваш взгляд, эта книга так велика, поскольку описанный в ней предмет настолько непрост? – спросил Грей и, наклонившись, прикурил от свечи, стоявшей на небольшом столе, сигару. – Однако на такую же толстую книгу издатели потратили много денег, а читателю придется потратить много сил.

Фрэзер улыбнулся. Он не курил и, увидев сигару Грея, заявил, что будет пить портвейн, поскольку только его вкус не перебьет запах табака.

– Сколько страниц в этом томе? Тысяча двести? По-моему, да. Мне кажется, трудно с точностью и подробно передать сложные жизненные коллизии в ограниченном объеме книги.

– Согласен. Впрочем, на это можно возразить, что мастерство писателя и состоит в тщательном выборе подробностей. Однако согласны ли вы, что чем толще книга, тем яснее это говорит о неспособности автора выбрать такие детали, необходимые для создания художественного образа, что само по себе свидетельствует о недостаточном мастерстве?

Собеседник задумчиво отпил несколько маленьких глотков темного портвейна и, помолчав, ответил:

– Честно говоря, я видел сочинения, о которых можно сказать именно такими словами. Нагромождая подробности, их авторы пытаются убедить читателей в достоверности написанного. Но с Ричардсоном, мне кажется, все совершенно по-другому. Персонажи детально описаны, и все выведенные сцены обязательны для сюжета. Но право же, чтобы всесторонне и правдоподобно рассказать некоторые истории, необходимо много времени и места.

Фрэзер отхлебнул портвейна и засмеялся.

– Впрочем, майор, я должен сознаться: есть определенные личные обстоятельства, связанные с этой книгой. Принимая во внимание условия, в которых я читал «Памелу», должен сказать, что меня бы только порадовало, если бы она оказалась вдвое длиннее.

– А что это за условия?

Майор Грей вытянул губы и выпустил из них к потолку ровное кольцо дыма.

– Я семь лет прожил в горной пещере, – улыбнулся шотландец. – Нечасто случалось, что мне в руки попадало больше трех книг одновременно, и мне требовалось растянуть чтение на несколько месяцев. Да, я предпочитаю толстые книги, но вынужден признать, что это не главное их достоинство.

– Разумеется, – согласился Грей.

Прищурившись, он проследил за первым колечком и пустил ему вслед еще одно. Дым отклонился от цели, и его снесло вбок.

– Помню, – продолжил майор, изо всех сил затягиваясь, отчего говорил с долгими паузами, – как подруга матери, леди Хенсли, увидела эту книгу в гостиной...

Наконец Грею удалось выпустить новое кольцо дыма, которое точно попало в первое и превратило его в маленькое бесформенное облако. После этого майор довольно хмыкнул и сказал:

– Это была леди Хенсли. Она взяла книгу, в ужасе, как часто делают дамы, глянула на нее и произнесла: «Графиня! Как вы не боитесь читать такую большую книжку! Думаю, я бы никогда не осмелилась даже начать чтение такого толстого романа».

Грей весьма похоже передразнил пронзительный голос леди Хенсли, отчего даже закашлялся.

– А моя матушка ответила на это, – произнес он обычным голосом: – «Не беспокойтесь, дорогая, вам бы все равно было ничего не понятно».

Фрэзер рассмеялся и закашлялся от табачного дыма, разрушая очередное выпущенное кольцо.

Грей быстро погасил сигару и поднялся.

– Нам как раз удастся сыграть быструю партию, пойдемте же.

Фрэзер играл в шахматы гораздо лучше, но случилось, Грей играл отчаянно и даже мог защитить своего короля.

В тот раз он попытался разыграть гамбит Торремолиноса, опасный дебют, который начинался ходом коня на королевском фланге. В случае удачи такой ход создавал возможность своеобразной комбинации ходов ладьи и слона, которая могла привести к удаче в зависимости от положения фигур между королевским конем и пешкой королевского слона. Грей нечестно прибегал к этому гамбиту, поскольку он не предназначался для любителя среднего уровня (каковым он сам и являлся), ум которого не был настолько быстр, чтобы увидеть тайную опасность со стороны коня. Эта комбинация была оружием, направленным на умного и проницательного противника, а три месяца еженедельных сражений за шахматной доской прекрасно научили Грея, что за ум противостоит ему с той стороны стола, уставленного резными фигурами.

На предпоследнем ходе майор, чтобы не выдать волнения, принудил себя дышать, а почувствовав на себе взгляд Фрэзера, отвел глаза. Грей отвернулся, налил в оба стакана портвейна и стал внимательно смотреть, как поднимается уровень темного напитка.

Пешка или конь? В кудрях Фрэзера, задумчиво качавшего головой над фигурами, мелькали рыжие искры.

Конь или пешка? Победа или поражение?

Фрэзер медленно поднял руку, и сердце майора замерло. Рука зависла над доской – и взялась за фигуру.

За коня.

Грей не сумел сдержаться и испустил ликующий вздох. Шотландец быстро поднял глаза, но было уже поздно. Пытаясь не слишком демонстрировать радость, майор провел рокировку.

Нахмурившись, Фрэзер уставился на шахматное поле и стал быстро просчитывать варианты, переводя взгляд с одной фигуры на другую.

Наконец он понял, чуть дрогнув, оторвался от шахмат и удивленно посмотрел на соперника.

– Эге, да вы, смотрю я, хитрый мошенник, – с уважением сказал Фрэзер. – Где же вы выучились таким дьявольским трюкам?

– Меня научил старший брат, – ответил Грей. Обрадованный победой (как правило, он выигрывал не чаще трех раз из десяти, и потому выигрыш был особенно приятен), он утерял свойственную ему бдительность.

Усмехнувшись, Фрэзер протянул длинный указательный палец и аккуратно положил на поле своего коня.

– Да, такой человек, как лорд Мелтон, вполне способен на нечто в этом роде, – заметил он как бы между делом.

Грей остолбенел. Увидев его состояние, Фрэзер вопросительно поднял бровь.

– Вы же говорили о лорде Мелтоне? – поинтересовался он. – Или у вас есть еще один брат?

– Нет, – ответил Грей онемевшими (видимо, из-за выкуренной крепкой сигары) губами. – Нет, у меня только один брат.

У него снова сжалось сердце, однако теперь совсем не от радости. Так что же, выходит, этот проклятый шотландец все это время знал, кто он такой?

– Учитывая обстоятельства, наша встреча получилась довольно краткой, – сухо произнес Фрэзер. – Но забываемой. – Посмотрев на Грея, он поднял к губам свой стакан и отпил глоток. – Что же, неужто вы не знали, что на Каллоденском поле я встретил лорда Мелтона?

– Знал. Я сам сражался при Каллодене. – Шахматный триумф Грея теперь совершенно не радовал. Майор осознал, что от дыма его несколько мутит. – Однако я не предполагал, что вы вспомните его и что вы знаете о нашем родстве.

– Этой встрече я обязан жизнью и, конечно, никогда ее не забуду, – сказал Фрэзер.

Грей прямо посмотрел на собеседника.

– Насколько мне известно по пересказам, тогда вы не казались особенно благодарным моему брату.

Фрэзер твердо сжал губы, но сразу же успокоился.

– Это так, – тихо произнес он и грустно усмехнулся. – Видите ли, ваш брат никак не хотел отправлять меня на расстрел. Он решил, что его долг – оставить меня в живых, а я в то время не считал эту милость благом для себя.

– Вам хотелось, чтобы вас расстреляли?

Грей изумился.

Шотландец уставился на шахматную доску отсутствующим взглядом: он, похоже, унесся мыслями куда-то далеко.

– Полагаю, в тот момент у меня имелась для этого причина, – тихо промолвил он.

– Что за причина? – спросил Грей и, поймав на себе внимательный взгляд, торопливо добавил: – Не сочтите это нахальством, просто мне и самому тогда пришлось пережить нечто подобное. И кстати, наши с вами разговоры о Стюартах не привели меня к убеждению, что поражение их претендента было способно привести вас в подобное отчаяние.

Фрэзер чуть улыбнулся и согласно наклонил голову.

– Многие из моих товарищей шли на бой, ведомые любовью к Карлу Стюарту или верностью к нему как к единственному законному королю. Однако я, и вы в этом не ошиблись, не относился ни к кому из них.

Затем шотландец прервал объяснения; Грей печально посмотрел на шахматную доску и начал:

– Я говорил, что переживал тогда нечто похожее. В той битве я потерял друга.

Он удивился сам себе: почему вдруг он заговорил о Гекторе именно с этим человеком, тем, кто бился на смертном поле, прокладывая себе путь мечом, может быть, тем самым мечом, что...

Однако Грей не мог заставить себя замолчать: ведь ему не с кем было поговорить о Гекторе. Он мог поведать свои сокровенные тайны лишь Фрэзеру, уверенный, что тот никому ничего не скажет.

– Мой брат Хэл... заставил меня посмотреть на тело, – неожиданно произнес он.

Он посмотрел вниз, на палец, где светился синий сапфир Гектора, похожий на тот, что некогда отдал ему Фрэзер, только поменьше.

– Он сказал, что я обязательно должен увидеть его, что, пока я не увижу друга мертвым, я никогда полностью не приму его гибель. Если не осознаю, что Гектор, мой друг, действительно меня покинул, то буду вечно страдать. Когда же я посмотрю на тело и пойму это, то буду горевать, но горе пройдет – и я о нем забуду.

Грей жалко улыбнулся и посмотрел на Фрэзера.

В каком-то смысле брат оказался прав, но не вполне. Может быть, со временем Джон Грей смог пережить потерю, но забыть Гектора так и не сумел. Да и как он мог забыть друга, увиденного в последний раз: тот недвижно лежал, рассветные лучи освещали его восковые щеки, а длинные ресницы опустились так, словно Гектор спал. Его голова была почти отделена от шеи, и в зиявшей ране виднелась гортань и крупные сосуды.

Они долго сидели и молчали. Фрэзер лишь залпом осушил свой стакан. Грей, не говоря ни слова, в третий раз налил им обоим портвейна и вновь опустился в кресло.

– Как вы полагаете, мистер Фрэзер, жизнь ваша тяжела? – поинтересовался он.

Джейми Фрэзер встретился с ним взглядом, помолчал, похоже, решил, что собеседником движет исключительно любопытство, и разрешил себе расслабиться. Он откинулся в кресле, медленно разжал кулаки и стал разминать правую руку, сжимая и разжимая пальцы. Грей заметил, что рука несла на себе след от старой раны: была покрыта шрамами, а два пальца оказались скрючены.

– Думаю, не слишком, – медленно проговорил шотландец, по-прежнему спокойно глядя на начальника тюрьмы. – Мне кажется, тяжелее всего в жизни – тревожиться за тех, к кому мы не в силах прийти на помощь.

– А разве не когда нет рядом того, на кого мы хотим потратить свою любовь?

Заклученный не сразу дал ответ. Возможно, он разбирал позицию на шахматной доске?

– Нет, это пустота, – наконец сказал он. – Но не тягость.

Стояла ночь, в крепости было очень тихо.

– Ваша жена... вы говорили, что она была целительница?

– Была. Она... ее звали Клэр.

Фрэзер поднес ко рту стакан и сделал глоток, словно чтобы протолкнуть ком в горле.

– Думаю, вы ее очень сильно любили, – тихо произнес Грей.

Он заметил, что Фрэзеру хочется того же, чего минутой раньше желал он сам: произнести вслух имя, хранящееся в тайне, на мгновение вернуть призрачную любовь.

– Порой мне хочется выразить вам свою благодарность, майор, – проговорил шотландец.

– Благодарность мне? За что? – удивился Грей.

Заклученный еще раз окинул взором доску, где фигуры образовывали завершенную партию, и сказал:

– За ночь у Кэрриарика, когда мы впервые с вами повстречались. – Фрэзер глянул на Грея в упор. – За то, что вы сделали ради моей жены.

– Вы не забыли, – прохрипел Грей.

– Я не забыл, – отозвался Фрэзер.

Решившись, Грей взглянул шотландцу прямо в лицо, однако в его чуть раскосых синих глазах не было ни следа издевки.

Совершенно серьезно Фрэзер кивнул.

– Вы были достойным противником, майор. Я не смог бы вас забыть.

Джон Грей горько расхохотался. Удивительно, однако, что он не ощутил того стыда, который всегда посещал его при воспоминании об этом постыдном событии.

– Если вы сочли достойным противником мальчишку шестнадцати лет, который трясется от ужаса, то, мистер Фрэзер, нечего удивляться, что хайлендеры потерпели поражение!

Фрэзер раздвинул губы в усмешке.

– Майор, тот, кто не трясется от ужаса, когда к его голове приставлен пистолет, либо абсолютно лишен чувств, либо дурак.

Против собственной воли Грей засмеялся. Улыбка его собеседника стала шире.

– Вы никогда не сказали бы ничего для спасения своей жизни, но заговорили для спасения чести дамы. Чести моей жены, – значительно прибавил Фрэзер. – Полагаю, это нельзя называть трусостью.

В его голосе не слышалось ни малейших сомнений в том, что он говорил от чистого сердца.

– Но я же ничем не помог вашей жене, – грустно парировал Грей. – В действительности же никакой угрозы для нее не было.

– Однако вам это было неизвестно, не так ли? – заметил Фрэзер. – Вы стремились ее спасти и спасти ее честь, рискуя собственной жизнью, и таким образом оказали ей услугу, о которой я многократно вспоминал. Особенно когда потерял Клэр.

Легкую дрожь в голосе Фрэзера мог бы уловить только очень внимательный слушатель.

– Понятно.

Грей набрал в грудь воздуха и промолвил:

– Соболезную вашей потере.

Оба погрузились в молчание, думая о своих призраках. После этого заключенный поднял взгляд на Грея и сделал глубокий вздох.

– Ваш брат говорил правду, майор, – проговорил он. – Благодарю вас и желаю доброй ночи.

Фрэзер встал, поставил стакан и вышел из комнаты.

Визиты к начальнику тюрьмы напоминали ему об одиноких годах жизни в пещере, когда он время от времени приходил к семье, источнику жизни и тепла. Тут же он покидал тесную грязную и жалкую тюремную камеру, попадал в уют майорских комнат и мог расслабиться за разговором и сытным ужином, согреться и отдохнуть душой и телом.

Впрочем, он отчего-то казался себе при этом самозванцем, чувствовал, что утерял некую важную часть своей натуры, которая не может вынести обычной жизни. Возвращение в камеру с каждым следующим разом давалось ему все с большими усилиями.

В холодном коридоре на сквозняке он ждал, когда охранник откроет дверь в камеру. Он уже слышал храп и стоны спящих товарищей; вскоре дверь отворилась, и в нос ему ударила стойкая едкая вонь.

Фрэзер быстро набрал воздуха и, пригнув голову, вошел.

Когда его тень упала на лежавшие тесной кучей человеческие тела, а дверь позади него захлопнулась, отрезав свет, сонные узники зашевелились, а некоторые проснулись.

– Что-то ты нынче припозднился, Макдью, – послышался хриловатый спросонья голос Мардо Линдси. – Завтра небось с ног будешь валиться.

– Я справлюсь, Мардо, – прошептал Фрэзер, переступая через спящих.

Он снял плащ, аккуратно положил его на лавку, взял грубое одеяло и нашел свое место на полу. Все это время его высокая фигура маячила на фоне подсвеченного лунной окошка.

Когда Макдью улегся с ним рядом, Ронни Синклер перевернулся, сонно поморгал почти невидимыми в лунном свете, песочного цвета ресницами и спросил:

– Ну как, Макдью, хорошо тебя угостили?

– Да, Ронни, спасибо.

Он поворочался на каменном полу, стараясь устроиться поудобнее.

– Завтра расскажешь?

Узники получали странное удовольствие, слушая о том, что подавалось на ужин, воспринимая тот факт, что их предводителя хорошо кормили, как некое отличие или поощрение для всех них.

– Ага, расскажу, Ронни, – пообещал Макдью. – Но сейчас мне нужно поспать, ладно?

– Спокойной ночи, Макдью, – донесся из угла шепот Хейса, лежавшего впритык, как набор серебряных чайных ложек, с Маклаудом, Иннесом и Кейтом: всем хотелось поспать в тепле.

– Приятных снов, Гэвин, – прошептал Макдью, и мало-помалу в камере воцарилась тишина.

В ту ночь ему приснилась Клэр. Она лежала в его объятиях, осязаемая и благоухающая, с ребенком во чреве. Живот ее был круглым и гладким, как дыня, грудь – полной и пышной, с темными, словно налитыми вином, манящими сосками.

Ее рука скользнула ему между ног, он ответил ей тем же, а когда она двинулась, мягкая, округлая выпуклость наполнила его ладонь. Она поднялась над ним с улыбкой, частично скрытой упавшими на лицо волосами, и перекинула через него ногу.

Он тянулся к ее губам, требовал их, и она, откликнувшись, рассмеялась, склонилась, положив руки на его плечи и уронив волосы ему на лицо. Он вдохнул запах мха и солнечного света, ощутил спиной покалывание сухих листьев и понял, что они лежат в узкой горной долине неподалеку от Лаллиброха и все вокруг наполнено цветом ее медных буков. Буковые листья и буковый лес, золотистые глаза и гладкая белая кожа, окаймленные тенями.

Грудь Клэр прижалась к его рту, и он жадно припал к набухшим соскам. Ее молоко было горячим и сладким, с легким привкусом серебра, как кровь оленя.

– Сильнее, – прошептала она и, обхватив ладонью затылок, прижала его лицо. – Сильнее.

Потом она вытянулась поверх него во весь рост, тело к телу, и он ощущал дитя в ее чреве, дитя, находившееся сейчас между ними, но не разделявшее, а сближавшее, заставлявшее их стремиться к еще большему единению, чтобы оградить и сберечь эту крохотную крупицу жизни.

И это единение, единение их троих, было столь полным, что Джейми уже не осознавал, где начинается и где кончается каждый из них по отдельности.

Он проснулся неожиданно, тяжело дыша, весь в поту и обнаружил, что лежит на боку под одной из лавок, свернувшись в клубок. Еще не рассвело, но он уже мог видеть очертания лежавших рядом с ним людей и надеялся лишь на то, что не кричал. Он снова закрыл глаза, но сон пропал.

Джейми лежал совершенно неподвижно, чувствуя, как постепенно успокаивается сердце, и ждал рассвета.

18 июня 1755 года

Джон Грей чрезвычайно вдумчиво готовился к этому вечеру: надел выстиранную рубаху тонкого полотна, шелковые чулки, заплел косу и попрыскался духами с ароматом вербены и лимона. Немного помедлил, но все же надел на палец и кольцо Гектора.

Трапеза выдалась на славу: подстреленный им самим фазан, поданный с зеленым салатом, который был приготовлен из уважения к удивительному вкусу гостя и учитывал его взгляды на пользу.

После еды они уселись за шахматами и принялись размышлять о миттельшпиле, оставив до лучших времен прочие темы для беседы.

– Желаете ли хереса? – спросил Грей, опустил на поле своего слона и потянулся.

Углубившийся в анализ позиции Фрэзер согласно кивнул.

– Благодарю вас.

Грей поднялся и, оставив Фрэзера у камина, пошел к буфету в другой угол комнаты. Он достал бутылку и почувствовал струю пота, потянувшуюся по его боку. В помещении вовсе не было слишком жарко, он всего лишь ужасно волновался.

В одной руке майор принес к шахматному столу бутылку, в другой – бокалы из уортерфордского хрустала, что прислала ему мать. В хрустальные емкости с журчанием полился херес, блестящий в отблесках огня янтарным и розовым. Фрэзер рассеянно следил за процессом разливания вина, но явно размышлял о своем, спрятав свои голубые глаза за прикрытыми веками. Грей задумался, что так увлекло мысли его соперника. Очевидно, что не шахматная партия – ее результат был понятен.

Майор передвинул слона на фланге. Он знал, что таким образом лишь отодвигает срок неизбежного поражения, но тем не менее угрожает ферзю Фрэзера, вынуждая произвести обмен ладьи.

Сделав ход, хозяин встал и подложил в камин торфа. Он потянулся и зашел за спину соперника, чтобы посмотреть на расположение фигур с его стороны.

В это время Джеймс Фрэзер тоже привстал над столом, чтобы разглядеть позицию получше. Он наклонился к камину, и в его рыжих волосах мелькнули отблески пламени, вторящие игре хереса в хрустальном бокале.

Фрэзер стянул волосы в «хвост» черной лентой, развязать ее можно было одним легким движением. Грей вообразил, что трогает пальцами густые блестящие локоны, проводит по голове рукой, прижимает ладонь к теплому затылку...

Он бессознательно сжал кулак, как будто все это случилось на деле.

– Ваш ход, майор.

Услышав негромкую реплику противника, он вернулся с небес на землю, вернулся на свое место и невидящим взором уткнулся в шахматную доску.

При этом он чувствовал любое движение шотландца, даже не глядя на него. Впрочем, не смотреть на него он не мог: Фрэзер, казалось, наэлектризовал даже воздух. В попытке скрыть чувства Грей пригубил свой бокал с хересом, однако почти не почувствовал вкуса.

Шотландец оставался неподвижным, на его лице казались живыми одни глаза, изучавшие шахматную доску. Тени от затухающего пламени камина подчеркивали его могучий силуэт. На столе лежала его рука, окрашенная огнем черно-золотым; она была так же неподвижна и идеальна, как выбившаяся из игры пешка, стоявшая подле нее.

Грей потянулся к слону на ферзевом фланге, и голубой камень в его перстне предостерегающе вспыхнул.

«Это плохо, Гектор? – подумал он. – То, что я могу полюбить человека, который, возможно, убил тебя?»

А вдруг это способ исправить прошедшее, вылечить раны, полученные ими обоими при Каллодене?

Слон мягко встал на нужную клетку, рука Грея, будто бы сама по себе, словно она обладала собственной волей, легла поверх кисти Фрэзера.

Кисть была теплая – такая теплая! – но твердая и неподвижная, как мрамор. Неподвижным казалось все вокруг, лишь отражались огоньки в хересе. Грей поднял глаза и встретил взгляд шотландца.

– Уберите руку с моей, – очень тихо сказал ему Фрэзер. – Иначе я вас убью.

Ни рука под ладонью Грея, ни лицо узника не дрогнули, однако Джон Грей всем существом почувствовал гнев, ненависть и отвращение, пронизывавшие его гостя до мозга костей.

И тут он вдруг в очередной раз припомнил слова Кварри. Они раздались у него в голове так ясно, словно полковник прошептал их ему на ухо: «Будете ужинать наедине, не поворачивайтесь к нему спиной».

Какое там! Он не мог даже отвернуться, даже отвести глаза, или моргнуть, или как-то еще избавиться от властного взгляда Фрэзера. Очень медленно, как будто он держит взведенную бомбу, Грей отвел руку.

Воцарившуюся в комнате тишину нарушали только шум дождя и треск торфа, горевшего в камине. Некоторое время соперники, похоже, и не дышали. Потом Фрэзер молча встал и вышел.

Глава 12

Жертвоприношение

Внутренний двор, вымощенный камнем, и ряды выстроившихся на нем мокрых и мрачных заключенных поливал холодный дождь. Впрочем, солдаты в красных мундирах, стоявшие в оцеплении, казались не менее унылыми.

Майор Грей ожидал под крышей крыльца. Разумеется, погода не способствовала генеральной уборке камер, однако надеяться на солнце в это время года не приходилось, а небольшие камеры, в которые набили не менее двухсот узников, требовалось мыть не реже раза в четыре недели.

Дверь открылась, и во двор вышла группа доверенных заключенных, работавших на уборке большой камеры под бдительным надзором охраны. За ними шел капрал Данстейбл, держа в руках кучу изъятого при обыске, как обычно проводимого вместе с уборкой.

– Как всегда, ничего стоящего, сэр, – сообщил он и положил добытое на бочку, поставленную рядом с майором. – Если что и есть заслуживающее взгляда, то вот оно.

«Это» оказалось тряпицей размером приблизительно шесть на четыре дюйма, лоскутом зеленого тартана. Данстейбл скосился на унылых узников, словно подумал, что кто-то не выдержит и выдаст себя.

Вздохнув, Грей выпрямил спину.

– Пожалуй, да.

По указу короля хайлендерам было строго запрещено носить шотландское платье, и найденный тартан, несомненно, можно было считать проступком. А любой проступок требовал наказания.

Майор вышел из-под козырька, а капрал воздел руку с тряпкой и громко, на весь двор, закричал:

– Это чье? Признавайтесь быстро!

Посмотрев на цветной клочок ткани, Грей оглядел заключенных и попытался соотнести их имена со своими, не такими уж глубокими, познаниями в шотландских узорах. Детали клеток различались даже внутри одного клана, однако каждому клану был свойствен тот или иной набор цветов.

Макалестер, Хейс, Иннес, Грэм, Макмартри, Маккензи, Макдональд... Стоп. Маккензи. Вот оно! Ответ офицеру подсказали не столько познания в расцветках тартана, но и внимание к лицам узников. К примеру, юный Маккензи был подозрителен уже тем, что сохранял неизменную невозмутимость. Он был, похоже, слишком бесстрастен для своего возраста.

– Это ведь твое, Маккензи, да?

Грей перехватил у капрала тартан и сунул его под нос юноше. Заключенный побледнел, что стало видно даже под разводами грязи на его лице. Рот Маккензи перекошило, он тяжело, со свистом, дышал носом.

Торжествующий Грей испепелял мальчишку взглядом. Конечно, молодой шотландец, как и все они, беспримерно ненавидел врагов, но в силу возраста не смог защититься бесстрастной маской, и теперь майору было ясно, что стоит чуть-чуть дожать – и он сломается.

– Это мой тартан.

Ни Маккензи, ни Грей сперва даже не поняли, что произнес этот спокойный, чуть ли не скучающий голос. Они застыли, уставившись друг на друга, и тут из-за плеча Энгюса Маккензи протянулась чья-то большая рука и вынула из руки офицера кусок ткани.

Джон Грей мгновенно отпрянул, как будто получил удар под ложечку. Забыв о Маккензи, он немного поднял глаза и посмотрел на Джеймса Фрэзера.

– Это не цвета Фрэзеров, – еле выговорил начальник онемевшими губами. Впрочем, онемело все его лицо, и он мог лишь радоваться этому, поскольку застывшая маска помогала ему скрыть смятение, которое требовалось непременно скрыть от заключенных.

Фрэзер приоткрыл рот, и Джон Грей впился в его губы взглядом, так как страшился посмотреть шотландцу в глаза.

– Так и есть, – подтвердил последний. – Это тартан Маккензи, клана моей матери.

В глубине сознания Грея, словно в папке, на обложке которой написано «Джейми», сохранились сведения о семье и близких Фрэзера. Он точно знал, что мать Джейми действительно была из клана Маккензи. Так же точно, как то, что тартан не его.

Майор заговорил – заговорил чужим и спокойным голосом, будто кто-то другой:

– Владение тартанами клана запрещается законом. Вам ведь известно, какое наказание за это следует?

Крупный рот растянулся в ухмылке.

– Известно.

Среди заключенных раздался ропот. Казалось, никто не движется, однако Грей почувствовал, как все узники стали приближаться к Фрэзеру, обступать его и окружать. Они взяли его в кольцо и оттеснили начальника тюрьмы.

Джейми Фрэзер вернулся к своим.

Грей из последних сил отвел глаза от потрескавшихся под солнцем и ветром крупных губ. На лице Фрэзера было написано именно то, чего Джон Грей так страшился: не страх, не злость – лишь безразличие.

Комендант подал знак охранникам.

– Взять его!

Майор Джон Уильям Грей склонился над столом и, не читая, подписывал документы один за другим. Нечасто ему приходилось до такого позднего времени засиживаться за бумагами, но днем времени не нашлось совершенно, а канцелярских дел набралось множество.

«Двести фунтов пшеничной муки», – вывел он ровные буквы. Самое плохое в такой работе было то, что она требовала большого количества времени, но не спасала от неприятных раздумий и дурных воспоминаний.

«Шесть больших бочек эля для нужд солдат».

Бросив перо, Грей с силой растер руки, пытаясь избавиться от озноба, который пробрал его еще утром во дворе. Однако безуспешно: Джону Грею по-прежнему было холодно, его трясло.

Жарко горел камин, но это мало спасало, к тому же Грей не приближался к огню и старался на него не смотреть. Достаточно.

Он попытался сделать это единственный раз за день и, словно заколдованный, уставился в огонь: перед ним развернулись события минувшего дня, и очнулся он, только когда огонь подобрался к его мундиру.

Грей вздохнул и вернулся к бумагам, пытаясь изгнать из памяти ужасную картину...

Подобные наказания не стоит откладывать, поскольку их ожидание возбуждает у узников беспокойство, из которого вытекают самые неожиданные последствия. При этом скорые и внезапные экзекуции чаще всего благотворно влияют на них и дисциплинируют: внушают положенный трепет к вышестоящим лицам, охране и правилам тюрьмы. Впрочем, Джон Грей отнюдь не надеялся, что этот случай прибавит уважения к нему самому.

Ровным голосом, точно и быстро он сделал положенные приказания, и те были так же точно и быстро приведены в исполнение. Грей старался не обращать внимания на чувство, словно кровь, текущая в его жилах, превратилась в холодную воду.

Узники построились в каре вдоль стен внутреннего двора; их охраняли солдаты с байонетами на изготовку, готовые немедленно прекратить любую попытку помешать наказанию.

Однако бунтовать никто не пытался, беспорядки не устраивали. В промозглом дворе тихо стояли и ждали люди, и молчание их нарушалось только кашлем и чиханием, неудивительными в толпе простуженных. Близилась зима, во время которой все обычно болели, не только в сырых камерах, но и в казармах.

Майор стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел, как заключенного вели на эшафот. Грей вздрагивал, когда холодные дождевые капли попадали ему за ворот, а голый по пояс Фрэзер вел себя так, будто предстоящее наказание было для него обычным, ничего не значащим делом.

По команде майора узника подвели к месту экзекуции, и он спокойно дал себя привязать к столбу.

Фрэзер, рот которому заткнули кляпом, стоял очень ровно, и по его поднятым рукам и голой спине стекали капли дождя, впитывавшиеся затем в тонкую материю штанов.

Майор кивком дал команду сержанту, который держал постановление о наказании, отчего с полей офицерской шляпы полился небольшой водопад. Грей раздраженно поправил головной убор и мокрый парик и вновь встал во фронт, услышав краем уха лишь:

– ...Согласно закону о запрете килтов и тартанов, изданному парламентом его величества, виновный в вышеупомянутом преступлении должен быть приговорен к шестидесяти ударам плетью.

С выработанным бесстрашием Грей посмотрел на сержанта-кузнеца – исполнителя наказания: обоим это приходилось делать не в первый раз. Дождь так и не прекратился, и потому майор не рискнул повторять кивок шляпой, а лишь сказал то, что требовалось от него по уставу:

– Мистер Фрэзер, примите наказание.

Грей застыл, не в силах отвести взгляд, и смотрел на то, как на узника обрушиваются удары, слышал глухой звук плети и хриплое дыхание шотландца.

Могучие мышцы Джейми инстинктивно напрягались в попытке противостоять ударам, бугрились под кожей; в ответ у майора так заболели его собственные мускулы, что он места себе не находил. Кровь со спины истязаемого, смешиваясь с дождевой водой, стекала вниз, на его штаны.

Вокруг Грея стояло множество людей – и солдаты, и узники, – однако глаза всех собравшихся были прикованы к столбу для порки и человеку, привязанному к нему. Никто даже не кашлял.

При этом все чувства, словно липкая глина, перекрывало отвращение к себе, следовавшее из печального обстоятельства: все смотрели на наказание вовсе не из чувства долга. На самом же деле никто не мог оторваться от вида струи крови и воды, стекавшей по сведенным болью мышцам.

Кузнец делал между ударами очень небольшие промежутки. Он спешил: ему, как и остальным, хотелось поскорее покончить с неприятным делом и попасть в теплое помещение. Гриссом громко вел счет и каждый удар записывал в протокол. Время от времени сержант счищал пальцами с плети куски плоти и кровь узника, затем встряхивал свое орудие, крутил им над головой и вновь опускал на спину жертвы.

– Тридцать! – крикнул сержант...

Майора Грея стошнило прямо на ровно сложенные документы, лежавшие в нижнем ящике стола.

Он изо всех сил впился ногтями в ладони, но озноб не проходил. Он шел изнутри костей, как мороз.

– Прикройте его одеялом, скоро я подойду.

Голос врача, англичанина, звучал откуда-то с небес, и он не заметил никакой связи между ним и руками, уверенно взявшими его за плечи.

Его переместили, и он не смог сдержать крика от боли в открывшихся от движения ранах на спине. От того, что по бокам вновь потекла кровь, усилился озноб, не проходивший и под грубым одеялом, которое накинута ему на плечи.

В попытке справиться со страшной дрожью он прижался щекой к деревянной лавке и вцепился в нее руками. Неподалеку от него слышались какие-то шорохи и шаги, однако он пытался перетерпеть боль и не мог отвлекаться.

Стукнула дверь, и наступила тишина. Неужели его оставили одного? Но вновь слышались чьи-то шаги, и рука стянула с его истерзанной спины одеяло.

– М-да. Досталось тебе, малый.

Он промолчал, но никто и не ждал от него ответа. Врач ненадолго повернулся, а затем Джейми ощутил его руку, которая подхватила его голову под щеку, подняла ее над лавкой и положила на грубую деревянную лавку полотенце.

– Я очищу раны, – ровно сказал врач.

Руки доктора дотронулись до спины, он резко выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, услышал непонятное поскуливание и, к собственному стыду, понял, что этот звук издал он сам.

– Сколько тебе лет, малый?

– Девятнадцать, – сказал он и прикусил губу, чтобы сдержать стон.

Некоторое время доктор мягко касался его спины тут и там, потом куда-то делся, и он услышал звук опускающегося засова.

– Вот теперь никто не зайдет, – добродушно сказал вернувшийся к нему врач. – Можешь кричать.

– Эй! – повторял снова и снова кто-то невидимый. – Очнись, дружище!

Он с трудом пришел в себя, почувствовал щекой грубую доску и не сразу понял, куда попал. До щеки дотронулась чья-то выплывшая из темноты рука.

– Дружище, ты скрежетал во сне зубами, – прошептал этот кто-то. – Так сильно болит?

– Ничего, терпеть можно, – пробормотал он.

Однако когда он попытался встать, его настигла такая жгучая боль в спине, уже не во сне, а наяву, что он непроизвольно хрипло застонал и вновь упал на лавку.

Он оказался счастливым, и при выборе палача жребий выпал Доусу, крепкому, здоровому солдафону средних лет, который не отличался жестокостью, не любил телесные наказания и исполнял свои обязанности лишь по необходимости. Но шестьдесят ударов плетью, пусть и без рвения, не могли пройти просто так.

– Ты что, с ума сошел? Нагреть надо, но не так же. Или ты хочешь его ошпарить? – с укором выговорил кому-то Моррисон.

О да, Моррисон, как же иначе. «Интересно, – в полузабытьи подумал он. – Если встречается несколько человек, каждый непременно находит дело, подходящее для себя, даже если до того никогда с этим делом не встречался».

Когда-то Моррисон, как и большинство узников-шотландцев, работал на ферме. Скорее всего, хорошо ладил с животными, но мало об этом думал. В тюрьме же он превратился в знахаря и целителя, к которому обращались за советом хоть с болью в животе, хоть с вывихнутым пальцем. Возможно, он на самом деле мог помочь лишь совсем немного лучше прочих, но больные шли к Моррисону за помощью так же, как к Макдью за утешением, советами и справедливостью.

На его спине оказалась очень горячая ткань, и раны стало жечь так, что он издал непровольный стон и изо всех сил сжал зубы, сдерживая крик. Моррисон тут же положил рядом свою небольшую ладонь.

– Терпи, дружище, скоро будет не так больно.

Наконец морок рассеялся, он заморгал и закрутил головой в попытке понять, кто и что ему говорит. Вскоре он понял, что находится в темном углу большой камеры, возле очага. Над огнем поднимался пар, видимо, в котелке нагрели воду.

Уолтер Маклауд на его глазах опустил в кипяток ворох тряпок. В свете очага темные борода и брови товарища отдавали красным. После того как горячие тряпицы на его спине остыли и стали приятно-теплыми, он прикрыл глаза и задремал под тихие беседы сидевших рядом.

Это состояние сонной отстраненности было ему хорошо известно. Он переживал его с момента, как поверх плеча молодого Энгюса вытянул руку и взял в руку лоскут тартана. Словно с той минуты, когда он решился поступить так, его накрыла невидимая пелена и отделила от остальных людей, и он оказался в одиночестве, каком-то тихом месте, далеко-далеко от всех.

Он, словно во сне, пошел за охранником, разделся по пояс, как ему приказали, поднялся к столбу, выслушал приговор, не вдумываясь в смысл сказанного, не обратил внимания ни на веревки, которыми были связаны его руки, ни на ливень, бивший по обнаженной спине. Словно все это уже когда-то было и ничего нельзя было переменить: все было предназначено свыше.

Что до порки, то он перенес ее без дум и сожалений. Для этого просто не осталось сил: он потратил силы на то, чтобы противостоять боли.

– Тихо, тихо...

Моррисон задержал руку на его шее, чтобы, когда холодные мокрые тряпки заменили свежими горячими, он не мог пошевелиться.

Новая припарка обострила все чувства. Впрочем, в его состоянии все чувства казались одной силы. При желании он мог почувствовать каждый рубец на собственной спине, увидеть в мыслях воображаемую яркую полосу на темном фоне. Но боль от кровавых ран, покрывших его спину и бока, не могла перебороть необычайную легкость в ногах, тянущее неудобство в запястьях и даже щекотание, вызванное волосами, касавшимися щеки.

В ушах медленно и ровно стучало, а грудь поднималась и опускалась отдельно от дыхания. Он не чувствовал свое тело целиком, а воспринимал его как набор отдельных неважных кусочков, каждый из которых давал о себе знать.

– Давай, Макдью, – услышал он голос Моррисона возле уха. – Приподними голову и выпей.

В нос сильно ударил запах виски; он попытался отвернуться.

– Мне не надо.

– Надо, – с непоколебимой уверенностью проговорил Моррисон: как и все знахари, целители и прочие доктора, он твердо знал, что гораздо лучше понимает, что нужно пациентам, а что нет.

Для спора не было ни сил, ни желания, потому он поднял дрожащую от слабости голову, открыл рот и отпил маленький глоток виски.

К разнообразным ощущениям в организме добавилось и влияние виски. Стало жечь в горле, печь в желудке, щипать где-то в носу и кружиться в голове, что свидетельствовало о том, что он выпил слишком много и слишком быстро.

– Ну еще чуть-чуть, давай? – принялся хлопотать над ним Моррисон. – Отлично, молодец. Получше теперь, правда?

Моррисон без конца бормотал что-то утешительно и постоянно старался стоять так, чтобы загораживать Фрэзеру своим полным телом обзор большей части камеры. Из большого окна дуло, но воздух вокруг волновался явно не только из-за сквозняка.

– Как твоя спина? Уже к завтрашнему дню раны затянутся, только тебе придется шевелиться поменьше и ходить осторожнее, но это же ненадолго, да и мне кажется, что не так уж все плохо, как могло быть. Но, конечно, тебе не повредит еще выпивка.

И крепко прижал к его рту чашу из рога.

Моррисон никогда не был болтуном, но сейчас он не закрывал рта и говорил много, громко и ни о чем, что наводило на размышления. Фрэзер попытался приподняться, чтобы понять, что случилось, но Моррисон с силой опустил его на лежанку.

– Тихо, Макдью, лежи, – шепнул он. – Ты все равно не сможешь это прекратить.

Из дальнего угла камеры неслись какие-то странные звуки (то, от чего пытался оградить его Моррисон): стуки, перетаскивание чего-то большого, ровные глухие удары, тяжелое дыхание и тихие стоны.

Били юного Энгюса Маккензи. Фрэзер с усилием попытался подняться, но тело вспыхнуло от боли, голова закружилась, и он упал обратно, при этом Моррисон вновь схватил его на плечи, заставляя оставаться на месте.

– Лежи, Макдью, – властно и в то же время примирительно сказал он.

У Фрэзера опять закружилась голова, и он больше не пытался встать; к тому же он осознал правоту Моррисона: ему это не остановить.

Он неподвижно лежал с закрытыми глазами и ждал, когда утихнут звуки. Интересно, кто затеял эту расправу? Вероятнее всего, Синклер, но, кажется, в этом наверняка приняли участие и Хейс с Линдси.

Скорее всего, они не могли поступить иначе, так же, как не мог он или Моррисон. Все выполняют то, для чего появились на свет. Кто-то лечит, кто-то убивает.

Стуки и шаги, раздавалось лишь чье-то тяжелое сопение. Джейми несколько расслабился и, когда Моррисон снял с него припарки и осторожно убрал со спины остававшуюся влагу, даже не шевельнулся. Вскоре на него повеяло неожиданным холодом из окна, и Джейми стиснул зубы, чтобы не крикнуть. Сегодня его рот заткнули кляпом; это было правильно, потому что когда-то, когда его пороли впервые, он, пытаясь не кричать, чуть не откусил себе губу.

К его рту кто-то поднес кружку с виски, однако он отвернулся, и кружка быстро исчезла. Ее с радостью примут другие. Скорее всего, ирландец Миллиган.

Одни любят выпить, другие ненавидят. Одни любят женщин, другие...

Он вздохнул и чуть шевельнулся, ощутив под собой жесткость досок койки. Моррисон прикрыл его одеялом и ушел. Он был вымотан и разбит, но из дальних уголков сознания уже выплыли некоторые мысли.

Моррисон унес свечу, и теперь она светила в дальнем углу камеры. Возле источника света кучно сидели узники; в слабом свете они казались безликими черными фигурами, обрамленными золотыми лучами, как святые в старинных книгах.

Интересно, откуда берутся дары, определяющие человеческую натуру? От Бога? Это напоминает схождение Заступника и свет, сошедший на апостолов? В материнской гостиной висела картина на библейский сюжет: сияющие пламенем апостолы сами растеряны, изумлены и испуганы тем, что с ними произошло, и похожи на восковые свечи, зажженные для пира.

Улыбаясь воспоминанию, он закрыл глаза, и перед глазами запрыгали огоньки от горящей свечи.

Клэр, его Клэр, знала, что послало ее к нему; она попала в жизнь, явно не предназначенную для нее. И несмотря ни на что, она знала, что делать и что суждено делать. Совсем не каждому это дано – осознать свой дар.

Рядом послышались осторожные шаги, и он открыл глаза. Увидел рядом с собой лишь темный силуэт, но сразу понял, кто это.

– Ты как, Энгюс? – негромко спросил он по-гэльски.

– Я... да. Но вы... сэр, я хочу сказать... я... мне так жаль...

Джейми дружески пожал его руку.

– Со мной все хорошо, – сказал он. – Приляг, Энгюс, и отдохни.

Молодой человек склонился и поцеловал его руку.

– Можно мне побыть рядом с вами, сэр?

Рука была страшно тяжела, но он сумел ее поднять и возложить на голову парнишки. Вскоре рука упала, но он почувствовал, что Энгюс успокоился: его прикосновение сделало свое доброе дело.

Он родился вождем, но ему пришлось смириться и достойно испить до дна горькую чашу. Но каково человеку, не предназначенному для той участи, для которой был рожден? Скажем, Джону Грею или Карлу Стюарту.

Впервые за десять лет он смог найти в себе силы и простить слабого человека, некогда бывшего ему другом. Наконец-то он, много раз плативший столько, сколько требовал его дар, смог осознать тяжесть участи того, кто оказался королем по рождению, но не по сути и призванию.

Рядом с ним, прислонясь к стене, сидел Энгюс Маккензи и тихо спал, завернувшись в одеяло и опустив голову на колени. Фрэзера тоже стал понемногу одолевать сон, суливший соединение разбитых частей его некогда цельной натуры, и он понял, что проснется поутру, вновь обретая целостность – но не исцелив еще все телесные потери.

И сразу же появилось облегчение: теперь он избавлен от многих забот и невзгод, прежде всего от непомерного груза ответственности, от необходимости единолично решать все. Одновременно с возможностью поддаться искушению исчезло и оно само, но главное, что исчезло, возможно навсегда, это гнев.

«В общем, – подумал он через густеющий туман, – Джон Грей вернул мне мою судьбу и лишь за это одно заслужил благодарность».

Глава 13

Миттельшпиль

Инвернесс, 2 июня 1968 года

Утром в кабинет зашел Роджер и обнаружил, что Клэр, свернувшись, как кошка, спит на диване под пледом. На полу валялись документы, которые выпали из папки. Из больших французских окон в кабинет лился свет, но Клэр спряталась за высокой спинкой дивана, и лучи не добирались до ее лица. Лишь один солнечный зайчик пробрался сквозь пыльную бархатную обивку и играл в локонах.

«У нее не лицо, а просто зеркало», – подумал молодой историк о Клэр.

У нее была такая белая кожа, что голубые жилки светились на висках и на шее, а профиль казался вырезанным из слоновой кости.

Плед сполз с плеч, и стало видно, что она спит, прижав к груди руку, в которой держит помятый лист. Роджер бережно приподнял руку и вынул бумагу, не разбудив Клэр. Ее тяжелая рука была удивительно теплой и нежной.

Он сразу выхватил глазами имя: Роджер знал, что она его отыщет.

– Джеймс Маккензи Фрэзер, – шепнул он и перевел взгляд с листка на спавшую женщину.

Ее ушную раковину тронул солнечный луч; Клэр шевельнулась, отвернулась и опять уснула.

– Не знаю, каким ты был, дружище, – обратился Роджер к призрачному шотландцу, – но коли она тебе досталась, то наверняка был парнем что надо.

Роджер тихонько поднял плед на плечи Клэр, опустил жалюзи и, опустившись на корточки, собрал документы из папки Ардсмьюира. Ардсмьюир. Даже если в этих записях и не описана дальнейшая судьба Джейми Фрэзера, что-то о нем наверняка обнаружится в архивах тюрем из других частей страны. Возможно, понадобится ехать в Хайленд или в Лондон, но, по крайней мере, понятно, как действовать дальше.

Он очень осторожно, почти как стеклянную, закрыл за собой дверь кабинета. Брианна, спускавшаяся по лестнице, посмотрела на него вопросительно, и он воздел папку и улыбнулся.

– Нашли, – прошептал Роджер.

Брианна молча улыбнулась в ответ. И улыбка озарила ее лицо, словно рассветное солнце.

Часть четвертая Озерный край

Глава 14 Джинива

Хэлуотер, сентябрь 1756 года

– Полагаю, – осторожно проговорил Грей, – вам следовало бы сменить имя.

Ответа не последовало, но он и не рассчитывал на него, поскольку все четыре дня, сколько длилось путешествие, Фрэзер упорно молчал. Он не говорил с Греем даже тогда, когда они ночевали в одной комнате и приходилось решать, кому занять какую постель.

Вот и сейчас Фрэзер сделал вид, что не услышал замечания Грея. Сидя в стареньком плаще перед камином, он ни жестом, ни взглядом не дал понять, что согласен или, напротив, не согласен на смену имени. Лежащий в кровати Грей справедливо рассудил, что с учетом множества клопов и блох спать перед очагом – мудрое решение.

Следующий день также не принес результатов – Фрэзер молчал.

– Господин, которому вы будете служить, мягко говоря, не любит приспешников Карла Стюарта и не жалуется его самого, ведь при Престонпансе погиб его единственный сын. – Фрэзер не повернул головы. Гордон Дансени был молодым капитаном из полка Болтона. Когда бы не встреча в лесу близ Кэрриарика, лежать бы им обоим павшими на поле брани.

– По вашему выговору и в силу сложившихся обстоятельств вам не удастся скрыть того, что вы шотландский горец. Но если вы будете вести себя благоразумно, возможно, использование псевдонима облегчит вам жизнь. Поверьте, я не советую вам ничего плохого.

Фрэзер, казалось, совершенно оглох. С тем каменным выражением лица, с каким путешествовал все эти дни, он пустил коня вперед, чтобы обогнать гнедого Грея. Тропу смыло наводнением, но он, видимо, намеревался найти ее.

Вечером они миновали Эшнесский мост, спускаясь к озеру Уотенлеф. Эта озерная английская местность – вовсе не то что Шотландия! Правда, здесь есть горы – мягче, глаже, чем шотландские, здесь нет суровости утесов, привычной для хайлендеров, но это горы.

Озеро Уотенлеф после прошедших летом обильных дождей вышло из берегов, и теперь над мрачной поверхностью просматривались верхушки кустов. Кое-где еще виднелись осока и тростник, не скрытые совершенно водой. Растительность болотистых берегов качало осенним ветром.

Очередной холм, который нужно было преодолеть путникам, был не похож на другие: на нем тропинка расходилась и следовало выбрать путь. Фрэзер молча остановился, ожидая, пока Грей укажет, куда следует ехать. Он не заплел волосы, и теперь ветер играл ими, обрамляя его мужественное лицо огненными языками.

Джон Уильям Грей, бредя по жиже, взглянул вверх на холм, где остановился его подконвойный, и затаил дыхание: фигура Фрэзера была похожа скорее на величественную статую всадника, сделанную из бронзы, но никак не на живого человека, ожидающего мелочного указания.

– О Люцифер, сын зари⁶, – тихонько проговорил Грей, чувствуя, как пересохло у него в горле. Он не стал заканчивать фразы.

⁶ Исаия, 14:12. Полный русский перевод: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы».

Те четыре дня, которые Джейми был в Хэлуотере, он невыразимо страдал. Ему казалось, что он, пусть и ненадолго, обрел свободу, но в то же время он не мог не понимать того, что неизбежно станет пленником богачей, их прислугой, а это, разумеется, не могло радовать и внушало опасения: каково-то придется на новом незнакомом месте? В его смятенной душе боролись различные чувства: гнев из-за невозможности изменить свое положение и помочь товарищам, печаль, оттого что пришлось покинуть родной край, невыразимая тоска при мысли, что, возможно, никогда не придется вновь увидеть ни семьи, ни друзей, ни родины, а в дополнение к этому противным напоминанием о человеческой слабости была боль в ягодицах – он давно не ездил верхом. Все это ранило ему душу, и самым легким способом разрешить этот клубок противоречий было убить майора Джона Уильяма Грея и скрыться, но слово чести удерживало его от этого отчаянного поступка.

Джейми вспоминал, какое унижение пережил, стоя в кабинете коменданта крепости. Он даже плохо слышал, что ему говорят, настолько шумело у него в ушах.

– Крепость почти вся обновлена. Этим мы обязаны вам и вашим людям, – Грей, пользуясь данной ему властью, иронизировал, – каковые будут переведены в другую крепость. Ардсмьюир станет месторасположением гарнизона его величества двенадцатого драгунского полка.

Плененных во время боя и после него шотландцев отправят в колонии Америки, где они будут проданы местным колонистам сроком на семь лет, в течение которых будут обязаны выполнять все работы согласно рабочему контракту.

Джейми пытался не выдать свои чувства и молчал, слушая новости, касающиеся Ардсмьюира и его обитателей. Когда Грей ровным голосом сообщил о судьбе шотландцев, Джейми ощутил, что застыл на месте, пораженный услышанным.

– Согласно контракту? На семь лет? Это рабство!

Но это было еще хуже рабства. Попасть в Америку! Страну, где в густых лесах живут дикари, страну, которая находится в трех тысячах миль от Британии, причем это расстояние можно преодолеть лишь по воде. Быть рабом в течение семи лет тяжело, очень тяжело. Но быть рабом в течение семи лет в далекой Америке, не имея возможности видеть родину и теряя надежду когда-нибудь увидеть ее... Их не просто отправляют в рабство – их навсегда изгоняют из страны.

– Фрэзер, вы ведь знаете, что работник, трудящийся по контракту, – не раб. – Ленивые слова Грея разозлили Джейми: майор не мог не знать того, что работник и раб, в сущности, одно и то же, только работник – если не надорвется от непосильного труда – может рассчитывать освободиться, когда выйдет срок его контракта.

Осужденный работник, то есть человек, по решению суда вынужденный выполнять определенную работу, во всех отношениях состоял в рабстве: он не мог выбрать, к кому идти в услужение, не мог оставлять хозяйский дом без разрешения господина, в конце концов его могли выпороть, заклеить, подвергнуть любому наказанию, кроме смертной казни, и осужденный ничего не мог поделать. Ему оставалось разве надеяться, что он выдержит все лишения, оговоренные контрактом, и выйдет на свободу, сохранив хоть каплю былой силы.

Такая участь была уготована Джеймсу Фрэзеру.

– Вы не попадете в Америку, – Грей избегал смотреть на пленника. – Вас приговорили к тюремному заключению как изменника, а такой приговор может изменить только его величество лично. Но его величество не желает отправлять вас в колонии.

Джейми почувствовал странную радость, постыдное облегчение: он не покинет Шотландию навечно. Что бы ни ожидало его впереди, это в любом случае было лучше, нежели путешествовать по морской пучине в корабле, навсегда увозящем от родных берегов. Он понимал, что стыдно радоваться в то время, как его товарищи сполна пьют отпущенную им чашу горечи

и унижения, он сочувствовал им и гневался, оттого что никак не мог им помочь, но все же был рад этой новости.

– Золото. Вы не отправляете меня далеко, потому что я знаю о золоте, так? – Джейми холодно смотрел на Грея, пытаясь скрыть свою радость и стыдясь ее.

О, английская корона на многое пойдет, чтобы узнать тайну сокровища, пусть и полумифического! Поэтому его не отдали на волю волн и не сгноили в колониях. Но как знать, может, сгноят здесь, не сумев разговаривать с ним?

Майор Грей повел плечом, что нужно было понимать как согласие.

– Куда же я отправлюсь, если не за море?

Он не смог совладать с внезапно охрипшим голосом.

Грей перебирал бумаги, складывая их в стопочку. Сентябрьский теплый ветер шуршал ими, влетая в окно.

– В Хэлуотер. Это Озерный край Англии. Вы будете в услужении у лорда Дансени. Впрочем, он сам решит, какие работы вы будете выполнять.

Светло-голубые глаза майора, поднявшего голову при своих последних словах, были непроницаемы.

– Вы будете иметь удовольствие видеть меня каждые три месяца: я буду проверять, как идет ваша работа.

Джейми мог разве фантазировать, как расправится с майором. Смотри на красный мундир, едущий верхом впереди, он представлял, как хватается Грея за тонкую шею и тот выкатывает глаза, бьется в судорогах и умирает.

Король не имеет к его судьбе никакого отношения, это уж наверняка. Проклятому майору захотелось проучить его, и он обделал все так, что может приезжать смотреть на мучающегося Джейми и злорадствовать, вот такая месть.

Вечера в тавернах Джейми проводил в ярости, гневаясь и на хитрого майора Грея, и на свое бессилие, и на усталость от долгого пути. Рассвет не приносил облегчения.

Он не говорил с майором, но очень хотел повода, чтобы расправиться со своим спутником-мучителем. Любое движение Грея выводило его из себя, даже дыхание майора раздражало. Но тот либо не догадывался о чувствах пленника, либо намеренно не давал ему повода выпустить пар: он вел себя прилично, иногда пытаясь завязать разговор, но когда его попытки не приносили результата – а они не принесли его ни разу, – он оставлял их.

Мост Хэлвеллин остался позади. Взору открылось еще одно прекрасное озеро, каких было очень много в этом крае, – недаром он назывался Озерным. Заросшее травой, оно было покрыто рыжими листьями, опавшими с кленов и лиственниц. Ветер бросал их в лица путникам. Грей остановился, но не для того, чтобы полюбоваться красотой озера.

Они были на месте: усадьба того, кому должен был служить Джейми, располагалась в долине, скрытая за деревьями, еще не скинувшими своей листвы.

Это был Хэлуотер – место, где Джейми должен провести несколько лет жизни как новый слуга хозяев усадьбы. Он собрал всю свою волю в кулак, чтобы достойно встретить своего будущего господина, и, сам того не желая, крепко стиснул бока лошади.

Главная гостиная была готова к приему приезжих. Грей говорил с лордом Дансени, который сделал вид, что не замечает дорожной пыли на одежде майора и грязи на его сапогах. Леди Дансени была невысокой полной блондинкой. Она ласково обратилась к Грею:

– Джонни, угощайся. Грех не выпить с дороги! Луиза, дорогая, приведи девочек – пускай поздороваются с гостем.

Леди была занята распоряжениями, а лорд, наклонившись к майору, тихо спросил его:

– Ты привез шотландца?

– Разумеется.

Леди Дансени, прежде говорившая с лакеем, теперь обсуждала с дворецким, какие блюда включить в обед, а какие, наоборот, исключить. Она не могла слышать мужниных слов, но его лордство был осмотрителен.

– Я не знал, что ты сделаешь с ним, так что он ждет в передней.

– Если он и правда способен управиться с лошадьми, как ты говорил, значит, из него будет добрый конюх. Я согласен с твоим предложением.

Лорд обернулся посмотреть на жену, заботившуюся, чтобы принять гостей как можно лучше: он намеренно стоял спиной к ней, чтобы слова не долетали до ее слуха.

– Она не знает, кого ты привез, – доверительно сказал баронет. – О зверствах хайлендеров во время восстания было рассказано немало. Их и сейчас побаиваются, так что не стоит пугать ее. После смерти Гордона она никак не придет в себя.

– Понимаю...

Грей коснулся руки лорда. Сам господин Дансени тоже скорбел о сыне, но как глава семейства не проявлял своих чувств открыто.

– Мы поступим так: я скажу, что ты порекомендовал мне слугу, а ты подтвердишь, что привез его. Да, Джонни, ему можно доверять? В смысле... мои дочери...

Дансени удостоверился, что жена не слышит его опасений, выраженных так обтекаемо.

– Конечно, можно. Он пообещал мне, что будет беспрекословно слушаться вас, а покидать ваши владения или входить в дом будет только по вашему приказу. Он дал слово чести.

Хэлуотер занимал около шестисот акров, так что его нельзя было быстро покинуть, но в нем легко можно было затеряться. Шотландия была далеко от этого места в Озерном крае Англии, но она была ближе, чем того можно было ожидать, находясь в дальних американских колониях или томясь в Ардсмьюире.

Дверь отворилась, впуская дочерей Дансени. Старик радостно встретил их.

– Джонни, помнишь Джиниву? – Он толкнул гостя навстречу девочкам. – Изабель была совсем малышкой, когда ты был здесь в последний раз. Как же быстро летит время...

Теперешней Изабель, небольшой пухленькой девчужке, похожей на мать, было четырнадцать. Джиниве было семнадцать. Ее трудно было узнать: Грей помнил разве длинную нескладную девочку, в которой не было того изящества и гордости, какие были в новой Джиниве, походившей более на отца, чем на мать. У лорда Дансени были такие же серые глаза, поражавшие своей ясностью, а кудри, сейчас уже седые, наверное, когда-то были такими – блестящими и каштановыми.

Девушки соблюли правила приличия, церемонно раскланявшись с майором, но было заметно, что их мысли заняты чем-то другим.

– Папа, – Изабель тронула отца за рукав, – в холле... находится какой-то мужчина, очень высокий. Он наблюдал за нами, пока мы шли сюда. Он выглядит устрашающе!

– Кто это? – вступила в разговор Джинива.

Она не стала расспрашивать подробно и восторгаться ростом незнакомца, поскольку это уже сделала сестра, к тому же девушке было важно знать, стоит ли человек в холле ее внимания или нет, одарить ли его на несколько минут царственным расположением или не стоит.

– М-м-м... должно быть, это наш новый слуга... Джон порекомендовал нам конюха, – замялся лорд Дансени. – Его отведут на конюшню...

Явившийся в дверях лакей обратил на себя внимание удивленным возгласом.

– Сэр, в холле стоит шотландец! – Он был потрясен до глубины души.

Красивым жестом он указал на холл, где молча стоял Джейми, завернувшись в плащ.

Услышав, что речь идет о нем, а значит, нужно представиться, напугавший девушек шотландец сделал несколько шагов вперед, остановился на почтительном расстоянии и обратился к лорду:

– Милорд, имею честь представиться – Алекс Маккензи, – зазвучал его мягкий голос, акцентом выдававший в нем горца. – Ваш слуга, милорд. – Джейми учтиво поклонился, сделав это как можно вежливее, чтобы не показалось, будто он иронизирует.

Работать в Хэлуотере конюхом было несложно, даже легче, чем работать на родной ферме или заготавливать торф. Но нельзя сказать, что Джейми не уставал: когда остальных шотландцев отправили в Америку, он остался один в камере и провел там два долгих месяца, не занятый работой. За это время он отвык заниматься чем-либо, так что Озерный край поначалу показался адом и каторгой. Его расслабленные мышцы теперь ужасно болели, руки отваливались, и он буквально валился с ног. Он ночевал на сеновале и всю первую неделю своей работы в Хэлуотере засыпал как убитый, не видя снов.

Он приехал сюда в сопровождении лорда Грея, чувствуя, что это место станет его новой тюрьмой, находящейся дальше от родины, чем Ардсмьюир, и более суровой, поскольку здесь ему придется выполнять все прихоти неизвестных, быть может, взбалмошных богатых хозяев. Для них он был пленным шотландцем, и им можно было помыкать как заблагорассудится, к тому же находясь словно на свободе, а не в заточении, он не был бы свободен по-настоящему, пообещав, что не покинет Хэлуотера. Однако с течением времени он немного оправился на свежем воздухе, а это оказало благотворное влияние и на его душу. Джейми оттаивал и понимал, что он имеет очень много: воздух, свет, возможность понежиться на солнышке и вдоволь походить, а еще можно было смотреть на горы, занимаясь лошадьми. Для бывшего узника это был очень много. Джейми не тяготился одиночеством, осознавая, что вряд ли сможет с этим что-то поделать. С лошадьми ему было интересно, а слуги хотя косились на него, но не встречали в конфликты, боясь его.

К зиме он почти успокоился и смирился с этой вполне сносной участью. Даже визиты регулярно навещавшего его майора не так стесняли Джейми, как прежде.

Дженни и Эуон получили возможность изредка писать ему, и оказия доставляла ему восточки из Лаллиброха. Их приходилось немедленно уничтожать по прочтении, чтобы не подвергать опасности ни себя, ни их. Письма приходили редко, а вот буковые четки, висевшие на шее под рубашкой, были с ним всегда, напоминая о родных.

Их тоже приходилось прятать, но Джейми очень часто касался деревянного крестика, молясь за тех, кого вынужден был оставить дома: Дженни, Эуона и малышей – маленьких Джеймса-младшего, Мэгги и Кэтрин Мэри, близняшек Майкла и Джанет и малютку Эуона-младшего. И арендаторов Лаллиброха он не забывал в своих молитвах, и ардсмьюирских друзей. И прежде всего – Клэр. Он вспоминал о ней самым ранним утром и самой поздней ночью, прося Господа охранить ее и дитя, а уж потом поминая всех остальных.

Весной, когда сошел снег, Фрэзер совсем утешился. Только леди Джинива Дансени нарушала его спокойствие.

Старшая дочь лорда была хорошенькой, но очень избалованной. Она привыкла, что все ее желания немедленно исполняют, чего бы это ни стоило исполнявшим, поэтому не могла себе представить, что кто-нибудь откажется выполнить ее прихоть. Леди Джинива отлично держалась в седле, это все знали, и все же перед тем, как вызваться ее сопровождать, конюхи тянули соломинку, до того она могла раскапризничаться в пути и поиздеваться над сопровождавшим.

Алексу Маккензи чаще всех доводилось сопровождать молодую госпожу – такова была ее воля.

Ей всегда хотелось добраться до предгорий, высившихся над Хэлуотером, затуманенным и потому очень опасным. Лорд Дансени запретил ей это делать, а конюхам велел удерживать девушку от безрассудного поступка. Но она не слушала уговоров Джейми и обычно отвечала, что отцовский запрет – чепуха, что ослушников никто не увидит и что конюх говорит глупости, пытаясь остановить ее.

– Едем! – срывалась с места она, бросая лошадь в галоп. Джейми не успевал удержать ее, а она со смехом смотрела, как он покорно семенит следом.

Нельзя было не заметить, что леди Джинива благоволит новому конюху, так что остальные подхихикивали, когда она приходила к лошадям, обменивались многозначительными взглядами и уж наверное судачили за спиной Джейми. Фрэзер очень хотел проучить госпожу, задав ей как следует, но он был слугой в Хэлуотере, следовательно, молчал или только ворчал.

Ему хотелось верить, что таким поведением он сможет отвадить ее от издевательств и проявлений показной симпатии и она займется кем-то другим, а в скором времени выйдет замуж. Последняя мысль грела его более всего, ведь тогда она уедет из Хэлуотера, и он сможет отдохнуть.

Май в Озерном крае был прекрасен. Было так тепло и хорошо, как редко бывает в Англии, где обыкновенно земля сливается с облаками благодаря туману, покрывающему ее. В тот день Джейми даже стащил с себя сорочку, не стесняясь никого: он удобрял поле с помощью Бесс и Блоссом. Высоко в холмах они спокойно занимались своей работой.

Большое поле требовало труда, но все было настолько продумано, что Джейми только время от времени корректировал ход лошадок. Они знали, что им делать: кони тянули повозку с навозом, продвигаясь вперед; чем больший путь они проделали, тем легче им было, поскольку жидкий навоз сочился через плашки деревянного роллера, таким образом удобряя землю.

Это было умно придумано, ведь лошадям не нужно было надрываться либо всякий раз останавливаться, чтобы хозяин разбросал навоз из металлической или каменной повозки. Джейми думал передать маленький чертеж этого приспособления Эуону.

Нужно было быстро начертить желаемое, потому что, судя по слухам, передаваемым кухарками и конюхами, скоро пройдут цыгане, с которыми можно будет передать письмо. Джейми обычно посылал свои письма в Лаллиброх с цыганами, лудильщиками или бродячими торговцами. Разумеется, письма, отправленные таким образом, шли очень долго, порой и полгода, но в любом случае Дженни получала их и никогда не скупилась, благодаря за весточку от брата.

Точно так же, «контрабандой», передавались ответы. По-другому было нельзя: Джейми оставался узником короны и находился под гласным надзором, поэтому лорд Дансени должен был досматривать все его письма, как входящие, так и исходящие.

Фрэзер было обрадовался приезду цыган, вполне могущих привезти весточку из дому, но не стал тешить себя надеждой почем зря.

– Но! – Бесс и Блоссом видели, что перед каменным забором нужно будет развернуться, но Джейми помнил свои обязанности конюха.

Бесс недовольно фыркнула.

– Не обижайся, старушка, так нужно. Ведь я ваш конюх, как же иначе?

Новая борозда пошла как по маслу, и можно было не переживать, что работа будет некачественной. В конце поля стояла подвода с навозом, из которого пополняли запас роллера. Здесь Джейми добавил часть содержимого подводы в свою повозку, наслаждаясь солнышком, ласкавшим ему голую грудь и плечи.

Так прошло еще четверть часа. Джейми дремал на солнышке, когда вздрогнул от ржания другой лошади. Со стороны нижнего луга поднималась наездница, в которой он узнал Джиниву Дансени. Фрэзер быстро надел рубашку.

– Ну-ну, Маккензи, можно бы и не стесняться.

Она поднималась быстро и запыхалась, а теперь пустила кобылу шагом.

– Мм... – Она придумывала, о чем спросить его.

Джейми видел, что на ней лучшее платье, а на шее прикреплен брошка из дымчатого топаза. Наверное, девушка раскраснелась не только потому, что быстро ехала, и не только потому, что пригревало солнышко.

– Мак, что ты делаешь? – она поинтересовалась очевидным, не придумав ничего лучше.

– Удобряю почву навозом, миледи, – Фрэзер избегал ловить ее взгляд.

– О!

Она снова умолкла, гарцуя на лошади.

– Ты знаешь, что меня выдают замуж? – вдруг спросила она прямо.

Конечно, Джейми слышал об этом. Кто не слышал об этом: дворецкий Ричардс помогал лорду в библиотеке, когда увидел стряпчего, приехавшего из Дервентуотера, чтобы оформить брачный контракт, и рассказал об этом всем прислуживавшим в Хэлуотере еще месяц назад, тогда как леди Джинива узнала о своем грядущем замужестве два дня назад. Бетти, горничная, говорила, что девушка опечалилась.

Джейми не стал комментировать эту новость, хмыкнув и предоставив леди самой заканчивать неудобный и неуместный разговор.

– Меня выдают за Эллсмира, – добавила она.

Леди была недовольна и, верно, поэтому покраснела еще больше.

– Что ж... будьте счастливы, миледи.

Фрэзер шел за лошадьми, а Джинива ехала рядом. Когда они проделали путь из конца в конец поля, Джейми отвернулся, натянув вожжи. Ему не улыбалась перспектива говорить с раздосадованной леди.

– Счастлива?! Как я могу быть счастлива?

Она засверкала глазами и со злостью ударила себя по бедру.

– Я выхожу замуж за старика! Он мог бы быть моим дедушкой!

Джейми подумалось, что старый граф тоже будет не в восторге от строптивой женушки, но поостерегся говорить это вслух. С просьбой простить его он пошел возиться с баком, где находился навоз.

Девушка не отстала от него, более того, она спешила и пошла следом.

– Отец пошел на эту грязную сделку, потому что хочет выгодно продать меня. Он торгует мной, вот и все! Он плюет на мои чувства, а я пропадаю!

По мысли конюха Маккензи, лорд Дансени поступил как нельзя правильной: учитывая возраст графа Эллсмира, Джинива могла рассчитывать на скорое получение огромного наследства и уже сейчас – на получение графского титула. Дансени верно рассчитал. Можно было только позавидовать, как ему удалось найти такого удобного зятя.

Джинива не могла принять все это во внимание, а если и могла, то нарочно упрямылась, поэтому Джейми ограничился замечанием:

– Миледи, я уверен в вашем отце. Он любит вас и желает вам добра, значит, этот брак угоден ему.

Как же выкурить ее отсюда?

Джиниву не так-то просто было согнать с насиженного места. Она подошла вплотную к конюху, так что он не мог открыть бочку с навозом, чтобы не забрызгать им леди, и был вынужден смотреть на нее и участвовать в разговоре.

– Граф Эллсмир – сухое чучело, цена которому несколько пенни, а то и того меньше. Отец бессердечный, если хочет мне добра таким странным образом.

Она, улыбаясь, смотрела на Джейми, слегка шурясь.

– Маккензи, а сколько лет тебе?

У него похолодело в груди.

– Миледи, простите. Мне уже много лет. Простите.

Не сумев открыть крышку бочки, он влез на повозку, ухитрившись не зацепить госпожу. Теперь-то он в безопасности.

– Но, Мак, ты вроде не слишком стар. Тебе еще не сколотили гроб, не так ли?

Леди Джинива никак не хотела уходить и теперь смотрела, что Джейми делает на повозке. Ветер играл ее локонами.

– Маккензи, а у тебя есть жена?

Джейми Фрэзеру очень хотелось бросить в госпожу содержимым бочки. Он буркнул себе под нос, что жена у него есть, и с силой всадил лопату в навоз. Его тон и вид недвусмысленно показывали, что он не хочет говорить.

Леди Джинива словно не заметила его настроения, а если заметила, то по обыкновению не придала этому значения.

– Вот и прекрасно, – казалось, она хотела услышать именно эти слова. – То есть ты знаешь, что делать.

– Делать что?

Джейми замер на повозке, чувствуя неладное.

– Как что – то, что все мужчины и женщины делают друг с другом в постели. Я хочу взять тебя в постель. – Ни тени смущения не отразилось на ее личике.

Фрэзер в мгновение ока представил себе то, что никак нельзя было представить: леди Джинива располагается на повозке с навозом, задрав многочисленные тонкие юбки...

– Здесь? – выдавил он, не удержав лопату.

– Дурачок! Нет же, в постели, разумеется. В постели, стоящей в моей спальне.

– Вы сумасшедшая. Сошли со своего небольшого ума, – отрезал Фрэзер.

Девушка возмутилась:

– Да как ты смеешь!..

– Миледи, как смеете вы? – вспылил в ответ оскорбленный конюх. – Представьте только: дочь лорда предлагает непристойности мужчине, который годится ей в отцы! И который служит конюхом у ее отца. – Ему показалось, что этого достаточно, чтобы образумить взбалмошную девчонку.

По зрелом размышлении Джейми пришел к выводу, что не стоит поучать девушку, ведь все равно это не даст желаемого результата. Он как можно спокойнее проговорил:

– Миледи, простите меня, но мне кажется, что во всем виновато солнышко. Оно напекло вам голову, поэтому вы так опрометчиво предлагаете мне глупости. Попросите служанку, чтобы она сделала вам холодный компресс.

Джинива, понятное дело, не стала слушать конюха. Она затопала сафьяновым сапожком:

– Я в своем уме, Маккензи!

Сейчас ее лицо было похоже на морду оскалившейся лисички, оттого что подбородок и зубы были остренькими.

– Ты не понимаешь, чего я хочу. А мне всего лишь хочется... Я ничего не смогу поделать с тем, что отец решил отдать меня этому чудовищу Эллсмиру, но... – Помолчав, она закончила фразу: – Но я не отдам ему мою девственность!

Джейми протер лицо рукой. Несмотря на определенный комизм ситуации, Джинива вызвала сочувствие. Но, черт возьми, нельзя позволять этой своенравной девчонке втягивать его в свои игры!

– Миледи, я польщен тем, что вы обратились ко мне, – сыронизировал Фрэзер, – но я не в силах удовлетворить ваши желания.

– Не ври мне, Маккензи, вполне можешь. – Девушка пристально изучала промежность его перепачканных навозом штанов. – Бетти не могла соврать.

Джейми был ошарашен. Оказывается, здесь разыгрывались нешуточные драмы с заочным участием его скромной персоны, а он не имеет никакого отношения к этому! Он мог только мычать, неспособный даже на бормотание, но потом глубоко вдохнул и решительно сказал:

– Я не трогал Бетти, так что ее заявление не имеет под собой оснований. Не ей судить о моих способностях.

Довольная Джинива захихикала.

– Не ей, хорошо. Когда я спрашивала ее об этом, она ответила мне то же самое, но мне показалось, что она хочет избежать наказания. Да, это замечательно. Спать с мужчиной, с которым спит моя горничная, – это слишком даже для меня.

Джейми пыхтел, отчаянно желая убить дочку лорда и закопать ее в навоз или хотя бы хорошенько огреть ее лопатой, но, увы, не мог воплотить в жизнь ни одно из своих желаний. Лучше было прийти в себя и действовать рассудительно, иначе она точно сможет затащить его в кровать.

– До свидания, миледи. – После этих слов Джинива, надеялся он, должна была отстать, поэтому Джейми стал заниматься своими навозными делами.

– Если ты не ляжешь со мной, отец спустит с тебя шкуру, потому что я пожалуюсь на твои приставания, – пропела девушка, одаривая его сладкой улыбкой.

Джейми поежился, но тут же понял, что ни Джинива, ни кто-либо другой не могли знать о том, какие следы хранит его спина. Во-первых, сейчас он успел натянуть сорочку, а во-вторых, никто не видел обнаженный торс.

Он обернулся, поскольку успел встать к ней спиной, и долго смотрел на нее. Девушка торжествовала, полагая, что строптивый конюх испугался телесного наказания.

– Лорд Дансени знает меня недавно, это правда. Он вправе не доверять мне. Но вы, миледи, его дочь, и он не может не знать вашего характера. Пускай меня разразит гром, если он поведется на ваш рассказ!

Джинива опять раскраснелась и приготовилась нападать со всей яростью, на какую только была способна.

– Замечательно! Тебя разразит гром, Маккензи!

Из-за корсета она достала толстый конверт. Хотя Джейми не видел как следует, кому адресован конверт, но мгновенно понял, что писала сестра – ее четкий почерк он узнал бы из тысячи других почерков.

– Дайте мне!

Джинива мигом оседлала лошадку, схватив поводья одной рукой, а другой размахивала письмом перед носом конюха, не успевшего достаточно быстро соскочить с повозки.

– Просишь, чтобы я отдала?

– Конечно, прошу! Отдай немедленно!

Он незаметно для себя обратился к ней на «ты», и совсем немного времени отделяло его от мысли применить силу, чтобы заполучить пухлый конверт, но ему не удавалось стащить девушку с коня: ее гнедая пятилась и фыркала.

– Я не уверена, что мне стоит это делать.

Ее насмешливой улыбкой на уже побледневшем личике можно было бы залюбоваться, если бы Джейми мог думать о чем-либо, кроме письма.

– Отец не знает того, что за его спиной слуги переписываются. А я помню о дочернем долге. Раз уж я подчиняюсь его воле и выхожу замуж за противного старикашку, то тем более я должна буду рассказать ему об этом.

Она кокетливо наклонилась, дразня Джейми, бессильного что-либо предпринять.

– О, папа будет крайне заинтересован содержанием письма. В особенности интересно будет читать о золоте, которое скоро доставят во французский Лошель. Золоте, которое истратят на помощь врагам короны! Это пахнет государственной изменой! – Она хитро прищурилась и цокнула язычком. – Очень некрасиво быть изменником.

Джейми замер, охваченный ужасом. Эта богатенькая избалованная дрянь просто не представляет и не желает знать, сколько жизней держит в наманикюренной ручке! А ведь речь идет

о более-менее сносном существовании десятков людей, в числе которых не только сестра, зять и их шестеро детей, но и все арендаторы Лаллиброха, их семьи, изгнанные якобиты и даже те, кто, рискуя жизнью, перевозит письма и деньги, курсируя между Шотландией и Францией.

Он сглатывал, набираясь храбрости перед тем, что замыслил.

– Идет.

Джинива улыбнулась более естественно, не так напряженно. Она была так молода. Но молодая гадюка кусает так же, как и старая.

– Никто не узнает, – посерьезнела она. – Как только... ты понял что, я дам тебе этот конверт. И никто не узнает его содержания.

– Благодарю...

Нужно было обдумать на холодную голову, как все уладить. Но о какой рассудительности можно было говорить, когда Джейми задумал ужасное – сорвать девичий венок дочери хозяина по ее собственной просьбе! Сумасшествие.

– Идет, – снова сказал он. – Но нужно соблюдать осторожность.

Джинива все-таки втянула его в свои дела, и он не смог противостоять ее напору. Оставалось с тупым ужасом наблюдать, как раскручивается огромный маховик, стирающий с лица земли его спокойную жизнь в Хэлуотере и налаженный быт.

– Конечно. Я уже продумала кое-что: горничную можно отослать, это легко устроить, а лакей в десять уже спит – он пьяница.

– Да. Продумай. – Джейми мутило. – Но чур – встреча в безопасный день.

– Как это?

– Через неделю после месячных, – Фрэзер не стал жалеть слух дочери лорда, говоря все как есть. – Чем ближе к ним, тем меньше вероятность понести.

– О!

Джинива покраснела, но уже не от гнева. Теперь конюх Маккензи представлял для нее другой, особый интерес.

Общее страшное дело, которое они затеяли, сблизило их.

– Я сообщу тебе. – Добившись согласия, Джинива убралась.

Ее лошадь летела галопом, взметая копытами навоз.

По счастью, луна еле светила и Джейми не могли заметить. Он тихонько пробрался под лиственницами, мысленно осыпая проклятиями себя, Джиниву и весь белый свет. Открытую лужайку, заросшую водосбором и дубровником, тоже удалось проскочить.

Вот стена, а вот и свеча в открытом окне. Все верно.

Он прикинул, то ли это окно.

«Бог не оставит меня, если я промахнусь», – понадеялся Джейми и стал взбираться наверх по серому плюшу, которым была увита стена.

Ему казалось, что плющ шумит оглушительно. Растение с трудом выдерживало его вес, и Фрэзер прилагал усилия, чтобы ускорить подъем. В конце концов, можно будет сбежать, если кто-то ненароком otvorит окно и увидит его.

Джейми был весь мокрый, когда удачно завершил свое восхождение. На небе появились бледные весенние звезды, глядя на которые он вновь высказал в адрес Джинивы Дансени нелестные характеристики.

Распахнув балкон, он сразу увидел ее – она шла ему навстречу, слышав издаваемые им звуки. Хотя девушка гордо держала голову, выглядела она очень трогательно: волосы легко струились по плечам, а пошитая из полупрозрачной ткани ночная сорочка выглядела необычно. Джейми сообразил, что это сорочка, которую надевают в первую брачную ночь.

– Ты все-таки здесь.

Джинива говорила неуверенно, в то же время радуясь его приходу. Выходит, она не знала, рассчитывать на него или нет.

– Я не мог выбирать. – Джейми прикрыл балконную дверь.

– Вина?

На правах хозяйки она взяла графин и указала на стоящий рядом бокал. Удивительно, но девчонка не растерялась и устроила все наилучшим образом. Вино, конечно, могло пособить, и Джейми с готовностью протянул руку за полным бокалом.

У него было несколько минут, чтобы оглядеть девушку. Сорочка была очень тонкой, и сквозь нее были видны все девичьи прелести. Юная Джинива была несколько угловатой, ее бедра и грудь были еще девичьи, не до конца сформированными, но в целом она была привлекательна, и у Джейми уже не оставалось сомнений в том, что он выполнит все, что обещал.

Он допил вино и решительно проговорил:

– Дай письмо!

– Потом отдам. – Джинива была несколько обескуражена этим заявлением.

– Дай сейчас, иначе я уйду.

Для подтверждения своих слов он развернулся к окну.

– погоди!

Джейми неудовлетворенно остановился на полпути к окну.

– Не веришь? – Джинива смягчила животрепещущий вопрос улыбкой.

– Не верю, – не скрыв своих чувств Джейми.

Она было надулась, но Фрэзер непреклонно стоял вполоборота, готовый в любую секунду уйти.

– Так и быть, отдам я тебе это письмо. Раз ты так настаиваешь...

Она пошарила в шкатулке с булавками и нитками и достала конверт, но не отдала в руки, а бросила на умывальник, подле которого стоял Джейми.

Фрэзер схватил его, посмотрел, что на вскрытом конверте почерком сестры указан его адрес, и бегло прочел несколько первых строк, убеждаясь, что это то, чего он ждал. Он был очень рад, что весточка, хотя и вскрытая не им, наконец попала к нему, и в то же время был зол, что пришлось пойти на такие ухищрения ради ее получения.

– Джейми, брось письмо. Иди сюда. Я готова, – распорядилась девушка.

Ожидая его, она села на кровать, сжав руки, лежащие на коленях, в замок.

Джейми замер, держа в руках письмо, и обдал ее ледяным взглядом.

– Называй меня по-другому, – отрезал он.

Джинива вскинула тщательно выщипанные брови.

– Отчего же? Сестра называет тебя так.

Фрэзер резким жестом отложил листы письма. Он принялся развязывать шнурки штанов, опустив глаза.

– Ты женщина, а я мужчина. Я обязан обслужить тебя честь по чести. – Он метнул в нее взгляд прищуренных глаз. – Но мы оба знаем, чего будет стоить нам эта ночь. Ты угрожала мне и моим родным, и поэтому мне пришлось согласиться переспать с тобой. И именно поэтому я не желаю, чтобы ты называла меня так, как они называют меня.

Он ждал ответа, пристально глядя ей в глаза, пока Джинива не отвела взгляда. Ее палец скользил по простыни, выводя какие-то узоры. Она согласно кивнула.

– А как к тебе обращаться? – шепнула она виновато.

– Алекс. Пускай будет так.

При этом кивке волосы закрыли ее лицо. Все же она смотрела на него исподлобья.

– Теперь и я готов.

Джейми, сняв штаны и чулки, повесил их на кресло. Джинива робко глядела на него, но не спускала глаз. Снимая рубашку, он встал так, чтобы она не могла видеть его исполосованной спины.

Послышалось негромкое восклицание.

– Что такое?

– Э... все в порядке... просто...

Локоны скрыли ее покрасневшее лицо.

Джейми догадался.

– Вероятно, я первый, кого ты видишь голым?

Девушка мотнула головой.

– Нет, не первый, но... это...

– Понимаю. Обычно мужчина выглядит немножко иначе, – Джейми присел на кровать. – Но когда мужчина хочет любить женщину, все должно быть именно так, – заверил он ее.

– Да... – неуверенно протянула Джинива.

Джейми хотел подбодрить ее.

– Все хорошо, он больше не будет каверзничать. Его можно даже потрогать – это не страшно.

Джейми хотелось верить, что это будет не страшно для обоих. Девушка была полуодета, а он и вовсе раздет, и это возбуждало его. Умом он понимал, что Джинива не стоит его внимания, что она себялюбивая дрянь и дешевая шантажистка, но слишком долго у него не было женщины. Джинива не стала ничего трогать и даже немножко отодвинулась от него. Джейми задумался.

– А что ты знаешь... то есть ты вообще знаешь, что происходит в постели?

Джинива снова – в который раз! – покраснела, но не отвела глаз.

– Полагаю, происходит приблизительно то, что происходит между лошадьми.

Сердце Джейми пронзила острая боль, связанная с воспоминанием о собственной первой ночи. Он тоже думал, что ему будет достаточно зоологических познаний.

– Да, похоже... – Она испуганно зыркнула на него, и он поправился: – Похоже, но медленнее и нежнее. Гораздо нежнее.

– Это хорошо, а то служанки и горничные говорят такие вещи о... об этом... Это наводит страх. – Она заерзала и сглотнула. – Это очень больно? – Взгляд ее глаз был направлен ему в лицо. – Я не боюсь, но интересно знать, – пояснила она.

Это вызвало в душе шотландца дружеское расположение: девушка с характером, смелая девушка – редкость. Это ценный товарищ, если она может быть товарищем. Джейми уважал смелых людей, кем бы они ни были. Джинива была девушка не робкого десятка, пускай избалованная и опрометчивая.

– Если у меня будет время, чтобы подготовить тебя, больно быть не должно. – Только бы не сорваться. – Думаю, будет как-то так.

Он ущипнул создание в прозрачной сорочке за руку. Она дернулась, но улыбнулась:

– Если так, то это вовсе не больно.

– Больно бывает только в первую ночь. Дальше будет легче.

Девушка снова села рядом с ним и выставила палец.

– Можно, я потрогаю тебя?

Джейми сдержал смех, могущий ранить ее.

– Птичка, даже нужно. Если мы хотим сделать то, что планировали.

Она тихонечко провела ладошкой ему по руке. На его коже появились мурашки от щеко-чущего прикосновения. Джинива вдохнула и положила руку на его предплечье.

– Ты... могучий.

Улыбаясь, он ожидал ее дальнейших действий. Ему хотелось чувствовать пытливые женские руки на своем теле. Когда она скользнула по бедру и провела по ягодицам, его живот напрягся. Завидя огромный шрам, тянувшийся вдоль всего левого бедра, она затихла.

– Нестрашно. Больше не больно.

После этих убедительных слов Джинива легко пробежала по шраму.

С каждым касанием она становилась раскованнее, гладила его плечи, спину, но, найдя шрамы там, снова замерла, лежа за его широкой спиной. Джейми чувствовал движения ее тела по давлению на матрас, оказываемому ею.

Она помолчала, вздохнула и снова провела ему по спине.

– Ты не боялся, когда я говорила, что отец снимет с тебя шкуру?

Джинива отчего-то хрипела, но Джейми не шевелился и лежал с закрытыми глазами.

– Нет. Меня очень тяжело напугать.

Но это была половина правды: в данный момент он боялся, что набросится на девушку, используя удобный момент. Сердце его бешено стучало, и он отчаянно желал девушку.

Она поднялась, подойдя к краю постели с его стороны. Джейми тоже поднялся, удерживая отпрянувшую Джиниву.

– Миледи, позвольте коснуться вас.

Он говорил дурачась, а касался ее по-настоящему.

Та, к кому были обращены его слова, кивнула.

Тогда он обнял ее и подождал, пока ее дыхание восстановится. Ему и самому требовалась минутка, чтобы понять себя: доселе все девушки, которые оказывались в его объятиях, нравились ему или были предметом его вожделения, а сейчас...

Сейчас он сочувствовал Джиниве, вынужденной идти на такие поступки, жалел ее юность, злился на нее, оттого что она вынудила его поддаться, и на себя, оттого что согласился, боялся возможного наказания и возможных последствий. Но нельзя сказать, что он не хотел этой девушки, – его смущение было связано как раз с тем, что он хотел ее.

Ощущая душную волну стыда, он поцеловал покорно стоящую перед ним девушку, вначале по-братски, скромно и нежно, затем более настойчиво и многообещающе, а после спустил с нее сорочку и уложил трепещущую Джиниву на кровать.

Одна его рука обнимала ее, а второй он ласкал ее соски, двигая пальцами по кругу.

– Мужчина обязан подготовить тебя. Ты прекрасна, и твое тело заслуживает внимания.

Джинива замирала от удовольствия и новых нахлынувших на нее чувств. Под ласковыми руками Джейми она расслабилась. Ласки были неторопливыми, обволакивающими: он то поглаживал ее, то касался губами, то прижимался так, чтобы она могла чувствовать его. Он не хотел ласкать ее, он не любил ее и пришел сюда поневоле, но женское тело манило его к себе.

Когда же можно приступить к более решительным действиям? Джинива тяжело дышала, но не давала никаких знаков, что она готова. Проклятье! Неужели она так и будет лежать, как статуэтка?

Джейми понимал, в чем дело: она никогда не лежала с мужчиной и не только не знала, как следует вести себя, но и не могла справиться с нахлынувшими чувствами. Джейми тоже боролся со своими чувствами, ероша волосы. Злость, страх, возбуждение – все смешалось в нем и мешало соображать. Да и что можно было здесь сообразить? Девица смогла вынудить его прийти сюда, заставила буквально силой, устроила все так, чтобы комар носа не подточил, – словом, продумала все, что только можно было продумать с ее стороны, а дальше... Дальше дело за Джейми. Она никак не сможет ему помочь.

Руководствуясь опытом, он провел по животу Джинивы и коснулся влажной промежности. Она покорно принимала его ласки, не раздвигая ног. Пора или еще рано? Черт побери!

– Все будет хорошо, mo chridhe, – прошептал он.

Взбираясь на нее, он сам раздвинул ее ноги под собственное тихое бормотание.

Чувствуя его на себе, она вздрогнула, поэтому Джейми подложил руку под ее затылок, шепча по-гэльски то, что якобы могло успокоить ее в этой ситуации.

«Вот и хорошо, что гэльский». Джейми плохо понимал происходящее, занятый одной-единственной мыслью.

Его грудь касалась ее небольших грудей.

– Mo nighean...

– Погоди, кажется...

Он сдерживал себя, и от этого мутилось в глазах. Дюйм за дюймом – слишком медленно!

Джинива вытаращила серые глаза.

Джейми преодолел еще несколько дюймов.

– Нет! Перестань! Он очень большой!

Она забилась под его мощным телом. От прикосновения ее грудей его соски тоже напряглись.

Разумеется, ее сопротивление было тщетным – Джейми и так жалел ее, пытаясь что-то сказать ей и не напирая, как бы ему ни хотелось этого.

– Перестань сейчас же!

– Я...

– Мне больно, вынь его! – в панике закричала она.

Джейми не нашел ничего лучше, чем, зажимая ей рот, сказать:

– Нет.

Он разом преодолел оставшиеся дюймы.

В ее глазах отразился ужас, она закричала еще громче, но он лишь сильнее прижал ладонь к ее рту.

Происходившее удачно можно было передать известной поговоркой «Семь бед – один ответ!». Джейми не мог ничего поделать с собой и предоставил телу биться в своем, до боли знакомом ритме, ритме, который приводил к неизъяснимому удовольствию.

Он будто потерял сознание и осознал себя, когда все кончилось. Сердце напоминало, что он жив. Он лежал подле Джинивы на боку.

Первой мыслью было «Нужно взглянуть, как она себя чувствует». Но вторая мысль отменила первую – «Потом». Сейчас ему хотелось просто вдохнуть воздух.

– Что... что ты думаешь? – робко спросила девушка.

Голос дрожал, но в истерику она не впала. Джейми не отреагировал на то, что вопрос был глупым, и честно ответил:

– Думаю, зачем мужчины просят себе в жены девственниц.

Лежа с закрытыми глазами, они молчали. Потом Джинива проговорила странные слова:

– Извини. Мне не было известно, что тебе тоже будет больно.

Джейми приподнялся на локте, уставясь на нее. Девушка, резко побледневшая, облизывала губы и тяжело слатывала.

– Не понимаю... О чем ты? Я не чувствовал никакой боли.

– А как же... – Она смотрела на его вытянувшееся тело. – Ты... ты стонал и у тебя было такое лицо...

– А, все в порядке. – Ему не хотелось слышать продолжения, хватит и этих конфузных нелепостей. – Это нормально. То есть все делают так... при этом, – смешался Джейми.

К Джиниве вернулось былое любопытство.

– Все-все мужчины делают так, когда... ты понял, о чем я?

– Откуда же... – хотел отрезать Джейми, но понял, что нечего отрезать, – это была правда.

Он сел на кровати, убирая налипшие волосы с лица. – Да. Это у нас такая манера. Отвратительно. Как животные. Няня должна была сказать тебе об этом. Очень больно? – обратился он к ней.

– Ничего... – Девушка пошевелила ногами. – Вначале было очень, да. Сейчас почти нет. Все как ты и говорил.

Крови было немного, это к лучшему. Видимо, боль на самом деле прошла. Джинива потрогала рукой между ног и скривилась.

– Отвратительно – липко и гадко!

Джейми почувствовал прилив крови. Ее поведение вызывало возмущение и неловкие чувства.

– Держи, – сунул он полотенце, лежащее на умывальнике.

Однако девушка, расставив ноги и выгибаясь для баланса, ждала, пока он возьмет на себя неприятный момент. Джейми захотелось задушить ее этим полотенцем или затолкать его в горло, но письмо напомнило о себе: Джинива сдержала данное ему обещание.

Шотландец макнул салфетку в воду и стал водить по промежности девушки, всем своим видом показывая, как мало радости ему от этого занятия. Но Джинива безгранично доверяла ему, а это не могло не тронуть – в конце концов Джейми поцеловал ее лобок, завершая процедуру.

– Все.

– Спасибо.

Она еще пошевелила ногами, а затем коснулась его рукой. Джейми снова закрыл глаза, позволяя ей путешествовать по своей груди. Она обвела пальцем его пупок и повела рукой ниже.

– Ты говорил... что потом будет не больно.

– Должно быть, так.

Стояла глубокая ночь.

– Алекс?

Он почти уснул, и вот она называет его так!

– Да, миледи? – с усилием пробормотал он.

Джинива прижалась к нему, уложив каштановую головку на могучее плечо Джейми. Ее дыхание приятно щекотало ему грудь.

– Алекс, я люблю тебя.

Хоть это далось тяжело, но все же он, борясь со сном, отстранил ее и взял за плечи. Нежные серые глаза делали ее похожей на лань.

– Нет, нельзя. Таково третье правило: только одна ночь. Не нужно звать меня по имени. И не нужно любить.

Глаза Джинивы наполнились слезами.

– Как же мне быть? Любовь наполняет меня. Как с этим быть?

– Это не любовь, – мягко сказал Джейми, надеясь, что говорит правду, такую необходимую для обоих. – Я пробудил в тебе особое чувство, тоже очень хорошее. Но это никакая не любовь, поверь.

– Тогда что же такое любовь?

Джейми потер лицо. Вот это новость – девчонка еще и философствует! Он вдохнул, готовясь объяснить.

– Любовь можно испытывать только к одному человеку. А это... каждый мужчина сможет подарить это чувство. И ты тоже каждому.

К одному человеку... Клэр стояла тенью между ними, но она не помешала им.

Время перед рассветом было очень темным и очень холодным, и совершенно не хотелось покидать гнездышко, которым служила постель Джинивы, и отправляться на сеновал. От холода защищали только рубашка и штаны – плохая защита! Клумба выдержала тяжесть его тела, но несколько побегов безвозвратно погибли.

Память Джейми и его тело удерживали нежную плоть, теплоту розовых щек, прощальный поцелуй, вздохи... Даже реальность, представшая каменной стеной конюшни, не могла заставить забыть об этом. Огромная усталость охватила члены Джейми, но нужно было пересилить себя и преодолеть стену. Не перелезть ее было нельзя: Хью может услышать скрип главных ворот, так что придется лезть.

Во внутреннем дворе, который тихонько миновал Джейми, стояли повозки, вмещавшие разнообразные сундуки и тюки – имущество леди Джинивы и вещи, необходимые или могущие понадобиться ей после переезда к старому графу Эллсмиру. Бракосочетание состоится в четверг. Джейми попал на сеновал через лестницу, стоявшую в конюшне. Теперь, после тепла тела юной девушки, прикосновение ледяной соломы и латаного одеяла никак не могло быть приятным. Он уснул измученный и опустошенный.

Глава 15

Несчастный случай

Хэлуотер, январь 1758 года

Когда в Хэлуотере узнали об этом, погода, как назло, была ужасная – шторм и ливень, да такие, что лошадей никуда не выводили. Довольные, они ели вволю, пофыркивали, топтались в стойлах, радуясь случаю отдохнуть. Джейми Фрэзер устроился на сеновале не менее удобно: он обложил себя сеном, соорудив подобие гнезда, и читал. Звуки, издаваемые животными, умиротворяли и настраивали на спокойный лад.

Правда, книга, которую он читал, была не совсем привычным его чтением. Он взял у мистера Гривса, управляющего имением. Света было мало, поскольку щели в скате крыши не могли служить сколько-нибудь надежным его источником, к тому же небо было сплошь затянуто тучами, но книга увлекла его.

«Он был воодушевлен ласковым прикосновением моих мягких губ, от которых он не смог увернуться, ибо я подставила их ему. Посмотрев на предмет его гардероба, таивший самое сокровенное, я отметила, что ткань топорщится и что его тело набухло. Я не желала останавливаться на достигнутом и не могла сдерживать свое все возраставшее желание, а поскольку он был стыдлив и невинен, я просунула руку туда, куда смотрела все это время, и с удовлетворением ощутила там комок твердой плоти».

– Однако же! – Джейми лег поудобнее, готовясь узнать, что же было дальше. Он скептически отнесся к описываемому и все же продолжал чтение.

Разумеется, он был наслышан, что существует такая литература, но никогда не имел возможности ознакомиться с содержанием, хотя бы бегло, любой книги этого рода. В Лаллиброх приходило то, что заказывала его сестра, поэтому там обычно читали сочинения мсье Дефо и Филдинга. Увиденное удивляло его и вызывало смешанные чувства. Пускай, нужно знать, о чем пишут в этих книжонках.

«Этот жезл, упорно взметнувшийся вверх, гордо преодолевая все препятствия на своем пути, поразил меня своей красотой и нежностью. Он был тверд, подобно мрамору или слоновой кости, и в то же время мягок, как рожки молодого оленя. Он не уступал деликатнейшей женской коже, очень чувствительной и уязвимой. Этот прелестный отросток был изыскан, и его вовсе не портили жесткие волоски, росшие у его основания. Сочетание нежности и силы волновало и вдохновляло. Это был предмет ужаса и восторга!»

Он хмыкнул, взглядывая на соответствующее место своих штанов, но не бросил читать. Было настолько интересно, что он забыл обо всем, и о дожде, и о своих обязанностях конюха. Гром не отрывал его от книги, а шум внизу тем более, потому как несколькими футами выше над ним барабанили капли, заглушая другие звуки.

– Маккензи!

Наконец он услышал настойчивый крик; видимо, его звали несколько раз. Джейми вскочил и поспешил выглянуть с лестницы, оправляясь на ходу.

– Да?

Его звал Хью, и, судя по открывавшемуся рту, он собирался повторить зов не менее громко.

– Вот куда ты запропастился.

Главный конюх скривился и махнул ему рукой, призывая спуститься на грешную землю. Его мина относилась не к нерадивому слуге, а к погоде: Хью страдал ревматизмом, что заставляло его просиживать все ненастные дни в кладовой. Он занимал там койку; там же находился кувшин с таким серьезным содержанием, что с самого сеновала было слышно, что конюх навеселе, и этот дух невеселого самолечения по мере приближения к Хью только усиливался.

– Закладывай лошадей – лорд и леди Дансени едут в Эллсмир, – распорядился главный конюх, как только Джейми покинул сеновал.

Он икал и едва держался на ногах.

– Старик, в своем ли ты уме? Глянь, какая погода на дворе! Ты пьян.

Заходя на конюшню, Хью не закрыл дверь, и можно было видеть, как двор скрыт за стеной дождя. Вспыхнувшая молния осветила величественный силуэт горы и осталась на несколько мгновений жить в глазах увидевших ее. Джейми захлопал глазами и заметил, что кучер Джеффрис направляется к конюшне, согнувшись и пытаясь сохранить хоть один клочок сухой или относительно немокрой ткани на своей одежде. Плащ лип к его телу.

Стало быть, и впрямь нужно ехать.

– Кучеру нужно пособить!

Буря угрожающе завывала, так что Хью наклонился очень близко, дабы его можно было услышать в шуме, отдавая Джейми духом своего забористого пойла.

– Лорд едет... Зачем? Черт побери!

Хью не мог объяснить намерений лорда, если бы и хотел: красные глаза его слезились, язык заплетался, и глупо было рассчитывать что-нибудь узнать от него. Джейми плюнул, оттер старика и бегом поднялся по лестнице на сеновал.

За считанные минуты он собрал свои нехитрые пожитки, прихватив плащ и спрятав книгу – конюхи могли преспокойно взять любую вещь у любого из слуг. Буря заревела еще пуще, когда покинул конюшню.

Ехать было крайне тяжело. Ветер просто срывал экипаж путников, рискнувших бросить вызов стихии. Джейми помогал Джеффрису, когда тому требовалась помощь, и не надеялся хоть как-то согреться, сидя на козлах. Колеса поминутно вязли в жидкой грязи, и приходилось непрерывно спускаться, чтобы вытащить громоздкий экипаж.

Но все ужасы путешествия меркли перед тем, что было причиной этой отчаянной поездки. Джейми ломал голову, соображая, что же случилось. Лорд Дансени никогда бы не предпринял такой поездки по скользким ухабам, покрытым жижей, если бы того не требовали исключительные обстоятельства. А ими могли быть только забота о леди Джиниве или ее ребенке.

Служанки болтали, что леди Джинива родит ребеночка в начале зимы, в январе. Джейми лихорадочно отсчитал время, опять ругнул взбалмошную девчонку и принялся горячо молиться, чтобы она благополучно разрешилась от бремени. И попытался забыть об этом: всего три раза до свадьбы... нет, он мог и не быть отцом ребенка. Нельзя было знать наверняка.

Леди Дансени приехала в Эллсмир семь дней назад, желая помочь дочери, и постоянно посылала людей забрать из усадьбы в Хэлуотере что-то, что она снова забыла взять в дорогу. Все приезжавшие из Эллсмира подвергались тщательным расспросам, но все как один говорили, что новостей еще нет и что им пока нечего рассказать хэлуотерцам. Что ж, если приходится ехать в таких условиях, значит, новости – плохие новости – уже есть.

Карета отчаянно считала все ухабы, и Джейми в который раз доставал колесо из грязи, когда увидел личико леди Изабель, появившееся из-за шторки. Испуганная и встревоженная, она ехала к сестре.

– Маккензи, ты тоже здесь! Нам еще долго добираться?

Джейми сунул нос в окошко кареты, чтобы его голос не заглушил бесящийся ветер, проливной дождь и бурлящая вода в канавах.

– Миледи, четыре мили! Так сказал Джеффрис!

То есть еще два часа.

Коли Бог поможет и не спихнет чертову развалюху с незадачливыми пассажирами в озеро Уотенлеф с Эшнесского моста.

Изабель плакала. Джейми понял это, потому что дождь не придает лицу такой оттенок. Кивая, она опустила штору. Он ощутил, что у него не только замирает сердце, но и скручивается желудок.

В Элсмйр они прибыли только три часа спустя. Лорд Дансени так поспешно покинул карету, что уже был бы в доме, когда бы его воспитание не заставило его задержаться, чтобы предложить руку Изабель.

Джеффрис и Джейми смогли войти в дом спустя час, поскольку нужно было распрячь и протереть лошадей, спрятать экипаж в каретном сарае и отвести животных в стойла. Кухня Элсмйра была открыта для них, и они с радостью пошли покрепиться и согреть вымокшие тела.

– Синие, истинный крест, совсем синие! Бедняги! – запричитала кухарка. – Ну-ка, садитесь, а я вам мигом приготовлю горяченького покушать.

Она выглядела не так, как выглядят поварихи. Она не была ни сдобной, ни дородной, но от привычного образа ее отличали лишь худоба и резкие черты лица. В остальном она не уступала самым пухленьким поварихам – она так же радушно привечала гостей, так же вкусно кормила и так же ловко управлялась с готовкой. Очень быстро перед изголодавшимися и усталыми путниками появились ароматный омлет и горшочек с джемом, а уж на хлеб и масло она не поскупилась.

– Славное кушанье! – оценил Джеффрис предложенные блюда, но, подмигнув кухарке, заявил: – Славно, ничего не скажешь, да только нам бы к горяченькому еще и чего согревающего. Вот это было бы вовсе чудесно! А, дорогуша? Пожалеешь ребят?

Жалкий вид путников вкупе с ирландской обходительностью кучера заставили сердобольную хозяйку поставить на стол бутылочку домашнего бренди, нашедшую свое место в желудках и сердцах «ребят». С одежды Джеффриса скапывало, и он собирался согреть себя изнутри, чмокая губами у рюмки.

– Во-о-от, теперь другое дело! Теперь твоя очередь, – обратился он к Джейми.

Конюх взял бутылку, а кучер слушал сплетни, ушлетая омлет.

– Так что же – можно праздновать рождение?

– Можно, можно: прошлой ночью госпожа родила, – сообщила помощница кухарки. – Мы почитай и не спали – знай таскали теплую воду, да бегали с простынями, да подавали полотенца... Такая кутерьма была, уж такая!.. Да только на том не кончилось...

– Ну хватит, – хмурясь, перебила ее кухарка. – Дел невпроворот, а ты только балагурить горазда, Мэри Энн. Поди-ка спроси господ, что им еще подать или сделать чего нужно.

Джейми вытирал остатки омлета хлебом и наблюдал. Мэри Энн так же быстро умолкла и удалилась, как и говорила. Следовательно, ей хотелось знать, что происходит в кабинете.

Кухарка, спровадив помощницу, начала сплетничать сама, благо, никто не мог остановить ее.

– Да, на том не кончилось. Должна вам сказать, что это было еще когда леди Джинива поняла, что понесла. Его милость был рад, так рад, когда женился! Берег ее как зеницу ока.

Выполнял все ее прихоти, навез пропасть всяких безделушек, и из Лондона, и из других мест. Все кутал ее, кормил вкусностями. Словно с Луны свалился, такой был, мы прямо не узнавали его. А как появились признаки, что будет ребеночек...

Повариха, придавая рассказу значимость, помолчала.

Джейми очень хотел знать все подробности о малыше: как он выглядит, спокоен ли, как называли, но он не мог выдать себя и не мог прикрикнуть на женщину, чтобы она рассказывала быстрее, поэтому он вперил в нее глаза, давая знать, что рассказ интересует слушателей, побуждая ее продолжить.

– Ох, тогда-то все и началось! Такой крик начался, такие сцены! Леди ревет как белуга, а его милость так и казнит ее, да все такими словами, каких и конюхи стыдятся. Я и сказала Мэри Энн, когда она...

– Получается, что граф не радовался ребеночку? – подытожил Джейми, перебивая поток бабских сплетен и подводя ее к самому главному.

Съеденное стояло у него комом в горле, поэтому он приложился к стакану с бренди.

Кухарка оценила его замечание, будто оно было невесть каким умным, и во взгляде ее блеснул интерес.

– А ты смышлен, парень, как я погляжу. Да, его милость был не рад, ох как не рад! Хотя с чего бы, правда? Да только он был не рад! – Интриговала она мастерски.

– Отчего же так? – Джеффрис, в отличие от Джейми, не выказывал особого интереса к рассказу, воспринимая его как неизбежное следствие господской жизни, о которой можно поточить лясы, но в которую лучше не соваться.

– Оттого что его милость утверждает, что отец малыша – другой! Это не его ребенок! – заключила она торжествующе, радуясь, что смогла добиться успеха как рассказчица понижением голоса в нужных моментах и сверканием глаз для пушшего эффекта.

Джеффрис влил в себя второй стакан и высказал свое мнение на этот счет:

– Оно и понятно: старый козел с молоденькой козочкой. А вообще я думаю, что за леди главное слово, потому как никогда нельзя знать наверняка. Так что пусть его милость не бесится.

Повариха злорадно скривила губы в улыбке, с удовлетворением сообщая гостям строго конфиденциальную информацию.

– Правда, можно и не знать точно, кто отец. И его милость не знает толком. Но нам-то известно, что младенчик уж наверняка не его, не может быть его!

Джеффрис наконец включился в беседу:

– Вот как? Его милость не может?..

Он загадочно скосил глаза и широко ухмыльнулся. Джейми ощутил, что ему нехорошо, и глотнул еще бренди.

– Я не могу судить, но сказывали... Горничная их говорила, она убирала простыни после их первой ночи. Так на них не было ни единого пятнышка!

Джейми не смог больше ждать, слушая всякий вздор и каждый раз вздрагивая от новых неожиданных подробностей. Он махнул рукой на довольно хмыкающего кучера и спросил в лоб:

– Малыш жив?

Повариха, а еще больше Джеффрис вперили в него изумленные глаза. Повременив, женщина кивнула.

– Ну да. Говорят, что славненький, хорошенький, здоровый. Да разве тебе не рассказывали? Мать, бедняжка, скончалась.

Кухня умолкла. Джеффрис быстро осенил себя крестным знаменем, проговорил слова молитвы об упокоении новопреставленных и залпом допил содержимое стакана.

Джейми же чувствовал, что в глазах его щиплет, и ему хватило честности, чтобы не отнести это на счет выпитого. Он был потрясен и опечален. Если раньше в горле застревала еда, то теперь оно сжалось и наполнилось чем-то противным, осязаемым, словно ему заткнули рот ключей пряжей. Захрипев, он спросил:

– Когда?

– Утром. – Кухарка покачала головой, жалея леди. – Перед полуднем ласточка наша скончалась. От родов. Думали, что все образуется, но нет. Мэри Энн говорила, что леди держит малыша и смеется.

Она испустила тяжелый вздох.

– Да недолго ей было смеяться. На заре пошла кровь, опять – так уже бывало. Доктор спешил изо всех сил, да только...

Она договорила бы, если б не дверь, распахнувшаяся со стуком. Мэри Энн тоже спешила сюда изо всех сил. Она таращила глаза и задыхалась от бега, переживания и напряжения.

– Хозяин, лорд требует вас! – Она смотрела на Джейми и на кучера, так что нельзя было понять, кого именно требует лорд Дансени. – Обоих и сейчас же, – уточнила она. Дальнейшие слова были обращены к Джеффрису: – Сэр, он просит пистолеты!

Джеффрис окончательно протрезвел и, испуганно посмотрев на конюха, припустил к карете, стоявшей в конюшне. Он хранил там пару пистолетов под своим сиденьем: возница должен был защитить экипаж от нападения разбойников в дороге.

Джеффрис потратил совсем немного времени на поиск оружия, а найдя его, проверил, не отсырел ли порох. Джейми не стал терять драгоценных минут и потребовал от вконец напуганной Мэри Энн отвести его в кабинет, к лорду.

Но даже если бы девушка и не сопровождала его, он догадался бы, куда ему следует идти: из кабинета был слышен громкий разговор, не предвещавший ничего доброго. Голоса звенели от напряжения. Джейми помешкал, думая, идти ли одному с пустыми руками либо ждать подкрепление в виде Джеффриса и его пистолетов.

– Моя бедная девочка еще теплая, а вы уже выдвигаете столь бесстыдные обвинения! Это гнусно и подло! Вы трусы! – кричал лорд Дансени. – Ее ребенок не будет жить здесь ни одной минуты!

– Бастард будет жить со мной! – По голосу Эллсмira было ясно, что граф чертовски пьян. – Он бастард, это верно. Но закон на моей стороне! Он мой наследник и будет жить со мной! Я купил его, заплатил кругленькую сумму и имею на него право! Его мать была шлюхой, да, но она родила его для меня.

– Проклятье! – Дансени взвизгнул. – Купили? Вы? Да как... вы смеете намекать, что...

– Ничего я не смею, я говорю как есть. – Эллсмир на удивление ясно мыслил и лучше держал себя в руках, чем лорд Дансени. – Мы заключили с вами сделку: я платил, вы продавали. Так вот, продавая мне дочь, вы надули меня. – Он ослабился. – Товар оказался бракованным. Я платил за девственницу с добрым именем. Она не была девственницей. Тридцать тысяч фунтов пропали даром. И я теперь сомневаюсь, что могу быть уверен в ее добром имени.

Джейми стоял за дверью и слышал, как Эллсмир налил себе вина, а потом, верно, выпил, потому что с грохотом опустил кубок на стол.

– Сэр, я могу сказать, что вы выпили слишком много спиртного. – Дансени честно пытался справиться с обуревавшими его чувствами. – Это единственная причина того, что я слышу сейчас эти нелепые и грязные обвинения в адрес моей покойной дочери. И это дает мне основания забрать внука и покинуть ваше имение.

– Что-о? Внука? – протянул Эллсмир, нимало не испугавшись. – Да вы, как я погляжу, все думаете, что ваша задравшая лапки птичка была ангельским созданием и не знала, как задираТЬ юбку. Э нет, тогда я вам расскажу, как было. Она...

Тираду Эллсмира прервало восклицание, затем послышался стук – что-то упало на пол. Джейми мигом сообразил, что произошло, и бросился на помощь. Граф Эллсмир и лорд Дансени катались по коврику у камина, отчаянно тузя друг друга. Так они могли вызвать пожар, и нужно было действовать.

Джейми выждал минутку и в удобный момент схватил Дансени за шиворот, поднимая его с пола.

– Милорд, не нервничайте. Не стоит так поступать. – Джейми тащил лорда Дансени прочь от Эллсмира.

Лорд намеревался продолжить схватку.

– Хватит, старый осел! – в сердцах воскликнул Джейми.

Эллсмир побеждал в схватке и мог бы убить лорда, такого же старого, но более крепкого и здорового.

Граф встал сам, без помощи Джейми. Он пристально смотрел на Дансени, пытаясь убить его хоть взглядом.

Жидкие волосы его растрепались, плечи вздрагивали, дергая тучное тело.

– Дерьмо. – Он вытер ладонью слюну и говорил почти спокойно. – Каково – на меня...

Он с шумом втягивал в себя воздух, протягивая руку к колокольчику. Джейми понял, что нужно спасать общую ситуацию, а не лорда Дансени, и подскочил к хозяину дома.

– Милорд, не стоит, – он выбрал самый умильный и обходительный тон. Эллсмир оказался зажатым словно в тисках и оттертым от спасительной веревки. – Не стоит этого делать, потому что... не нужно... вмешивать слуг.

Он отправил графа в глубокое кресло.

– Милорд, вам лучше быть здесь.

Наконец появился Джеффрис, несший пистолеты. Он уже взвел курки, но не понимал, кому же требуется помощь: Эллсмир возился в кресле, пытаясь встать, а побелевший Дансени едва стоял. Он шатался, но не падал.

Кучер ожидал, что лорд объяснит, что ему следует делать, но поскольку тот, разумеется, молчал, Джеффрис попросил помощи у Джейми, инстинктивно понимая, кто сейчас хозяин положения. Шотландцу это не понравилось. Какого черта он впутался сюда? А похоже, что его собираются впутать еще глубже. Хэлуотерцы должны были сматываться, пока не наделали бед. Поневоле пришлось распорядиться:

– Милорд, идемте.

Секрет того, что Дансени не падал, был прост: старик держался за стол. Джейми оторвал его и повел к выходу. Навстречу им появилась женская фигура.

– Уильям?

Леди Дансени удивленно смотрела на мужа, требуя объяснений. Она сама была убита горем.

Ее полные руки сжимали нечто, походившее на комок белья.

– Служанка передала, что ты хочешь видеть малыша...

Она не успела спросить, что произошло в кабинете. Эллсмир все-таки ухитрился встать и бросился к ребенку, отталкивая Джеффриса с пистолетами.

– Я не отдам его!

Старый граф властно толкнул супругу лорда, схватил конверт с малюткой и прижал его к себе, прыгнув к окну, чтобы никто не отобрал у него внука. Он был похож на затравленного зверя. Злобно сверкая глазами, он снова заявил:

– Он мой, и я не отдам его!

Малыш закричал во всю силу маленьких легких, протестуя против подобного дележа, шума и всеобщей суматохи. В свою очередь, Дансени хотел вернуть маленького наследника имени графа Эллсмира и бросился к старику.

– Дайте!

– Пошел вон, скотина!

Эллсмир отскочил от наседавшего лорда и распахнул окно. Скрытый занавесками малыш рыдал.

– Убирайся немедленно! Вон отсюда! Слышишь – пошел вон! – Он открыл окно пошире. – Пошел прочь, тварь, или я размозжу голову этому бастарду о камни!

Он вытянул малыша над мостовой. Высота дома была около тридцати футов, и ребенок наверняка бы убился, если бы упал.

Фрэзер повиновался слепому инстинкту. Во время боев он всегда так поступал и всегда выживал, даже в самой жаркой схватке. Он выхватил из руки Джеффриса оружие, быстро повернулся в сторону Эллсмира и выстрелил.

Он не целился, но попал точно. Все мгновенно затихло, даже малыш умолк. Эллсмир поднял густые брови, удивляясь, как такое могло произойти с ним, затем пошатнулся, не удержал равновесие и начал падать. Джейми очень ясно видел, что в суматохе пеленки размотались и одна из них была пробита пулей.

Он сжимал в руках то, что было его сыном. Сверток пищал, ворочался, пытался сбросить с себя пеленки, словом, жил своей особой жизнью, из-за которой только что пролилась кровь и которая была для Джейми дороже всего на свете. Отец стоял дрожа, неспособный ни к новым действиям, ни к рассудительным мыслям. Он не видел и не слышал никого и ничего: ни того, что огонь лижет его сапоги, ни того, что под ногами издает предсмертные хрипы Эллсмир, ни того, что леди Дансени истерически кричит, – все было неважно, потому что он держал на руках сына.

– Мне нужен Маккензи. Оставьте нас одних.

Леди Дансени была рождена не для конюшни. Даже недолгое присутствие ее здесь было нелепым: пухленькая немолодая бледная женщина в трауре была похожа на фарфоровую статуэтку. Место статуэток – каминная доска, и она должна была быть там, тогда как сейчас стояла среди больших сильных животных, дурно пахнущих, и небритых конюхов. Того и гляди разобьешься.

Удивленный Хью поклонился госпоже, уважая ее волю, потрепал себя за волосы и ушел к себе.

Джейми видел фарфоровую бледность лица леди Дансени. Уголки носа и блестящие глаза напоминали, что перед ним стоит живая женщина, а не кукла, но общее впечатление от госпожи было таким, будто махонького гордого кролика одели в траур и поставили перед ним.

Нужно было предложить гостье стул, но его здесь не было. Не предлагать же сено или грязную тачку, в самом деле.

– Маккензи, утром состоялся коронерский суд.

– Да, миледи.

Ему было известно это, как и то, что о состоявшемся суде знали все. Конюхи пытались избегать его сегодня, боясь шотландца, словно зачумленного.

Поскольку в кабинете у Эллсмира находился Джеффрис, он рассказал остальным слугам о том, что стряслось между господами и кто прикончил старого графа. Об этом знали все, но не судачил никто.

– Постановили, что граф Эллсмир погиб в результате печального происшествия, иначе говоря, несчастного случая. Это произошло из-за расстройства, – губы ее дернулись, – графа, возникшего после смерти моей дочери.

Она выговорила фразу до конца, совладав с дрожащим голосом. Леди Дансени, будучи женщиной, проявила большую стойкость и сдержанность в своей скорби, нежели лорд Дансени, – тот и вовсе не вставал с постели, как только приехал домой после разыгравшейся трагедии.

– Да, миледи?

Джейми не был в суде, его не вызвали. На суде из слуг Хэлуотера присутствовал только возница Джеффрис, а о том, что в Элсмире в тот день был конюх Маккензи, суд не знал.

Леди Дансени посмотрела на своего верного слугу. Ее глаза были похожи на глаза Изабель, младшей дочери, – такие же светлые, цвета морской волны и отражающегося в ней неба. Но в силу возраста ее волосы отличались: русые косы блестели не естественным здоровым блеском, а сединой, ясно видимой на свету.

– Маккензи, мы благодарны тебе, – прошептала леди Дансени.

– Спасибо за честь, миледи.

– Мы очень, очень благодарны, – с нажимом произнесла она. – Скажи, ведь тебя зовут не Маккензи, верно? – внезапно заинтересовалась госпожа.

– Верно, миледи.

В конюшне было душно от проникавшего сквозь щели солнца и от сперттого воздуха, наполненного запахом лошадей, но Джейми обсыпало морозом. Неужели леди Джинива поделилась перед смертью их тайной?

К счастью, леди Дансени корректно сменила тему разговора, видя, что конюх молчит в нерешительности.

– Думаю, не к спеху узнавать, кто ты. – Она улыбнулась, ободряя его. – Но кое-что я все же спрошу: хочешь вернуться домой?

– Куда домой? – опешил Джейми.

– В Шотландию, разумеется. Мне кое-что известно о тебе. – Она внимательно изучала его застывшее в напряжении лицо. – Не знаю, какое твое настоящее имя, но от мужа знаю, что ты участвовал в восстании якобитов и сослан сюда под надзор Джона.

Фрээр метнул в нее пыливый взгляд, но не заметил какого-то недоверия или огорчения. Она потеряла дочь, но получила внука, и мелкий обман шотландского парня вряд ли мог тронуть ее.

– Миледи, смею надеяться, что вы не сердитесь на меня за эту хитрость. Лорд Дансени...

– Я знаю, он не хотел пугать меня, – уверенно закончила она. – Но не стоило беспокоиться.

Вспомнив о муже, переживавшем за нее, леди Дансени перестала хмуриться, отчего морщинка от сведенных бровей почти исчезла. Джейми растрогался и ощутил неожиданную боль от этого знака теплой привязанности.

– У нас немного денег. Элсмир говорил тогда об этом, пытаясь уязвить нас. Да, это верно – мы кругом должны. Но мой внук теперь владеет одним из наибольших состояний в графстве.

Джейми не мог предпринять ничего лучше, чем снова согласиться. «Да, миледи» – эти слова уподобляли его попугаю, но что ему было говорить? Возможно, попугай в большой гостиной обладал большей свободой слова. О том, что в Хэлуотере живет редкая птица, Джейми узнал, когда подсматривал в окошко усадьбы на закате, желая хоть издали увидеть молодого графа Элсмира, когда того принесут в большую комнату.

– Мы никуда не выезжаем, – откровенничала леди Дансени. – В Лондоне мы почти не бываем, Уильям не обладает влиянием в высшем обществе. Но...

– Да, миледи? – в десятый раз спросил Фрээр.

Он постепенно стал понимать цель визита леди на конюшню и с замиранием сердца приготовился слушать.

– Джонни... лорд Джон Грей довольно влиятельный человек с большим состоянием. Его приемный отец... но это не так важно, как кажется.

Она вскинула плечо в черной ткани.

– Джон имеет влияние, в отличие от нас, и мы можем попросить пустить его в ход, чтобы ты мог вернуться домой. Потому я здесь. Маккензи, ты хочешь на родину, в Шотландию?

Джейми ловил ртом воздух, будто слова леди Дансени были ударом под дых.

Родина! Бросить навсегда Англию с ее туманами и болотами, отправиться туда, куда так долго запрещали идти, отправиться не боясь, идти по знакомым тропам не таясь, дышать воздухом гор и свободы, видеть утесник и вереск! Освободиться отсюда!

Забыть о чужбине, забыть о притеснениях. Забыть вражду и перестать быть одиноким. Вернуться в Лаллиброх, увидеть, как Дженни повиснет у него на шее, как Эуон засветится радостью и обнимет его, как детишки веселой гурьбой вцепятся в его одежду, растаскивая дядюшку на куски.

Покинуть Хэлуотер – и навсегда покинуть своего ребенка.

Леди Дансени ничего не заметила, настолько искусно Джейми скрыл свои чувства. Его лицо было непроницаемо для чужих взглядов, но сердце разрывалось от боли.

Он видел вчера мальчика. Малышка спал в корзинке, и чтобы полюбоваться им, Фрэзеру пришлось влезть на норвежскую ель, ветки которой доставали до окна детской, разместившейся на втором этаже.

Джейми таращил глаза, пытаясь рассмотреть мальчика сквозь мешавшие взгляду иголки. Он видел лишь профиль маленького личика, но этого было достаточно. Кружевная подушка лежала под его щечкой, головку накрывала шапочка. Сбившись, она открыла взору миниатюрную головку, на которой топорщился золотистый пушок.

«Хвала Господу – он не рыжий». Джейми перекрестился, подумав первое, что пришло в голову.

«Боже, да он крохотный!» Это была вторая мысль, вызвавшая отчаянное желание влезть в окно и взять малышку на руки. Его тельце, живое и теплое, утонет в сильных отцовских ладонях, красивый изгиб головки отлично ляжет ему в руки, и Джейми запомнит, как это – держать на руках сына.

– Малышка, ты сильный мальчик. – Джейми говорил с сыном на расстоянии. – Сильный, смелый и очень красивый. Но ты такой маленький! Какой же ты маленький...

Леди Дансени ожидала его ответа. Алекс Маккензи наклонил голову, понимая, что будет жалеть о своем опрометчивом поступке, что, наверное, очень ошибается, намереваясь сказать то, что хочет. Но по-другому нельзя было поступить, и он проговорил:

– Миледи, спасибо за доброту, но... я не уеду... пока.

Госпожа удовлетворенно кивнула. Казалось, она не удивилась, только повела светлой бровью.

– Слово за тобой, Маккензи. Уедешь, когда захочешь, только скажи.

Она повернулась вокруг своей оси, как будто была заводной фигуркой из механических часов, и покинула конюшню. Мир Хэлуотера с его ежедневными заботами снова поглотил ее. Мир, который держал теперь Джейми намного сильнее, чем прежде, так, как не держала ни одна тюрьма.

Глава 16

Уилли

Удивительно, но следующие несколько лет, проведенные в Хэлуотере, были для Джейми такими же светлыми и радостными, как годы его брака.

Он не должен был отвечать ни за арендаторов, ни за свою семью, ни за чужие семьи, ни за друзей – словом, он был свободен от всех своих прежних обязанностей, а это облегчало его жизнь. Он был предоставлен сам себе, насколько это было можно в Хэлуотере, а обязанности конюха не тяготили его.

Королевский суд не вызывал его и не предъявлял обвинений, а это много стоило. Впрочем, Джеффрис ляпнул кому-то о настоящей причине смерти Эллсмита, и это мгновенно сделало слухом среди слуг. К счастью, это благотворно повлияло на положение Джейми: слуги уважали его и не относились панибратски.

Питался он не в пример хорошо – вовсе не то что в тюрьме; одежда была сносной и не давала замерзнуть; письма, которые удавалось получать из Лаллиброха, содержали утешительные сведения. Значит, можно было не беспокоиться о судьбе домашних.

Неожиданно спокойное течение дней в Хэлуотере стало еще более спокойным: восстановились хорошие отношения с лордом Джоном Греем. Майор честно приезжал в Элуотер каждые три месяца, и Джейми поначалу не находил особого удовольствия в его визитах. Грей был сдержан, вежлив и интересовался исключительно тем, что не выходило за рамки его должностного интереса.

Когда леди Дансени говорила о том, что Джейми может получить свободу, она связывала это с влиянием Грея: «Джонни... лорд Джон Грей довольно влиятельный человек с большим состоянием. Его приемный отец... но это не так важно, как кажется».

Но это было очень важно. Джейми не ошибся, когда считал, что король не имеет отношения к его наказанию: за него замолвил слово лорд Джон Грей. Со стороны майора это вовсе не была месть или особое злорадство – вряд ли он радовался, видя Джейми конюхом, – это была искренняя помощь и рука поддержки. Для осужденного шотландца, принимавшего участие в восстании, нельзя было сделать ничего большего, и Грей пустил в ход все свое влияние, чтобы убедить оставить Джейми в Англии, пусть и в услужении, но не отправлять его в американские колонии. Государственный преступник таким образом получил свет, свежий воздух и – в придачу – лошадей. В сложившихся условиях этого было очень много.

Когда Грей в очередной раз приехал в Хэлуотер, Джейми выждал, чтобы никто не мог им помешать, и тихонько стоял, опершись на изгородь, пока лорд любовался гнедым. Какое-то время оба молчали.

– Ходит королевская пешка, – сказал Джейми негромко, но отчетливо. Он также смотрел на лошадь, ожидая реакции Грея.

Тот удивился этим словам, сказанным будто бы походя, но не обернулся, а только скосил глаза в том направлении, где была изгородь. Но затем он все же повернул и голову, и все тело к Джейми, подойдя к ограде и берясь за нее с другой стороны.

– Королевский конь бьет слона, – произнес он.

Грей говорил с заметной хрипотцой.

Каждый визит майора в Хэлуотер непременно содержал поход на конюшню, где вдали от чужих глаз Грей и Джейми говорили на разнообразные темы. Они нечасто играли в шахматы по памяти, а настоящей доски не было, и все же эти разговоры давали Джейми возможность не чувствовать себя оторванным от мира и закрытым в усадьбе лорда Дансени. В конце концов, это было хорошее развлечение, и скоро визиты майора Грея действительно стали приносить удовольствие обоим.

А еще у Джейми был Уилли.

Лошади Хэлуотера были хороши сами по себе, а в ловких фрэзеровских руках похорошели еще больше. Дедушка Уилли, старый лорд Дансени, усадил малыша на пони, прежде чем тот научился как следует ходить. И он не прогадал: в трехлетнем возрасте Уилли уже ездил верхом сам. Во время этих поездок при нем неотлучно находился конюх Маккензи.

Уилли рос чудесным мальчишкой, смелым, хорошо сложенным, белозубым и очень упрямым. У него не было ни отца, ни матери, могущих его усмирить или, если уж на то пошло, задать трепку или хотя бы просто сделать суровый выговор, и девятый граф Эллсмир, единственный наследник Эллсмира и Хэлуотера, творил что хотел, наводя ужас на слуг и изводя бабушку и дедушку, готовых всячески баловать внука, и молодую тетушку. Но на Маккензи его дерзкие выходки почему-то не распространялись.

Джейми, завидя шаловливое настроение Уилли, всегда прибегал к испытанному средству – обещанию, что больше не будет позволять малышу помогать конюху с лошадьми и возиться на конюшне. Это всегда действовало отрезвляюще на юного графа, но Джейми побаивался, что скоро эти угрозы перестанут иметь действие и что, возможно, следует когда-нибудь прибегнуть к более убедительным методам переубеждения.

Уилли говорил со всеми одинаково вызывающе, и с тетушкой, и со служанками. Когда маленький Джейми Фрэзер говорил так с женщинами, ему немедленно доставалось на орехи от любого находящегося рядом мужчины, благодаря чему он усвоил нехитрые правила поведения в женском обществе. Было бы очень полезно объяснить мальчику, например в пустых яслях, как следует вести себя. Но будучи конюхом, Фрэзер вряд ли мог себе это позволить.

Все же Уилли составлял главную радость в жизни Джейми. Он и конюх Маккензи были неразлейвода. Когда мальчик подрос и уже мог взобраться на большую лошадь, он проводил на конюшне и в особенности с конюхом добрую половину времени, благо там всегда было интересно. Он бесстрашно восседал на телегах, доверху груженных сеном, которое везли с верхних лугов, и влезал на тягловых лошадей, когда те тащили за собой каток, вспахивая горные поля.

Но было кое-что, что могло омрачить жизнь Джейми, более того – что угрожало его существованию в Хэлуотере. Забавно, но это был опять же Уилли.

– Хорошенький мальчик, прямо ангелочек! А как храбро держится в седле! – восторгалась леди Грозир. Она говорила с леди Дансени, а Уилли гордо выставлял себе на обозрение, кружа по лужайке.

Леди Дансени поддержала гостью:

– Да, он души не чает в своем пони, а еще больше в конюхе Маккензи. Так и торчит в конюшне, нам еле удается вытащить его на обед. Он столько времени проводит в конюшне и с лошадьми, что мы шутим, что он уже походит на конюха.

Леди Грозир не было никакого дела до конюха, но теперь она поневоле обратила на него внимание и вскрикнула:

– Да, ваша правда! Плечи Уилли так же развернуты, как и у конюха, и наклон головы такой же... Как занятно!

Похолодевший Джейми склонился перед дамами, почтившими его своим вниманием.

Он всячески пытался не обращать внимания на то, что Уилли с возрастом все больше становится похож на него, Фрэзера, и на то, что не он один замечает это. Толстенький малютка Уилли, лежащий в кроватке, как и все младенцы, не был ни на кого похож, но с годами у него обозначились щеки и подбородок. Носик еще не носил характерных для кого бы то ни было черт, но было заметно, что он скоро сделается фрэзеровским, как и скулы. Глаза синели глубокой синевой глаз Джейми. Они были даже слегка раскосыми – несомненное доказательство сходства физиономий юного графа и его конюха.

Дождавшись, пока все уйдут в дом или по своим делам, Джейми потрогал свое лицо. Неужто так заметно? Мальчонка не рыжий: у него волосы матери – светло-каштановые, с легким золотистым блеском. А что касается огромных торчащих ушей... Джейми не был уверен в том, что его уши не торчат точно так же.

Но он не мог сказать ничего определенного на этот счет: за время, которое он жил в Хэлуотере, у него не было возможности взглянуть на свое отражение, ведь у конюхов не было зеркал, а со служанками он старался не водиться.

Во дворе стояло корыто. Джейми изобразил крайнюю заинтересованность водомеркой, бегавшей по воде, – нужно было остерегаться чужих внимательных глаз, – и стал всматриваться в водную гладь этого импровизированного водоема. Разумеется, это сложно было назвать гладью, ведь поверхность воды бороздили водомерки, плавунцы, к тому же там было полно трухи от сена.

Смотреть было трудновато, но Джейми увидел главное – Уилли был решительно похож на него. Незадачливый конюх сглотнул, наблюдая, как глотает Джейми, отраженный в воде. Да, у Уилли были те же плечи и та же голова, а глаза... Это были исконно фрэзеровские глаза: такие были у самого Джейми, у Дженни и у их отца Брайдана. Пройдет совсем немного времени, и носик мальчика, пока кнопка, сделается прямым, а скулы будут высокими и широкими. Вот тогда-то все раскроется.

Фрэзер отошел от корыта. Он долго раздумывал, глядя на стоящих лошадей в конюшне, но не видел их. Он жил здесь несколько лет, и вот, похоже, пришло время прощаться.

Июльское солнце нещадно пекло, но Джейми Фрэзеру было холодно.

Что ж, нужно в самом деле поговорить с леди Дансени, как она сама предлагала.

Была середина сентября, когда Джон Грей привез в Хэлуотер бумагу, подтверждавшую, что государственный преступник Джеймс Фрэзер прощен. У Джейми уже были какие-никакие деньги, которые можно было потратить на дорогу. Леди Дансени презентовала ему лошадь. Прощание с Хэлуотером почти состоялось – оставалось попрощаться с Уилли, который ничего не знал о готовившемся отъезде его любимого конюха.

– Я уеду завтра. – Джейми усердно рассматривал копыто гнедой и сообщил мальчику эту новость как бы между прочим.

Они подковывали ее, и на полу валялась стружка от ороговелого нароста, который стерли с копыта.

– Куда? В Дервентуотер? Возьмешь меня с собой?

Уильям, виконт Дансени, девятый граф Эллсмир, сидевший на яслях, соскочил с них, оглашая конюшню стуком. Гнедая зафыркала, отпрянув.

– Не нужно так делать, – отметил Джейми неподобающее поведение мальчонки. – Разве ты не видишь, какая Милли нервная? Нельзя ее так пугать.

– Почему нельзя?

– А что ты скажешь, если тебе сделают вот так? Не забоишься?

Джейми ущипнул Уилли где-то над коленом. Тот пискнул от боли и, кажется, понял почему, но тут же спросил:

– А пока тебя не будет, можно я покатаюсь на Милли?

– Нет, – Джейми по десять раз на дню, а то и больше вынужден был отказывать Уилли в его прихотях, когда мальчик хотел слишком многого. – Сколько раз я тебе повторял: она слишком большая.

– А мне хочется, Мак!

– И что же?

– Так оседлай ее! Я хочу!

Девятый граф Эллсмир задрал голову, требуя немедленного выполнения очередной своей прихоти, но Джейми одарил его таким холодным взглядом, что мальчуган ступешевался и перестал смотреть вызывающе. Конюх спокойно поставил на пол копыто Милли, спокойно поднялся и посмотрел на Уилли с высоты шести футов четырех дюймов (в Уилли было три фута шесть дюймов), а потом сказал:

– Нет.

– Да! Почему нет? Да! – Мальчишка затопал по сену. – Ты будешь делать то, что я говорю, ты должен!

– Нет, я не буду, потому что я не должен.

– Да, да, ты должен, должен!

– Нет, потому что...

Джейми помолчал, подбирая слова, встряхнул головой и сел на корточки перед Уилли.

– Понимаешь... Я не буду делать то, чего ты хочешь, потому что я уже не конюх. Вот так. Я ведь говорил, что уезжаю. Далеко.

Мальчишка вконец растерялся. Даже веснушки – у него были забавные веснушки – потемнели.

– Как же так... ты не можешь так поступить! Не можешь уехать.

– Так нужно.

– Нет, не нужно!

Граф Эллсмир сжал зубы и стал похож на прапрадедушку со стороны отца. Джейми был крайне рад, что он один знал, как выглядел Саймон Фрэзер, лорд Ловат, иначе обитатели Хэлуотера были бы поражены сходством.

– Не нужно, я не дам тебе этого сделать!

– Милорд, ты ведь понимаешь, что больше не можешь распоряжаться мной. Мне нужно уехать, и я сделаю это, хочешь ты этого или нет. – Джейми был настроен решительно и радовался оттого, что может говорить Уилли что хочет.

– Если ты не останешься... – Парнишка не мог быстро выдумать сколько-нибудь серьезной угрозы, поэтому использовал первое грозное оружие, бывшее в его распоряжении. – Если ты не останешься, я перепугаю всех лошадей, буду кричать, визжать и топтать, вот!

– Ах ты негодник! Вот попробуй только – ты у меня получишь!

Джейми уже мог не заботиться о том, как воспримут тот или иной его поступок в Хэлуотере, поэтому мог поступать как считал нужным и в самом деле отшлепать избалованного графа. Пуганые породистые лошади были достаточным основанием для телесного наказания.

Маленький граф рассердился, наверное, еще пуще Джейми: пытаясь повлиять на принятое решение, он вдохнул побольше воздуха и понесся по конюшне, визжа изо всех сил.

Гнедая Миллз Флер была недовольна тем, что ее копыта трогали и что-то там делали с ними, а когда паршивец Уилли промчался мимо нее с оглушающим писком, она громко заржала и встала на дыбы.

Другие лошади услышали ее тревожный призыв и также заржали; некоторые били копытами по стойлам. Малец бежал, выкрикивая ругательства – к удивлению Джейми, он знал их предостаточно, – пиная ногами загородки и тем самым еще больше пугая лошадей.

Нельзя было допускать, чтобы переполошилась вся конюшня. Джейми схватил гнедую под уздцы и едва смог вывести ее наружу. К счастью, от этих манипуляций никто не пострадал. Когда Миллз Флер была привязана к изгороди загона, Фрэзер отправился на поиски Уилли.

Тот орал и продолжал бегать по конюшне, не замечая ничего вокруг.

Когда юный граф, в очередной раз пробегая мимо входа, выдал новую порцию ругательств, Джейми легко подхватил его за шиворот – тот брыкался и орал во всю мочь, – поднес к колоде, служившей для подковки лошадей, положил Уилли себе на колени, хорошенько врезал ему несколько раз и рывком поставил на ноги.

– Ненавижу!

Уилли принял вертикальное положение, тяжело дыша. У него было заплаканное лицо; в ярости он сжал кулаки.

– И я не рад тебе, негодник, маленький бастард! – Джейми не выбирал выражений.

Мальчонка покраснел еще больше.

– Нет! Я не бастард! Извинись! Не называй меня так никогда, не имеешь права! И никто не имеет! Я не бастард! Забери свои слова!

Джейми не ожидал такой реакции. Выходит, Уилли был свидетелем какого-то неприятного разговора, и... Он слишком долго пробыл в Хэлуотере, чтобы это прошло бесследно для мальчика.

– Извините, милорд. Я был не прав, мне не следовало говорить этого. Я беру свои слова обратно.

Джейми очень хотел крепко обнять Уилли или хотя бы взять его на руки, но... Но он был конюхом, пускай и бывшим, а мальчик был графом, пускай и юным.

Уилли честно пытался принять вид, хоть отдаленно напоминающий графский: он сдерживал вновь набежавшие слезы и утирал исподволь высохавшие.

– Милорд, разрешите мне.

Джейми сделал то, что ему давно хотелось: встал перед мальчиком на колени и достал грубый платок, чтобы утереть им нос Уилли. Тот смотрел на него очень грустно.

– Мак, ты совсем никак не можешь остаться?

– Совсем...

Синие-синие глаза Уилли опечалились еще больше. Они так напоминали самого Джейми, что он не стал сдерживаться – в конце концов не все ли равно, увидит их кто-то или нет? – и прижал изо всех сил мальчика к себе. Правильно это было или нет, но малыш хотя бы так получил часть отцовской ласки. Джейми мог приласкать его только так, чтобы ребенок не видел слез отца.

Уилли обнял его и дрожал от сдерживаемых рыданий. Джейми гладил его по голове, по спине и утешал по-гэльски.

Он первый прекратил их трогательную близость, отстраняя мальчонку.

– Идем ко мне. Я хочу подарить тебе кое-что.

Сеновал больше не был единственным прибежищем Фрэзера: он давно жил в каморке у кладовки, принадлежавшей раньше главному конюху Хью, который больше не занимался лошадьми. Там было мало места, но было главное – тепло и возможность побыть одному, когда хотелось.

Скромное убранство комнаты составляли койка, табурет, ночной горшок и небольшой столик, на котором размещались все необходимые предметы: книги, большая тонкая свеча в глиняном подсвечнике и маленькая толстая свечка перед статуэткой Богоматери. Деревянную фигурку Святой Девы прислала Дженни, заказав ее у французских мастеров.

– Зачем здесь эта свечка? – полюбопытствовал мальчик. – Бабушка сказала, что так делают только грязные паписты. Мы не жжем свечей перед языческими образами!

– Выходит, я грязный папист, – ухмыльнулся Джейми. – Но это вовсе не языческий образ, это Дева Мария.

– Да? – Уилли казался заинтересованным. – А зачем жечь свечи перед ней?

Джейми задумался, почесывая буйную шевелюру.

– Ну-у... Для того чтобы помнить, наверное. Когда начинаешь молиться, зажигаешь свечу. А пока читаешь молитву, вспоминаешь тех, кто тебе дорог, кого ты любишь. Свеча горит и будто запоминает тех, кого ты помянул в своей молитве.

– И о ком ты молишься?

Мальчонка походил на воробья после драки – такой же взъерошенный и неприбранный. Но его все еще красные глаза уже горели от любопытства.

– Ой, об очень многих людях, всех сразу и не перечислишь. О тех, кто находится на моей родине, далеко отсюда, и о тех, кто сейчас вдали от дома. О родных, они живут в горах в Шотландии. Там моя сестра и семья. О друзьях. О жене.

Иногда Джейми зажигал свечу, чтобы помянуть юную прекрасную Джиниву, чья жизнь была такой короткой, но, разумеется, Уилли не узнал этого.

Мальчик нахмурился, обдумывая услышанное.

– Но ты ведь не женат!

– Я был женат. И я всегда помню об этом.

Уилли потрогал деревянную фигурку, словно боясь нарушить ее покой и в то же время желая удостовериться в ее силе. Дева Мария была кротка подобно голубке, она ласково протягивала к нему руки.

– Мне тоже хочется делать как ты. Хочу быть грязным папистом! – выпалил юный английский граф.

– Нет, что ты! Разве тебе можно? – Джейми был напуган и растроган этим неожиданным признанием. – Бабушка и тетя сойдут с ума.

– Что, у них тоже пойдет ртом пена? Помнишь бешеную лису, которую ты убил? Будет так, да? – ничтоже сумняшеся спросил малютка.

– Что ж... вполне может быть.

– Я хочу быть папистом! – Уилли уже забыл недавние шалости перед лицом новых. – Я никому не расскажу об этом, правда! Ни бабушке, ни тете Изабель. Мак, прошу тебя! Ну пожалуйста! Мне хочется быть таким, как ты! Я хочу быть похожим на тебя! – канючил мальчик.

Джейми одолели сомнения. Вправе ли он так поступать, не зашел ли он слишком далеко? Не будет ли это для избалованного наследника многочисленных земель всего лишь очередной ничего не стоящей забавой, о которой забывают на следующий день? И все же Уилли был настолько искренен в своих заверениях и Джейми так хотелось подарить ему что-то кроме деревянной лошадки, которую он было приготовил для него, что он решился. Отец Макмюррей говорил им в школе, что верующий мирянин вправе совершить обряд крещения, если случай крайний, а священника нет.

Был ли это крайний случай? Как знать. Джейми взял с подоконника кувшин.

Уилли таращил глаза и был серьезен, словно они и правда находились в церкви. Джейми убрал его мягкие волосы с высокого лба, окунул в воду три пальца и вывел ими крестное знамение.

– Нарекаю тебя Уильям Джеймс во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Вода покатила по носу Уилли, и он смотрел на ее бег, пытаясь поймать ее языком. Это было забавно, и креститель засмеялся.

– А почему Уильям Джеймс? – задал каверзный вопрос новоокрещенный. – Мое полное имя Уильям Кларенс Генри Джордж.

Второе имя ему не нравилось, и он скривился, произнося его.

Джейми принял важный вид.

– Когда человека крестят, его называют по-другому. Вот Джеймс, например, будет твое особое папистское имя. Меня тоже так нарекли при крещении.

– Да? Вот здорово! Теперь я тоже грязный папист, да?

– Выходит, что так.

Джейми снова улыбнулся. Сегодня он все делал, подчиняясь зову сердца, и сейчас он достал из-за пазухи буковые четки.

– Держи. Будешь носить их в память обо мне.

Он надел их на Уилли.

– Только носи так, чтобы никто не видел. И ни в коем случае не говори, как я посвятил тебя в паписты.

– Я буду нем, как могила, – торжественно пообещал мальчик.

Пряча подарок под сорочку, он проверил, чтобы четки были незаметны под тканью, проведя по ним рукой.

– Я рад.

Прощаясь, Джейми взъерошил волосы мальчика. Пускай, он причешется потом.

– Беги, малыш, не то к чаю опоздаешь. Бабушка и тетя будут переживать.

Мальчик уже уходил, когда встал как вкопанный. Вновь расстроенный, он трогал четки, висевшие под сорочкой.

– Ты говорил, чтобы я хранил их как память... А что же я подарю тебе? У меня ничего нет с собой!

Джейми попытался улыбнуться, хотя это далось ему очень тяжело. Казалось, что он не сможет ничего ответить сыну, но он очень тихо проговорил:

– Не бойся, я всегда буду помнить о тебе.

Глава 17 Чудовища

Лох-Несс, август 1968 года

Яркие рыжие волосы на ветру лезли Брианне в глаза, оплетая ее лицо паутиной.

– Вот как выглядит солнце. Мне казалось, что я уже забыла о его существовании. – Она смотрела на небесное светило, вовсю жарившее над Лох-Нессом.

Озеро похищало тепло; над ним всегда веял ветерок, радовавший сейчас Клэр.

– А воздух? Без него я была словно бледная поганка, склизкая и тощая. Вот что значит выползти из душных комнат!

– Наука потеряла в вас замечательных исследовательниц, – заметил улыбающийся Роджер.

Радость переполняла троицу, неделями упорно корпевшую над тюремными архивами. Теперь было ясно, что искать нужно в Ардсмьюире, в его документах. Это была крупная удача: во-первых, круг поисков существенно сузился, во-вторых, архивы этой тюрьмы были прекрасно организованы не в пример другим, в-третьих, они предоставляли исчерпывающую информацию по делу Джейми.

Пятнадцать лет Ардсмьюир служил тюрьмой – довольно немного. Его узники подправили здание и перестроили, а после он сделался гарнизонной крепостью. Заключенные очутились в других местах лишения свободы, но большая их часть попала в колонии Америки, то есть навсегда покинула Шотландию.

– Все равно не понимаю, почему же Фрэзер не попал туда вместе с остальными. Неужели он был такой особенный? – недоумевал Роджер.

Именно он изучал список пленных якобитов, отправленных из Ардсмьюира за океан, в Америку. Фрэзера среди них не было, и Роджеру стало не по себе. Неужели он что-то пропустил или не может найти? Или... Джеймс Фрэзер умер в заключении? Как сказать об этом Брианне и ее матери? Но, по счастью, он посмотрел далее и увидел пометку, содержащую сведения о том, что Джейми направлен в Хэлуотер.

– Конечно, особенный! – улыбнулась Клэр. – Но это хорошо, потому что, во-первых, нам легче искать, во-вторых, он страдает... страдал от морской болезни. – Ее оговорку услышали все. – Причем страдал так, что даже такая тихая вода приводила его в ужасное состояние. – Она кивнула на озеро.

– А что насчет тебя? Такое озеро может тебя смутить? – спросил у Брианны парень.

Она отрицательно помотала головой, и ее волосы подхватил ветер.

– Не-е-ет, я – нет. Здесь кованое железо, и никакая ржавчина его не возьмет!

Она игриво постучала по плоскому животу.

Роджер улыбнулся, глядя на ее голое пузо.

– Тогда давай возьмем лодку. У тебя каникулы, времени предостаточно, и можешь делать что хочешь.

– Да? Можно взять? А рыба здесь водится?

Девушка сощурилась, чтобы солнечные блики, отражавшиеся от водной глади, не мешали смотреть на озеро Лох-Несс.

– Ну да. Я сам ловил здесь лососей и угрей. Лодку мы найдем на пристани в Друмнадрохите.

Посетить Друмнадрохит – это была счастливая мысль. День был погожим, а солнце было именно таким, за каким туристы охотятся в августе и сентябре, приезжая в Шотландию. Все шло как нельзя лучше: утром Фиона сготовила сытный завтрак, а в корзинке лежал не менее сытный ленч, к тому же – этому Роджер радовался больше всего – рядом была Брианна Рэндалл. Любуясь ее длинными волосами, парень думал, что в этом лучшем из миров все идет к лучшему.

Он мог без зазрения совести похвастаться своими успехами в том, что касалось поиска Фрэзера. Ради этого пришлось отпрашиваться в колледже, взяв еще один отпуск, и его отпустили со скрипом, но он ни о чем не жалел.

Пометка о высылке Джеймса Фрэзера дала ключ к дальнейшим разысканиям, которые длились еще две недели. Роджер и Брианна даже побывали на выходных в Озерном крае – месте ссылки Фрэзера. Но самое важное ждало их в библиотеке Британского музея. Увидев это, Брианна не сдержалась, отчего читальный зал, где всегда царила чопорная тишина, огласился ее визгом. Находка стоила того, чтобы пройти под ледяными осуждающими взглядами библиотечных работников и читателей.

Королевский акт о помиловании Джеймса Алекса Маккензи Фрэзера за печатью Георга Третьего. Год тысяча семьсот шестьдесят четвертый.

– Чудесно! – Роджер сделал фотокопию акта и теперь пристально изучал ее. – Уже очень близко, осталось совсем немного!

– Близко? – недоуменно отозвалась Брианна. Ее внимание отвлек подъезжающий автобус, и она не стала расспрашивать подробно.

Клэр недоверчиво взглянула на парня, убеждаясь, что он говорит о том, о чем ей подумалось.

Брианна интересовалась поисками, для нее это было забавным приключением, имевшим к ней непосредственное отношение. Она могла надеяться раскрыть тайну своего происхождения и узнать судьбу своего отца, но для ее матери это было жизненно важно. Каменный круг в Крэг-на-Дун в тысяча девятьсот сорок пятом году перенес ее в год тысяча семьсот сорок третий – она провалилась в прошлое. Три года жизни с Джеймсом Фрэзером закончились ее возвращением в тысяча девятьсот сорок восьмой. Итак, после ее таинственного исчезновения здесь, в настоящем, тоже прошло три года.

Выходило так, что, если вернуться в прошлое – она не сбрасывала со счетов эту возможность, – воспользовавшись каменным кругом, вероятно, она попадет в Шотландию тысяча семьсот шестьдесят шестого года, то есть двадцать лет спустя памятных событий. Найденные документы подтверждают, что за два года до тысяча семьсот шестьдесят шестого года, в тысяча семьсот шестьдесят четвертом, Фрэзер был жив. Возможно, Роджеру удастся найти другие документы, где будут содержаться сведения о том, что Джейми прожил еще два года...

– Смотрите, вот оно! – Брианна обратила на себя внимание радостным возгласом. – «Прокат лодок».

Услугу предлагал держатель паба на пристани. Троица направилась туда; Роджер припарковал машину.

– Удивительное дело: коротышки всегда липнут к рослым девушкам!

Роджер тоже думал об этом, но Клэр озвучила его мысли, которые он не успел высказать. Как ей удавалось так точно угадывать чужие мысли?

– Мотыльки, желающие сгореть в огне? – мрачно проговорил парень, наблюдая, как низенький бармен пожирает глазами Брианну.

Девушка отправилась за коричневым элем к ленчу и кока-колой, а ее мать и Роджер ожидали перед стойкой разрешения на прокат лодки.

Бармен был маленьким – едва мог дотянуться до подмышек Брианны, – но очень старался обратить на себя внимание: он во все глаза смотрел на девушку и предлагал ей маринованные яйца и копченый язык, нарезанный ломтиками. Та смеялась, не желая обижать парня отказом.

– Я убеждала ее не иметь дела с низенькими мужчинами, – заметила ее мать.

– Да? Кажется, она не очень прислушивалась к вашим советам. Или советы были неубедительные, – съязвил Роджер.

Он надулся, но Клэр, как и ее дочь, только рассмеялась.

– Да я и не стремилась быть суровой матерью, если честно. Но вообще говоря, нужно напомнить ей, это важно.

– А чем вам не угодили низкорослые?

– Не то чтобы не угодили, но с ними нелегко. Если им не доставить удовольствия общаться с ними, они могут отомстить. Как маленькие собачки: когда все хорошо, они милые и пушистые, но если что-то идет не так, они злятся и могут укусить.

Роджер отреагировал смехом.

– Вы много лет наблюдали за этими мужичками?

– Можно сказать и так. Все дирижеры оркестров не выше пяти футов, и почти все они – те еще образчики. А все высокие... – Она хитро посмотрела на парня. Роджер как раз был высоким – шесть футов три дюйма. – Все высокие нежные, спокойные и надежные.

– Нежные? – Роджер не переставал наблюдать за барменом и развитием его отношений с Брианной.

Девушка, поддавшись на уговоры, недоверчиво пробовала заливное из угря, протянутое ей на вилке.

– Они нежны по отношению к женщинам. Мне думается, что это связано с тем, что высоким ничего никому не нужно доказывать. К чему ломать копья, если видно, что мужчине не нужна санкция на тот или иной поступок? Им нечего доказывать.

– А невысоким...

– А невысокие понимают, что им нужно тянуться изо всех сил, иначе никто не будет воспринимать их всерьез. Они понимают, что очень зависят от общественного мнения, и вынуждены ждать, пока им позволят что-то сделать. В итоге получается, что они разбрасываются по мелочам только ради того, чтобы доказать самим себе и всем, что они могут делать что хотят, как высокие.

– Ммфм.

Роджер издал своеобразный горловой звук, которым шотландцы выражают очень разные чувства. Сейчас он оценил так умные выводы Клэр и снизил до нуля шансы бармена, признав, что хоть он коротышка, но ничего не будет доказывать Брианне.

Клерк наконец выписал им квитанцию. Роджер забрал ее и позвал Брианну, забирая ее из паба.

Рыба не клевала, на озере не было волн, но все равно было хорошо, потому что теплое солнце августа дарило последнее тепло перед осенью и пахло сосновой хвоей и малинником, росшим на берегу. Ленч и вправду оказался сытным, и друзей скоро начало клонить в сон. Брианна первой пала в неравной борьбе со сном и свернулась на носу. Подушкой ей служила куртка парня. Клэр боролась со сном, сидя на корме.

– Ну хорошо, а что скажете о женщинах? – продолжил Роджер, взглядывая на ноги девушки. Брианна была достаточно высокой, чтобы неловко чувствовать себя в лодке, так что она подогнула ноги. – Тоже так же: высокие хороши, низкие плохи?

Клэр раздумывала, не спеша отвечать.

– Нет, не так же. Не думаю, что в случае женщин эти наблюдения верны. Наш характер зависит скорее не от биологии, а от отношений с женщиной. Если мужчина является для нас врагом, он всегда будет таковым, независимо от роста. А если он друг или просто нейтрален, тогда все в порядке.

– Ого, вы феминистка?

– Нет, я веду речь не об освобождении женщин. В тысяча семьсот сорок третьем году, к примеру, мне удалось увидеть то же самое. То есть отношения между полами и все, что с этим связано, не меняются. Различия обусловлены скорее изменениями в поведении, сменой этикетных норм, даже модой, но модели поведения почти неизменны, к сожалению или к счастью.

Она уже не хотела спать и смотрела на озеро, поставив ладонь над глазами. Со стороны могло показаться, что она изучает воду, рассматривает бобров или смотрит, чтобы под лодку не попало бревно, но Роджер думал, что так только кажется и что Клэр смотрит даже выше горных утесов.

– Вы любите высоких мужчин, да? – негромко спросил он, правя лодкой.

Клэр улыбнулась утесам:

– Я люблю одного из них.

– Если я найду его... вы пойдете к нему?

Он отложил весло, чтобы не пропустить, что она скажет и как будет смотреть.

Она вздохнула. Роджер видел, как горят ее щеки, как обтягивающая белая блузка не скрывает ее прелестей, делая акцент на высокой груди и красивой талии.

«Она не вдова, нет: для этого она слишком молода. И красива. Она не будет долго одинокой».

– Пойду ли я к нему? Сколько раз я думала об этом! И я передумала многое, да, многое. Я хочу найти его... но пройти сквозь камни...

Зажмурившись, она подняла плечи.

– Я даже не могу как следует рассказать об этом. – Было заметно, что видит и чувствует сейчас камни, стоящие на Крэг-на-Дун. – Это... не могу описать. Это очень страшно, это ужасно. Легко сказать – «ужасно». Никто не сможет ощутить этот ужас, не испытав его на себе, понимаете? – Теперь она посмотрела на него. – Я могла бы рассказать вам, как я рожала, что испытывала при этом. Но вы ведь не поймете, не сможете понять при всем своем желании. Мужчина может понять, что рожать больно, и это будет правдой, но в то же время это полуправда. Только женщина поймет это, потому что почувствовала это на себе.

Роджер фыркнул, забавляясь аналогией.

– Нет, я так не думаю. Я знаю, каково это, потому что сам слышал, как говорят эти проклятые камни в круге.

Роджер тоже поднял плечи и нахохлился, вспоминая, как Джилиан Эдгарс три месяца назад прошла через круг. Парень даже схватил весла, чтобы ее образ не мучил его: он видел его в кошмарных снах.

– Вы чувствовали, что кто-то рвет в клочья ваше тело, да? – пылливо взглянул он на мать Брианны. – Тебя тянут, мнут, волокут в неведомую даль, кажется, что ты сейчас лопнешь, ведь давление изнутри равносильно давлению снаружи. Каждую секунду ты разлетаешься на атомы. Голова раскалывается, а в ушах стоит противный ор и гул.

Клэр побледнела, глядя на ежившегося парня.

– Вы не рассказывали мне этого... Вы тоже слышали?

– Я не придавал этому значения. – Парень пронзил ее взглядом, доверительно сообщая: – Бри тоже... знает. Она слышала камни.

– Ясно...

Женщина отвернулась от парня и не стала смотреть на спящую дочь. По красивой глади озера расходился оставляемый кильватером лодки след – буква «V». Большие лодки остав-

ляли более заметный след: волны, расходясь крыльями, отталкивались от утесов и возвращались в центр озера. Получался длинный выпуклый вал, который многие принимали за вздохи мифического чудовища из озера Лох-Несс.

– А ведь оно там. – Клэр указала глазами на темные глубины.

Роджеру хотел уточнить, правильно ли понял ее, но уточнения не потребовалось. Было ясно, что она говорит о том самом ужасном звере, который будто бы живет в озере. За свое детство, проведенное возле озера, он вдоволь наслушался этих сказок, которыми пугали друг друга пьяницы и балагуры в пабах Друмнадрохита и Форт-Августуса, и забавлялся, ведь никакого чудовища за все эти годы на глаза ему так и не попало, разве угри да лососи.

Но сейчас Роджер не считал это бреднями выпивох и чудаков. Сидя в мирной лодке, они находились в самом центре легендарного озера, обсуждая, стоит ли Клэр подвергать себя такому риску, вновь отправляясь в прошлое, и если да, то каким образом лучше это сделать.

С большой уверенностью, непонятной ему самому, он мог сказать, что торфяные воды, всегда темные, какое яркое солнце бы ни светило, что-то скрывают. Это было так. Почему – он не смог бы объяснить. Но тайна несомненно существовала, хоть люди до сих пор не смогли раскрыть ее.

– Что именно? – Ему хотелось, чтобы Клэр сама охарактеризовала то, что могло находиться в озере, облекая его догадки в словесную форму. Но он спросил еще и потому, что перед лицом пугающей неизвестности хотелось заполнить пустоту хоть чем-то, пусть и глупыми словами.

Женщина проводила взглядом бревно, поравнявшееся с лодкой.

– Наверное, то был знаменитый плезиозавр. – Она долгое время смотрела в воду, тщетно надеясь разглядеть что-то в темной воде. – Но тогда я не вела дневника, поэтому не могу сказать наверняка.

Губы было изогнулись, но нарождающаяся улыбка тут же умерла.

– А сколько таких каменных кругов, вы не знаете? Прежде всего в Англии, да и в Европе? Ограничимся хотя бы этим.

– Я не могу назвать точное количество... Вероятно, несколько сотен. – Роджер начинал понимать. – А вы хотите сказать, что...

– Нет, пока я ничего не хочу сказать, – порывисто произнесла Клэр. – Пока я только предполагаю, а не утверждаю. Если их так много и если они все стоят вот так, по кругу, то это не может быть простым совпадением. Значит, они выполняли какую-то неизвестную нам функцию, для чего-то служили, например указывали на что-то... А если их так много, то и этого «что-то» раньше было предостаточно и люди об этом знали.

Закончив излагать свои предположения, переросшие в утверждения, она потрянула головой и наконец улыбнулась по-настоящему.

– Это объясняет если не все, то многое.

– Многое?

Теперь Роджер не смог проследить логического перехода от одного суждения к другому.

– Да, конечно, многое. И прежде всего появление странных зверей или чудовищ, как принято говорить. Возможно, что под озером находится что-то похожее на круг из камней.

– Там – коридор времени? Можно перейти из прошлого в настоящее? – Парню никогда бы не пришла в голову подобная мысль, и он уставился на такое знакомое озеро, которое увидел с новой, неожиданной стороны.

– Неплохая мысль, а? – Мысль и правда была хороша, но по выражению лица женщины было неясно, так ли она думает на самом деле или просто шутит. – Знаете, я здесь подумала: описание зверя, живущего здесь, очень напоминает страницы из учебника, где описаны древние твари, вымершие давным-давно. Но если Лох-Несс – это аналог камней, тогда вопросов не возникает.

– Если так, тогда понятно, почему животное описывают по-разному, – Роджер включился в игру. – Каждый раз в коридоре может оказаться кто-то другой, вот и получается, что никак не могут определиться, как же выглядит тот, кто живет в озере!

– Да, именно так. И если так, то понятно, почему никто не смог поймать тех, кто появляется в озере или живет в нем постоянно. Вполне может быть, что озеро населяется время от времени, ведь животные могут попадать в свое время через другие коридоры.

– Прекрасно! – Роджер уже полностью был убежден, что дело обстоит именно так, и оценил идею Клэр.

– Впрочем, мне кажется... нет, я уверена: мне никто не поверит, а коль кто-то и поверит, то массы не оценят моей теории.

Роджер засмеялся этому горькому, но справедливому выводу и разбудил Брианну, брызнув на нее водой. Та вскочила, отряхнулась, зло посмотрела на парня, потревожившего ее сон, и снова легла, красная со сна.

– Вчера нам пришлось подбирать архивные документы: Лидский университет затребовал их обратно, и мы готовили комплект. Сидели до глубокой ночи, вот она и устала. – Роджер заступился за девушку, хотя в этом не было особой необходимости, ведь никто не упрекал ее.

Клэр скользнула взглядом по фигуре дочери.

– Джейми тоже был таким – мог спать где хотел и когда хотел.

Она снова погрузилась в воспоминания. Роджер направлял лодку к суровым руинам замка Уркварт.

– Вся сложность в том, что это очень трудно, и физически, и морально, – заговорила Клэр. – В первый мой проход я думала, что это конец и что хуже не бывает, но второй... мне было в тысячу раз страшнее и тяжелее.

Она неотрывно смотрела на замок.

– Возможно, повлиял день возвращения. Я не могла выбирать. Пришлось вернуться на две недели раньше празднования Праздника костров.

– Джейлис... Джилиан ушла как раз в Праздник костров.

Роджер до сих пор вспоминает тот памятный день, когда он со страхом увидел силуэт женщины, бывшей его предком и его современницей одновременно. Свет пылающего костра очерчивал ее фигуру и слепил глаза. Тогда парень почувствовал, что его трясет от холода. Она скрылась навсегда в камнях.

– В записной книжке было написано, что дверь открыта по праздникам Солнца и Огня. Думаю, она хотела сказать, что ближе к этим дням преодолеть переход намного легче, чем в обычное время. Хотя не стоит исключать ошибки, ведь Джилиан полагала, что пройти можно только убив кого-то.

Клэр вздохнула, вспоминая, как полиция в майский праздник толкалась по камням, доставая из круга сожженные останки Грега Эдгарса: Джилиан облила мужа бензином, чтобы пройти через камни. Чиновники записали, что она скрылась в неизвестном направлении.

Женщина опустила руку в воды Лох-Несса, ставшего внезапно серым от облака, которое скрыло солнце. Ветер вызвал многочисленные волны на поверхности водоема. Известно, что озеро имеет глубину семьсот футов и вода в нем ледяная. Кто же или что может находиться в его свинцовых водах?

– Роджер, скажите, вы бы нырнули туда? – задала вопрос парню Клэр. – Стать на борт и прыгнуть в озеро, погружаясь как можно глубже, так глубоко, что начнут разрываться легкие? А в темноте могут скрываться невидимые, неведомые твари, которые тут же проглотят вас, как только заметят?

Парень ощутил неприятный холодок у сердца. Это не ветер вызвал на его коже мурашки, а рассказ Клэр, вперившей взгляд во тьму Лох-Несса.

– Но самое главное – если бы там была Брианна? Вы бы прыгнули, будь она там, в озере, в глубине таинственных и смертельно опасных вод? – Она отвела взгляд от воды и посмотрела на Роджера. – Прыгнули бы?

Янтарь ее глаз жег его; женщина казалась ястребом, налетавшим на беззащитную жертву.

Парень провел языком по сухим губам, треснувшим от ветра, повел глазами на Брианну, крепко спавшую в лодке, и ответил:

– Да. Думаю, да.

Она молча кивнула.

– И я.

Часть пятая Тебе не вернуться

Глава 18 Корни

Сентябрь 1968 года

В сидящей подле меня даме было по меньшей мере триста фунтов. Во сне она посапывала; ее внутренним органам приходилось нелегко: легкие едва справлялись, и грудь натужно вздымалась. Я чувствовала противную теплоту ее влажной руки, прижимавшейся к моей, и тяжесть ее бедра.

Между ней и стальным телом фюзеляжа оставался узкий промежуток, где я и помещалась. Ничего не попишешь. Кое-как я достала до кнопки, включающей верхний свет. Часы показывали десять тридцать по Лондону. Согласно расписанию, мы должны приземлиться в Нью-Йорке часов через шесть.

Счастливики, которым удалось заснуть, сопели. Остальные стоически вздыхали и не теряли надежды погрузиться в блаженную дрему. Что до меня, то я и не имела такой надежды и загодя положила прочитанный до половины роман одного из любимых авторов в кармашек на спинке кресла, находящегося перед моим. Оставалось только сунуть руку, чтобы насладиться чтением, но я не сделала этого. Мои мысли были далеко от книги: позади, в Эдинбурге, я оставила Роджера и Брианну, собирающихся продолжить поиски, а впереди, в Бостоне...

Но я и сама не знала, что ждет меня в Бостоне, а это не могло не тревожить. Необходимо было вернуться домой хоть на время, ведь срок отпуска давно истек и нельзя без конца брать отгулы за свой счет. У меня было множество забот – привести в порядок дела в больнице, уплатить по счетам, взглянуть на дом, оставшийся без присмотра (лужайка на заднем дворе, наверное, уже напоминает джунгли), навестить друзей...

Одного, в общем-то, – Джозефа Эбернети. Он был моим самым близким другом еще с той поры, когда я училась в медицинской школе, и я хотела бы посоветоваться с ним, прежде чем принять окончательное решение, имеющее все шансы стать необратимым. Улыбаясь, я закрыла книгу и начала водить рукой по завитушкам заглавия – ведь это Джо пристрастил меня к любовным романам, как и ко многому другому.

Я познакомилась с Джо в самом начале учебы. Мы были не похожи на других интернов Центральной больницы, и это сблизило нас.

Я, например, была единственной девушкой, а он – единственным чернокожим. Конечно, нам давали понять, что мы отличны от других, хоть мы и не акцентировали внимание на этом. На работе я отлично ладила с Джо, но не спешила предлагать личной дружбы и участия и уж тем более не выказывала симпатии, да и он тоже. Вплоть до самого окончания интернатуры мы были приятелями, но не более.

Первой операцией, которую я провела сама, было удаление аппендикса. Пациент – крепкий подросток. Все сложилось удачно, и я не боялась, что могут быть осложнения. И все же как хирург я отвечала за состояние его здоровья. Как уйти, не поинтересовавшись, как у него дела? Мальчик еще не отошел от наркоза и спал, поэтому я переоделась и ждала в ординаторской на третьем этаже, хотя вправо была пойти домой.

Кроме меня, там находился Джозеф Эбернети. Судя по всему, он был увлечен журналом «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт», потому что коротко кивнул мне и продолжил чтение.

Здесь, в ординаторской, было что почитать. Журналы из залов ожидания, вынесенные зачитавшимися либо нерадивыми, дешевые затасканные книжки выписавшихся, оставленные в наследство больнице, «Вопросы гастроэнтерологии» полугодичной давности, изрядно потрепанный «Тайм», даже «Сторожевая башня», аккуратно сложенная башенкой, – я перебирала наугад, чтобы отвлечься.

Наконец меня заинтересовала книга без обложки, название – «Пылкий пират» – было написано на титульной странице. Неизвестный автор уверял: «Любовные приключения, возбуждающие желание! Безбрежная, как Карибское море, страсть!» Вот это да, «Карибское море»! Кажется, именно то, что нужно, чтобы развеяться.

Я открыла книгу наугад – на сорок второй странице.

«Надменно передернув плечиками, прекрасная Тесса отстранилась. Движение юной девушки заставило опуститься декольте ее дорогого платья, от чего ее груди предстали обозрению.

Измученный Вальдес расширил зрачки, однако больше ничем не выдал своего восхищения хорошенькой блондинкой.

– Сеньорита, нам представляется чудесная возможность узнать друг друга получше. – Страсть, передававшаяся его голосу, вызвала в Тессе волну невольного сладострастия.

– Я не вожу знакомств с господами пиратами – вы отпетые негодяи! – Девушка бесстрашно обличила его.

Вальдес сверкнул жемчугом зубов и коснулся запоясного ножа, блестящего благородной сталью. Прекрасная пленница впечатлила его отвагой и силой чувства, но более всего прельстила своей красотой».

Удивленная, я продолжила читать: все-таки текст захватил меня.

«Вальдес повелительно прижал девушку к себе, беря губами ее нежное ушко.

– Сеньорита, вы, должно быть, запомнили, что являетесь трофеем и пиратский предводитель сам решает, как с вами поступить, – вкрадчиво проговорил он.

Тесса, сжатая силой его рук, не смогла освободиться, и он легко поднял девушку. Оказавшись на расшитой ткани, покрывавшей кровать, она ужаснулась, представляя, что ждет ее. Тем временем Вальдес снимал с себя одежду, вначале бархатный плащ цвета лазурита, затем тонкотканую белую рубашку с кружевами. Наблюдая за ним, Тесса отметила его прекрасное телосложение; мышцы пирата играли под гладкой кожей. Дотронувшись до застежки пояса, бронзовой, как и его тело, Вальдес остановился, и испуганная девушка замерла, впрочем, желая почувствовать эту бронзу пальцами.

Пират учтиво произнес:

– Мой кодекс не позволяет предоставлять даму скуке. Разрешите...

Он склонился над девушкой, улыбаясь, и Тесса ощутила, как его сильные ладони сжимают ее груди. Вальдес наслаждался их упругостью, нимало не смущаясь тем, что от чувственной плоти Тессы его отделял легкий шелк. Девушка вскрикнула и попыталась спастись в кружеве пуховых подушек.

– Извольте мне противиться? Я сожалею, но ваше прелестное одеяние будет безнадежно испорчено.

Он резко рванул шелк ее корсажа, разведя ладони в стороны, и альпийский пейзаж, доселе скрываемый жадеитом, предстал взору вполне».

Пфф! Мне не удалось скрыть недоумения, и доктор Эбернети вопросительно взглянул на меня. Пришлось принять подобающий строгий вид. Однако события не располагали к строгости.

«Вишневые соски Тессы, похожие на нежные розы, трепетали под губами Вальдеса. Чувствуя жар его рта и шелковое прикосновение его темных локонов к своим перстам, девушка изнемогала от мучительного желания. Его вожеление вызывало в ней ответное стремление,

но одновременно сковывало и обездвиживало ее. Отдавшись новым ощущениям, Тесса не противилась, почувствовав, что рука Вальдеса касается ее подола и движется вверх, обжигая изгибы ее бедер.

– О, моя девочка, – Вальдес постанывал от сумасшедшей страсти, охватившей его. – Ты так хороша, так нежна, так невинна. Впервые увидев тебя на палубе отцовского корабля, я возжелал тебя. Тогда ты казалась холодной гордячкой. Однако теперь это не так, правда?

Тесса и впрямь не была холодна: очарованная поцелуями и ласками пирата, она, задыхаясь, жаждала того, что последует за ними, изгибаясь и предоставляя Вальдесу дарить ей еще большее наслаждение, нежели доселе. Однако же Тесса была удручена тем прискорбным фактом, что ласкает ее убийца и насильник, потопивший не один десяток кораблей и загубивший не одну сотню душ. Как ей следовало вести себя, думала девушка, со страхом понимая, что Вальдес все более распаляется.

– Моя девочка, мы больше не можем медлить, – Вальдес готовил ее к неминуемому. – Я не причиню тебе боли. Ты мне веришь? Я буду нежен, как рассвет над морем...

Тесса ощутила его любовный мускул, стремящийся в ее лоно.

– Нет! – Она бессильно забилась под Вальдесом, с силой прижимавшего ее к кровати. – Пожалуйста, не надо! Прошу тебя!»

О да, пришло время для протеста, ну разумеется.

«– Любовь моя, ложись на меня.

Непрестанно ощущая на своем теле ласки Вальдеса, возымевшие гипнотическое влияние, девушка расслаблялась. Он ласкал ее груди губами, жарко дыша и шепча ей на ухо слова страсти. Тепло, появившееся в ее лоне, распространялось по телу, заставив ее раскрыть бедра навстречу пылкому Вальдесу. Божественно неспешно он похитил девственный цветок ее сада, обретя божественное блаженство».

Ха! Я не удержала книгу. Она упала как раз у ног доктора Эбернети.

– Простите. – Я потянулась за историей пирата и его прекрасной пленницы.

Наверное, я была пунцовой от смущения. Руки вспотели, и на книге остались следы пота. Вопреки моим ожиданиям, доктор, обыкновенно суровый, был мягок и доброжелателен.

– Пять из десяти: Вальдес похитил девственный цветок, – Эбернети широко улыбался.

– Именно. – Я тоже рассмеялась. – Как ты угадал?

– Легко: либо страница сорок два, либо семьдесят три.

– А что на семьдесят третьей?

– Там он ненасытно скользит по ее холмику языком.

– Да ну?!

– Читай.

Он быстро нашел нужный эпизод и отдал мне книгу.

О боже!

«...отбросив покрывало в сторону, Вальдес наклонился над Тессой, щекоча низ ее живота кудрями цвета воронова крыла, и ненасытно скользнул по ее трепетному холмику языком. Девушка издала стон и...»

Я и сама издала стон.

– Вот это да! Ты правда читаешь такое? – Я еле оторвалась от захватывающих дух отношений Тессы и Вальдеса.

– А что здесь такого? – Эбернети улыбнулся еще шире. – И перечитывал, дважды или трижды. Неплохая вещь. Но есть и лучше.

– Ого, здесь есть и другие?

– Ну да. Но чтобы найти получше, нужно искать книги без обложек.

Эбернети занялся поисками лучшего.

– Не ожидала от тебя. Думала, ты читаешь разве что «Ланцет» и «Медицинский вестник».

– Ага. «Методика резекции желчного пузыря» или что там у нас. И это после тридцати шести часов смены, включающей в себя и эту резекцию? Нет уж! Прокачусь-ка я с Вальдесом, поглазею на красоты Карибского моря. Да ведь и ты, леди Джейн, ты тоже должна читать только «Новый английский медицинский журнал». Не так ли?

– Наверное. – Мне было не очень приятно слышать о таких ограничениях. – А почему леди Джейн?

– Это твое прозвище, – Эбернети откинулся в кресле и сцепил руки на коленях. – Обусловлено акцентом. И манерами. Ты не только отлично держишься сама, но и других держишь в рамках. Иногда кажется, будто ты только от стола королевы. Если бы Черчилль был леди, он бы говорил как ты. Это настораживает. Однако это еще не все.

Он начал раскачиваться в кресле, подбирая слова.

– Когда ты говоришь... создается впечатление, что ты знаешь, что тебе все удастся. Если же не удастся – то и это учтено, ты знаешь причину неудачи. Кто тебя научил?

– Война. – Он забавно описал, и я не сдержала улыбки.

– Корея?

– Нет. Сороковые. Я была медсестрой во Франции во Вторую мировую. Тамошние сестры-хозяйки могли превратить интернов и санитаров в жалкую желеобразную массу – и это одним взглядом.

Полезное умение. Без лишних слов помогает указать людям их место. В том числе тем, кто имеет положение и связи. Так что куда там интернам больницы в Бостоне! Эти так, мелкая сошка.

Джо молча согласился.

– Верно. А мне помогал Уолтер Кронкайт.

– Уолтер Кронкайт?

Я не верила своим ушам.

Эбернети улыбнулся. Я увидела его золотой зуб.

– Да, он. Притом бесплатно и каждый вечер. Радио или телевизор. Мама хотела, чтобы я был проповедником, ну, я и потакал ей. – Он опечалился. – Но если бы я и правда говорил как он, худо бы мне пришлось. Наверяд ли бы я поступил сюда. И вообще куда-нибудь.

Я заинтересовалась жизнью Джо Эбернети.

– А как отреагировала мама, когда ты поступил сюда?

Джо продолжал улыбаться.

– Честно говоря, она не сказала толком. Помолчала, повздыхала и сказала, что теперь у нее хотя бы будет дешевая мазь от ломоты в костях.

Я вспомнила свое и улыбнулась.

– Мой муж тоже не прыгал от восторга, когда я сказала, что буду врачом. Уставился, тоже помолчал и сказал, что если мне настолько скучно, то можно помогать писать письма старикам из богадельни.

Джо расхохотался. Его глаза, похожие на ириски, карие с золотым отливом, тоже смеялись.

– Ну да, ну да, переживания родных, забота близких! Эти точно знают, чего ты хочешь и на что способен. «Девочка моя, оставь эти глупости! Задача женщины – вить гнездышко и растить детей. Ты ведь хочешь деток, не так ли?» – Эбернети отлично справился с этой маленькой пародией. – Забудь, они скоро отстанут. – Он коснулся моей руки. – Многие считали, что я прирожденный уборщик и должен мыть туалеты. Мне стоило больших усилий отстоять свой выбор. – И они умолкли.

Пришедшая санитарка сказала, что прооперированный мною мальчик пришел в себя. Мне пришлось уйти, но наша дружба, так неожиданно начавшись на сорок второй странице,

продолжилась. Кажется, только Джо Эбернети понимал и принимал то, что я делала. Он стал лучшим моим другом.

Рельефные буквы на обложке книги были гладкими и приятными на ощупь. Я еще немного посидела с книгой в руках, так и не открыв ее, а потом снова спрятала. Неохота читать.

Из иллюминатора открывался вид на облака, залитые лунным светом. Они отделяли нас от земли, от ее суеты и хлопот. Там, где были мы, было тихо, спокойно и очень красиво, даже величественно.

Казалось, словно я не могу пошевелиться. Меня будто подвесили, лишили всего, оставили одну. Все заполнил «белый шум». Он был в окружающем безмолвии, в спокойном жужжании кондиционера и в прохладе, нагоняемой им, в шагах стюардессы, заглушаемых ковром, и даже пыхтение той грузной дамы тоже было его частью. Однако мы покрывали сотни миль, приближая конец полета. Но только ли полета?

Мои глаза закрылись. Роджер и Бри ищут Джейми в Шотландии. Джо и больница ждут меня в Бостоне. Как быть с Джейми? После, после, я решу после. Потом.

Прядь волос коснулась моей щеки, будто лаская меня. Это ветер, конечно. Показалось. Но показалось и то, что пахнет уже не спертым дыханием, духами и сигаретным дымом, а шерстью и вереском.

Глава 19 Призрак

Слава богу – я на Фэйри-стрит! Это мой дом. С Фрэнком и Брианной мы прожили здесь около двадцати лет. Да, давненько меня не было: лето, как и всегда в Бостоне, было жарким, вот уже полтора месяца, с августа, стояла сушь, и клумба с азалиями почти вся выгорела. Казалось, даже от опавших листьев исходил жар.

Оставив сумки у входа, я включила шланг, похожий на резиновую змею с изумрудной спинкой. Она нежилась на солнышке довольно долго и вобрала в себя столько тепла, что я обожглась.

Пришлось брать шланг как настоящую змею – то одной, то другой рукой. Зажурчала вода, и похолодевшая резина стала быстро терять схожесть с пресмыкающимся, вернувшись к своей обыденной жизни.

Кстати говоря, азалии мне никогда не нравились. Без клумбы было бы лучше, но я не стала их вырывать: мне хотелось, чтобы дом выглядел как при жизни Фрэнка. Брианна была признательна, ведь Фрэнк умер, когда она только поступила в университет, и для нее было бы нелегко видеть, что после гибели отца все меняется. В сущности, именно благодаря дочери в доме ничего не изменилось, ведь мне было все равно, выглядит он так или как-то иначе.

– Напились?

Азалии протестующе затрясли мокрыми листьями. Я выключила шланг.

– На сегодня все. Теперь моя очередь купаться.

Вода лилась в ванну подобно Ниагарскому водопаду. Пена образовывала приятно пахнущие облачка. Будет горячо – воздух наполнился паром.

Я закрыла кран, но осталась сидеть на краю ванны. Из всех звуков в доме был слышен только слабый треск пенных пузырьков. Будто грохот далеких битв. Я вновь вполне сознательно проверяю себя, как тогда в Инвернесе, только тогда меня качал экспресс «Летучий шотландец».

Поездом до Эдинбурга, самолетом в Бостон, из аэропорта на такси. Быстрота и удобство – вот преимущества современной технической цивилизации. Каждый день нас окружают сотни мелочей, которых мы обычно не замечаем в силу привычки: разнообразные торговые автоматы, светофоры, подъемники. Сияющие чистотой туалетные раковины и унитазы обез-

опасили нас от микробов, заблаговременно смытых специальным средством. Ресторанные сертификаты Министерства здравоохранения дают гарантию качества пищи. Мой дом тоже полон маленьких помощников: я включаю свет, зажигаю газ, звоню в дверной звонок...

Но полно, нуждаюсь ли я в этом? Приятно погрузить руки в душистую теплую ванну, осторожно раздвинуть толщу таинственных вод, управлять стихией поворотом крана. Эти привычные комфортные условия, насколько они поработили меня?

Смогу ли я обойтись без кнопок, облегчающих жизнь? Да. Захочу ли купаться в реке, а не в ванне? Да. Откажусь ли от автомобиля? Да! Антураж эпохи – еще не вся эпоха. Да и к тому же этот антураж доступен далеко не всем. Даже здесь, в городе, многие живут без удобств, а что уже говорить о странах, где нет электричества?

Удобства никогда не составляли сколько-нибудь заметную часть моей жизни. Родители умерли, когда мне было пять, и я жила с моим дядей Лэмом. Он был известным археологом. Мы часто отправлялись в экспедиции – какие уж там удобства? Конечно, здорово иметь возможность выкупаться как следует в большой ванне или спокойно заниматься своими делами, не поправляя свечу. Но во время войны у нас не было ни ванн, ни ламп накаливания. И нельзя сказать, чтобы от этого нам плохо жилось. Скорее от другого.

Ванна обещала быть приятной. Сняв халат, я окунулась. Меня сперва пробрала дрожь, но обвыкшись, я расслабилась и легла. Да, а в восемнадцатом веке можно было рассчитывать разве что на бочку, да и то мылись в ней по частям – вначале тело, потом ноги. А большинство жителей мылись в тазу, вместо мочалки используя тряпицу, а вместо душевого шланга – кувшин.

Нелегко им приходилось. Однако комфорт двадцатого века не несет в себе ничего такого, чем нельзя было бы пожертвовать.

Спору нет, он приятен, но жизнь не ограничивается бытовыми удобствами. Мы тщеславно полагаем, будто добились всего, будто человеческая цивилизация достигла вершины развития и будто ужасы прошлого навсегда остались позади. Но разве мы обезопасили себя от ужасов современности? Две войны, одна страшнее другой, и готовящаяся третья – это ли вершина развития?

«Цивилизованная», «современная» война – я слишком хорошо знаю, что это значит. Радости нашей обыденной жизни, возможно, более утонченные, чем двести лет назад, но кварталы Роксбери так же опасны, как и парижские аллеи двухсотлетней давности.

Дотянувшись ногой до затычки, я вытащила ее, и она с хлопком открыла выход томящейся воде. Ванны, войны, виселицы – не все ли равно? Бочка ли, таз ли, изысканная ванная комната... Люди и их влияние на происходящее – вот главное. И так будет всегда. Я, Брианна, Джейми – и ход истории, направляемый нами.

Булькнув в последний раз, вода скрылась в сливном отверстии. Встав, я посмотрелась в зеркало: ну словно креветка! Осталось стереть с себя воду и подождать, пока рассеется пар. Пока можно поглядеться в зеркало, поиграть мускулами, словно заправский атлет.

Атлет не атлет, но в общем ничего. Полных у нас никогда не было, к счастью, а дядюшка Лэм, тот и вовсе был сухопар. Стройный старик, умерший в семьдесят пять, – таким он запомнился. Отец, наверное, тоже был таким же подтянутым. По крайней мере, мне хотелось, чтобы это было так. Мама... Скорее всего, у мамочки было неплохое заднее декольте, как и у многих женщин.

Тело еще не высохло, и зеркало отобразило привлекательный блеск кожи, когда я стала изучать себя сзади. Талия есть, и даже тонкая. Не оса, но вполне.

Ниже...

– По крайней мере, нет ямочек, – приободрила я себя вслух. – Нам далеко до рубенсовских красоток, а значит, можно жить. – Отражение улыбнулось.

Надев ночную сорочку, я отправилась в ночной дозор по дому. Хорошо, что на пути нет голодных кошачьих или собачьих глаз. Старый пес Бозо был последним из наших четвероногих; его не стало в прошлом году. Было бы глупо заводить кого-то еще: Брианна оканчивала школу, я работала в больнице, так что ни у кого не было времени заниматься собаками.

Итак, термостат готов, замки целы, плита выключена. Еще можно заглянуть в комнату Брианны, как я делала это восемнадцать лет подряд, пока она не поступила в вуз.

Что ж, зайдем. Я зажгла свет. Здесь меня встретили привычные вещи, принадлежащие дочери. Вещи, она наполняла свое пространство вещами, так что свободного места в комнате почти не было. Плакаты, фотокарточки, гербарий, различные блестящие и бархатные лоскутки, записочки, рамочки – для нее это было важно, хотя мне подчас казалось мусором.

Она умела жить среди вещей так, чтобы они не поглощали ее, а были отображением ее личности. Удивительное умение. Каждый предмет по-своему значим и находится на своем месте. Я была уверена, что это сговор: все эти лоскутки и бумажки гордо заявляли: «Мы здесь по воле Брианны. Ей лучше знать, зачем мы есть. Она не может обойтись без нас».

И правда, откуда это у нее? Фрэнк был таким же. Его личный кабинет в университете, куда я пришла после похорон, был похож на ископаемый скелет, обладавший разумом и индивидуальностью при жизни своего владельца и внезапно потерявший их. Фрэнк надеял книги, бумаги, документы, канцелярские принадлежности частью себя, и они еще хранили след его рук, еще лежали там, куда он положил их, еще были его книгами, его бумагами.

Мне недаром вспоминался Фрэнк: в своем обращении с вещами Брианна была очень похожа на него. Важные для нее фотографии запечатлевали нас втроем в компании с Бозо, ее с друзьями – это и вправду были частички жизни. Яркие лоскуты поочередно напоминали ее любимые наряды: вот яркость бирюзы, глубина индиго, ясность желтого, крикливость пурпурно-красного. Хорошо, а остальное? На бюро лежат ракушки, почему они заставляют думать о Брианне? Пемза с пляжа в Труро – она-то как соотносится в моем мозгу с дочерью? Просто потому, что она когда-то коснулась этого камешка?

Мне все было непонятно. Я не умела копить, собирать, любовно коллекционировать. Фрэнк говорил, что у меня спартанское воспитание, и успокоился только тогда, когда подросшая Брианна смогла перенять его таинственную эстафету. Будучи самодостаточной, я не испытывала потребности что-то менять вокруг себя, делать предметы своими, заставлять других вспоминать себя, перебирая принадлежащие мне безделушки, – мне вполне хватало самой себя.

Джейми тоже был таким. Носильные вещи, мелочи повседневной необходимости, талисманы – вот и весь набор его шотландской сумки. К чему что-то еще?

Когда мы жили богачами в Париже и когда мы были скромными жителями Лаллиброха – никогда он не был накопителем, трясущимся над хрустальными сервизами или серебряными ложками. У него не было тяги к приобретательству.

В период ранней юности он имел при себе только оружие. Наверное, это оставило неизгладимый след на его характере, как-то особенно определило его личность: доверяй только себе и своей руке. Изолировав себя от окружающего, он обрел себя. Да, верно – заполняя свое пространство вещами, ты становишься их частью; решив познать себя, ты исключаешь сторонние влияния. А познав себя, сможешь познать других. Мы сделали это.

Удивительно – Брианна походила и на Фрэнка, и на Джейми одновременно.

– Спокойной ночи, Брианна. – Я выключила свет.

О Фрэнке я продолжила думать в спальне. Большая, на полкомнаты, двуспальная кровать, аквамариновый атлас покрывала – все напоминало о нем, ярко и зримо.

По сути, здесь мы и попрощались. И сейчас, в преддверии второй разлуки, я вновь вспоминала все, будто снова – и теперь уже действительно навсегда – прощаясь.

– Клэр, уже начало первого. Ложись-ка спать.

Фрэнк выглянул из-за книги. Она лежала у него на коленях – наверное, не очень удобно читать лежа. Но свет – мягкий, ласковый – падал так, что Фрэнк находился словно в надежной шлюпке посреди окружающей темноты и холода. И нельзя сказать, что ему хотелось покинуть эту шлюпку: январь, едва начавшись, уже накрыл морозами, и хоть батареи работали вовсю, тепло и комфортно было только под тяжестью одеял, в постели.

Поднявшись с кресла, я принялась раздеваться. Халат, хоть и шерстяной, не согревал.

– Мешаю? Извини – опять думаю о той операции.

– Ну разумеется. – Голос был сух и недоволен. Немигающий взгляд, устремленный в одну точку, разинутый рот, туповатый вид – о чем же она думает, как не о работе?

– В следующий раз я позабочусь о том, чтобы мой вид тебя не смутил. Правда, тогда я не смогу думать.

Я тоже ответила сухо.

– Ты думаешь, твои мысли что-то изменят? – Фрэнк закрыл книгу. – Ты провела операцию, выполнила свои обязанности, твоя совесть чиста. Чего же еще? Неужели ты надеешься помогать пациентам силой мысли? – Он передернул плечами. – Сколько можно об этом говорить. Эти переживания бессмысленны.

– Да. И все же.

Я залезла в кровать, закутав ноги халатом – до такой степени было холодно. По привычке Фрэнк обнял меня. Я уткнулась носом ему в плечо. Не то чтобы мы были так близки, как раньше, но вместе было по крайней мере теплее.

– Черт, забыла о телефоне.

Пришлось снова преодолевать долгий путь шерстяного царства, на этот раз из тепла обратно в холод. Нужно было отнести телефон на свою тумбочку, чтобы Фрэнк не сердился, если ночью позвонят из больницы. Он любил по вечерам общаться со студентами и коллегами, сидя под одеялом. Я тоже была рядом – читала либо готовилась к завтрашним операциям. Но настойчивые позывные телефона посреди ночи выводили его из себя.

Я была вынуждена просить, чтобы меня беспокоили по ночам только в исключительной ситуации, когда требовалось мое безотлагательное присутствие. Либо если я просила накануне сообщать о состоянии того или иного пациента, как сегодня, например. Резекция на кишечнике грозила ухудшением состояния больного, и, судя по всему, вероятность ночного звонка и возвращения в больницу была выше, чем обычно.

Выключив свет, я снова принялась преодолевать бескрайнюю пустыню одеял. Впрочем, она была обитаемой: я услышала ворчание недовольного Фрэнка, но вскоре почувствовала на себе его руку и сформировала привычный клубочек. Пальцы постепенно согревались, становилось теплее.

Однако ноги вновь озябли, а руки почувствовали тревожный жар – я снова была в сегодняшней операционной. Хитросплетения кишечника не вызывали опасений, но одна из кишок... Она была полна кровотокащих прободений. Худо дело.

– Знаешь... – Фрэнк вернул меня в реальность, такую же холодную, как и в операционной, но темную в отличие от нее.

– Я слушаю...

Реальность не до конца обрела меня. Стол, яркий свет, прободение. Но нужно было отвечать.

– Так что я должна знать? – Я попыталась отвлечь себя от тягостных переживаний, снова и снова напоминающих о себе.

– Мой научный отпуск. Я думаю...

Научный отпуск Фрэнка будет через месяц. Он продлится год, в течение которого Фрэнк побывает в ряде северо-восточных штатов, где соберет материал – на это уйдет три месяца, –

а на следующие полгода уедет в Англию. Потом – три месяца на обработку собранного, осмысление и написание работы.

– Видишь ли, я хотел бы сразу отправиться на Британские острова.

– Отлично. Гулять погода не позволит, но ты прекрасно проведешь время в библиотеках.

– Я хочу поехать с Брианной.

Горло сжалось, я не издала ни звука. В животе похолодело.

– Погоди, ты не можешь... Ты не можешь взять ее с собой: через несколько месяцев она окончит школу и, может быть, тогда... – Говоря, я обретала уверенность. – Летом мы приедем к тебе куда скажешь – в Англию или где ты тогда будешь. Я буду в отпуске, смогу позволить себе...

– Нет. Мы уедем без тебя. Насовсем.

Я мгновенно села на кровати, щелкнула выключателем. Фрэнк прищурился. Он был растрепан, виски были седыми – наверное, это привлекало студентов, не раз названивавших по вечерам. Импозантный университетский дядечка, занимавшийся наукой и молоденькими девчонками. В груди я чувствовала спокойный холод, лед потихоньку таял, и его место занимало презрение.

– Теперь? Почему? Любовница больше не может ждать?

Фрэнк не на шутку испугался. Он был до того забавным, что я с трудом сдержала хохот и только горько усмехнулась.

– Боже, ты думал, я не знаю! Настоящий ученый – рассеян донельзя!

Фрэнк сел на кровати. Видимо, ему стоило больших усилий сдержаться.

– Я был скромн и не давал повода для ревности.

– Ну да, конечно. За десять лет было по меньшей мере шесть «поводов», – я не удержалась от подколов. – Ну а если в два раза больше – это, разумеется, тоже не повод ревновать.

Фрэнк, сколько я его знала, редко давал волю чувствам. Но он закусил губу, и я поняла, что он зол не на шутку.

– Этот «повод», вероятно, уникальный в своем роде.

Я легла на кровать и закинула руки за голову, являя собой образец язвительной небрежности.

– Но зачем так спешить? Какая роль Бри в этом всем? Зачем она тебе?

– Бри сможет доучиться в школе-интернате, – сказал как отрезал. – Смена обстановки ей не помешает.

– Интернат – это не та обстановка, ради которой нужно уезжать из страны. Ей нужно окончить школу, и она вряд ли захочет бросить друзей. К тому же подобные английские школы...

Ух, чопорный английский интернат, место, где ты, как никогда, чувствуешь свое бессилие и невозможность что-либо изменить, – дядюшка Лэм как-то хотел отправить меня в подобное заведение. Я так жалко пыталась протестовать, на всю жизнь запомнила. Иногда больничный кафетерий напоминает о таком бессилии.

– Знаешь, дисциплина никогда не была лишней, – Фрэнк, по всей видимости, долго готовился к разговору и пытался настоять на своем. – Кстати, тебе тоже.

Мне не нравились такие морали, и он решил быть откровенным.

– Скажу прямо: в Кембридже есть неплохое место для меня. Я уже дал свое согласие. Останусь в Англии. Из больницы ты не захочешь уходить, но я не брошу своей дочери.

– Твоей?

Вот это да! И правда готовился! Работа, любовница – все продумано. И для Бри нашлось место в его новой жизни... Но нет, я этого так не оставлю.

– Ну разумеется. Я буду рад видеть тебя в любое время, приезжай.

– Подонок... – Я шипела.

Фрэнк сделал вид, будто мне столько же лет сколько Брианне. Или какой-нибудь из его многочисленных увлеченных им и наукой – им в первую очередь – студентов.

– Клэр, будь умницей. Тебя почти никогда не бывает дома – кто будет заботиться о Бри?

– К твоему сведению, Бри скоро восемнадцать! Или ты думаешь, что ей все еще восемь?

– Ну и что из этого? Восемнадцатилетний нуждается в заботе не меньше восьмилетнего.

На носу университет, а там попойки, наркотрипы и все остальное – я это вижу сам.

– И я. – Я не понимала его логики. – Не думай, что я оперирую только чистеньких старых язвенников. К нам привозят много ребят, которым нужна помощь. Бри не имеет отношения к попойкам и наркотикам.

– Пусть так! Но она в том возрасте, когда готовы спать с кем попало.

– Фрэнк! Она не из таких! У Бри есть голова на плечах. Неужели тебе нужно объяснять, что молодежи нужно личное пространство? Им нужно набить свои шишки. Взрослые дети не могут и не будут ходить по струнке. Или ты хочешь, чтобы она всю жизнь держалась за юбку?

– Лучше юбка. Иначе она будет спать с черными, как и ее мать! – Фрэнк смутился и покраснел. – Я не позволю такого.

Я была вне себя.

– Немедленно прекрати нести чушь!

Взбешенная, я едва могла сдержаться, чтобы не ударить его.

– Живи с кем хочешь, хоть с любовницей, хоть без нее. Но не смей говорить в таком тоне об Эбернети! Ты ведь о нем, не так ли?

Фрэнк отвернулся, пристыженный.

– Это не только мое мнение. Все видят тебя с ним. Ты ставишь под удар Бри. Она может быть в опасности из-за... – Он замялся. – Из-за определенных субъектов...

– Из-за чернокожих, да? Ты чего-то боишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.